

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 3 № 2 2021

VOL. 3 No. 2 2021

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)

languagestudies.ru

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2>

2021. Том 3, № 2

2021. Vol. 3, no. 2

1797

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

Л. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 2,77 Мб

Подписано к использованию 26.10.2021

Published at 26.10.2021

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal "Language Studies
and Modern Humanities" and the author(s) of the material
in question.

Редактор В. М. Махтина
Корректор А. Ю. Гладкова
Оформление обложки О. В. Рудневой
Верстка А. М. Ходан

Санкт-Петербург, 2021

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	119
Лингвистика и междисциплинарные исследования языка и речи.	122
Ашмарина И. Л., Игнатьева И. Г. Разноуровневые средства эвфемизации в текстах британских административных объявлений	122
Березина О. А. Функциональный потенциал безличных предложений в актуализации общей конфигурации ментальной репрезентации события.	129
Кабакчи В. В. Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией	138
Колесов И. Ю. Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора	153
Фурс Л. А. Смысловая объемность структуры предложения.	160
Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Аспекты соотношения дихотомии «язык» и «речь», «ценность» и «оценка»	167
Перевод и переводоведение	174
Horváth I. Speech translation vs. Interpreting.	174
Васильева А. А. Организация переводческого дела в Советской Якутии 1960–1970-х годов XX века	188
Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам	197
Кожухова И. В. Прагматическая компетенция: академический дискурс	197

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief	119
Linguistics and interdisciplinary research in language and discourse	122
<i>Ashmarina I. L., Ignateva I. G.</i> Euphemization at different levels of language: Evidence from UK public signage	122
<i>Berezina O. A.</i> Functional potential of the impersonal sentence for the configuration of the mental representation of the event	129
<i>Kabakchi V. V.</i> Linguistics and politics: Russianisms in the western English-Language political discourse with Russia.	138
<i>Kolesov I. Yu.</i> Interpretational function of language and spatial metaphor	153
<i>Furs L. A.</i> The sentence structure capacity for meaning	160
<i>Chekulai I. V., Prokhorova O. N.</i> Aspects of correlation of dichotomy “language” and “speech”, “value” and “evaluation”	167
Practice and theory of translation and interpreting	174
<i>Horváth I.</i> Speech translation vs. Interpreting.	174
<i>Vasil'eva A. A.</i> Organization of translational work in Soviet Yakutia of the 1960s and 1970s	188
Linguodidactics and language teaching methodology	197
<i>Kozhukhova I. V.</i> Pragmatic competence: Academic discourse	197

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание». Этот выпуск примечателен тем, что его первый раздел «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка и речи» почти целиком составлен из материалов докладов участников круглого стола, состоявшегося в декабре 2020 года в институте иностранных языков и приуроченного к 95-й годовщине со дня рождения выдающегося российского филолога Новеллы Александровны Кобриной, многие годы плодотворно работавшей на кафедре английского языка РГПУ им. А. И. Герцена.

Доктор филологических наук, профессор Н. А. Кобрина — автор более 115 научных и научно-методических трудов, объектом исследования в которых стали разнообразные аспекты морфологии и синтаксиса, грамматики текста и типологии английского языка, понятийные основания категоризации в языке и прагматика оценки, порождение текста и лингвистическая эстетика, язык как сфера культурного обитания его носителей и проблемы ментальных оснований речевой деятельности. Н. А. Кобрина внесла существенный вклад в развитие отечественной когнитивистики, убедительно доказывая в своих трудах, что всестороннее исследование фактов языка невозможно без обращения к ментальному субстрату вербальной деятельности человека и без учета человека как субъекта когнитивно-креативной деятельности. В статьях участников круглого стола И. А. Ашмаринной и И. Г. Игнатъевой, О. А. Березиной, И. Ю. Колесова, Л. А. Фурс, И. В. Чекулая и О. Н. Прохоровой читатели увидят убедительное свидетельство реализации принципа преемственности лингвистической мысли, не раз блестяще иллюстрировавшегося в трудах Н. А. Кобриной в области методологии лингвистического анализа, сравнительной типологии, грамматики и когнитивной лингвистики.

Так, в статье И. А. Ашмаринной и И. Г. Игнатъевой «Разноуровневые средства эвфемизации в текстах британских административных объявлений» рассматривается процесс эвфемизации в институциональном дискурсе, причем авторам статьи, выполненной в русле когнитивно-функционального подхода к языковым явлениям, удастся убедительно показать, что явление эвфемии реализуется не только на лексическом уровне, но также и при помощи разнообразных грамматических, стилистических средств и дискурсивных механизмов.

Статья О. А. Березиной «Функциональный потенциал безличных предложений в актуализации общей конфигурации ментальной репрезентации события» посвящена анализу семантики безличного функционально-семантического варианта *it* как одного из лексико-семантических вариантов данной лексемы, а также выявлению концептуального субстрата, объективирующегося в формах безличности. Новизна представленного в статье исследования, прежде всего, обусловлена рассмотрением концептуальной «нагрузки» безличных структур, позволяющим автору обосновать следующий вывод: в форме и семантике прономинального субъекта безличных структур объективируется общая конфигурация ментальной репрезентации события, предопределяя, таким образом, дискурсивно-функциональный потенциал данных структур.

В работе И. Ю. Колесова «Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора» предлагается интересное развитие мысли, высказанной когда-то Н. А. Кобриной, о взаимосвязи между когнитивной деятельностью человека, его субъективным восприятием, видением мира и свойством вариативности языковых единиц, их приспособляемостью к различным номинативным, структурным и дискурсивным функциям. И. Ю. Колесов подробно рассматривает концептуальную метафору коммуникации, основанную на пространственных образах, как результат интерпретирующей функции языка, указывая при этом, что метафорические модели коммуникации

при ее широкой трактовке включают «когнитивные, семиотические, коммуникативные (функциональные, прагматические, социально-личностные и т. п.) явления».

Статья Л. А. Фурс «Смысловая объемность структуры предложения» предлагает вниманию читателей интересное исследование, выполненное в рамках когнитивного подхода к изучению языка с использованием метода когнитивного моделирования и имеющее своей целью «изучение типов знания, репрезентируемых структурой предложения на материале английского языка, что позволяет раскрыть особенности ее смысловой объемности». Отдавая дань тому значительному вкладу, который внесла Н. А. Кобрина в развитие синтаксической теории языка, автор подробно описывает разные способы увеличения смысловой объемности структуры предложения, включающие модификацию категориального значения глагола, разнообразные модели метафоризации и метонимизации, а также активизацию нескольких знакомых систем, особо отмечая при этом, что в предложении помимо декларативного знания репрезентируется также и процедурное знание, представленное когнитивной доминантой, когнитивным мониторингом и когнитивным контролем.

Статья «Аспекты соотношения дихотомии “язык” и “речь”, “ценность” и “оценка”» И. В. Чекулая и О. Н. Прохоровой освещает вопрос соотношения двух дихотомий — «язык» и «речь», «ценность» и «оценка», проводя параллель между данными дихотомиями и высказывая предположение о том, что «во всей теории языковой оценки изучение соотношения механизмов порождения речи с механизмами оценочного отношения как совокупности механизмов перевода ценностного отношения в оценку, выраженную конкретными речевыми средствами, является наиболее важным проблемным узлом».

Помимо упомянутых выше статей, представленных в данном выпуске по материалам круглого стола, раздел «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка и речи» знакомит читателей со статьей В. В. Кабакчи «Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией», посвященной актуальному анализу использования русизмов в англоязычном политическом дискурсе. Предлагая читателям совершить интересный экскурс в прошлое, автор статьи останавливается на нескольких важнейших для взаимовлияния русского и английского языков и культур исторических периодах, на примере ряда тщательно подобранных русских заимствований демонстрируя ход многовековой политической дискуссии между Россией и Западом.

Следующий раздел данного выпуска журнала «Перевод и переводоведение» открывается статьей И. Хорват «Speech translation vs. Interpreting», поднимающей один из самых важных вопросов современной теории и практики перевода, а именно: заменит ли в ближайшем будущем автоматизированный устный перевод человека? Сможет ли переводчик конкурировать с машинным переводом устной речи, становящимся в наш век цифровых технологий востребованным в целом ряде областей? Предлагая глубокий и теоретически значимый анализ феномена автоматизированного перевода речи (Automated speech translation), автор утверждает, что устный перевод, выполненный человеком (Human interpreting), представляет собой значительно более сложный творческий процесс, требующий от переводчика когнитивной гибкости, высокого профессионализма и владения разнообразными «мягкими» навыками.

Вторая публикация раздела, «Организация переводческого дела в Советской Якутии 1960–1970-х годов XX века» А. А. Васильевой, посвящена описанию той поистине выдающейся роли, которую сыграл Семен Петрович Данилов, председатель Союза писателей Якутии в 1961–1978 гг., в организации переводческого дела в республике. Указывая на значимость перевода произведений якутских классиков и героического эпоса олонхо Платона Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» на русский язык, автор статьи убедительно демонстрирует, что художественный перевод как «форма фиксации духовного богатства того или иного народа» способствует интеграции национальной культуры в мировое культурное и языковое пространство.

Последний раздел текущего выпуска журнала «Лингводидактика и методика обучения иностранным языкам» представлен статьей И. В. Кожуховой «Прагматическая компетенция: академический дискурс», в которой формирование прагматической компетенции как один из наиболее актуальных вопросов современной педагогики и лингвистики анализируется в условиях дистанционного образования в академическом дискурсе. Автор предлагает ряд рекомендаций по минимизации коммуникативного давления и сохранения позитивного лица обеих сторон академической коммуникации (преподавателя — обучающегося), анализируя использование смягчающих модальных глаголов, клише, маркеров вежливости, хеджей-митигаторов, инклюзивного «мы».

Все вошедшие в этот выпуск журнала статьи посвящены актуальным проблемам современного гуманитарного знания, что позволяет надеяться на ваш, уважаемые читатели, интерес к представленным в нем материалам.

*С уважением,
заместитель главного редактора
доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка и лингвострановедения
РГПУ им. А. И. Герцена
Зинаида Марковна Чемодурова*

УДК 811.111

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-122-128>

Разноуровневые средства эвфемизации в текстах британских административных объявлений

И. А. Ашмарина^{✉1}, И. Г. Игнатьева¹

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ, 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Сведения об авторах

Ирина Леонидовна Ашмарина,
SPIN-код: 2106-9632,
e-mail: irina_ashmarina@mail.ru

Ирина Геннадьевна Игнатьева,
SPIN-код: 2363-0493,
e-mail: i.ignatieva@inno.mgimo.ru

Для цитирования:

Ашмарина, И. А., Игнатьева, И. Г.
(2021) Разноуровневые средства
эвфемизации в текстах
британских административных
объявлений. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 122–128.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-122-128>

Получена 3 марта 2021; прошла
рецензирование 24 июля 2021;
принята 4 августа 2021.

Права: © И. А. Ашмарина,
И. Г. Игнатьева (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается явление эвфемии в текстах британских административных объявлений. Исследование основывается на мини-корпусе из примерно 300 объявлений, собранных в общественных местах Великобритании. Новизна исследования в том, что авторами предлагается более широкая трактовка явления эвфемии, согласно которой эвфемия реализуется не только на лексическом уровне путем замены слова или словосочетания на более приемлемые в лингвокультурном или лингвосоциальном плане, но и на грамматическом уровне (уровне конструкций), а также за счет стилистических, дискурсивных и прагматических средств. Отмечается, что более половины административных объявлений в корпусе представлены такими речевыми актами, как директивы и прохибитивы, и эвфемизация в них необходима во избежание социального напряжения, конфликтов и нацелена на создание политкорректности по отношению к разным социальным, возрастным, культурным и этническим группам населения Великобритании. В качестве грамматических средств эвфемизации в текстах объявлений представлено использование «мягких» модальных глаголов *can* и *may* в противовес «жесткому» *must*. Лексические средства эвфемизации прохибитива и директива представлены в виде использования смягчающих слов, составляющих формулы вежливости (*please, thank you, sorry*) в конструкциях с грамматическим императивом, а также лексем типа *help, save, support, respect, enjoy, discover* и др. в тех же конструкциях, позволяющих маркировать пресуппозицию уважения и благожелательности. Стилистические средства составляют юмор, рифма, аллитерация, аллюзия. В качестве дискурсивных средств эвфемизации рассматриваются высказывания, состоящие из нескольких предложений, в которых дается объяснение сути, причины, сферы действия или последствия запрета или директива, за счет чего смягчается его общий тон. Прагматические средства эвфемизации представлены косвенными речевыми актами, в которых запрет или директив выводятся в импликацию высказывания. Делается вывод о том, что все перечисленные средства представлены в каждом конкретном тексте административного объявления не по отдельности, а задействованы как ансамбль средств эвфемизации, что свидетельствует о том, что эвфемизмы могут быть рассмотрены как явления разных уровней языка.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемизация, эвфемизм, политкорректность, запрет, административные объявления, прохибитив, директив, косвенные речевые акты.

Euphemization at different levels of language: Evidence from UK public signage

I. L. Ashmarina^{✉1}, I. G. Ignateva¹

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Authors

Irina L. Ashmarina,
SPIN: 2106-9632,
e-mail: irina_ashmarina@mail.ru

Irina G. Ignateva,
SPIN: 2363-0493,
e-mail: i.ignateva@inno.mgimo.ru

For citation:

Ashmarina, I. L., Ignateva, I. G.
(2021) Euphemization at different
levels of language: Evidence from
UK public signage. *Language
Studies and Modern Humanities*,
vol. 3, no. 2, pp 122–128.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-122-128>

Received 3 March 2021;
reviewed 24 July 2021;
accepted 4 August 2021.

Copyright: © I. L. Ashmarina,
I. G. Ignateva (2021). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The article examines euphemy in UK public signage. The study is based on a mini-corpus of about 300 signs collected in public places around the UK. The authors offer a broader understanding of euphemy positing that euphemy exists not only at the lexical level and thus is represented as words, or lexemes, but can also be found at the level of grammar, style, discourse and pragmatics. Half of the public signs in the corpus are prohibitive and directive speech acts, which makes euphemy essential in order to avoid social tension or confrontation in society and to enhance political correctness related to different social, age, cultural and ethnic groups in the UK. Grammatical means of euphemization comprise a wider use of “soft” modal verbs *can* and *may* compared to the more rigid *must*. Lexical means of euphemization of prohibitives and directives are “benevolence” words *help*, *save*, *support*, *respect*, *enjoy*, *discover*, etc. used in formulas of politeness and intended to ameliorate the unpleasant, negative effects of strict prohibition. The use of humour, rhyme, alliteration and allusion makes up the stylistic means of euphemization. Euphemization is also represented by specific discourse features: short texts explaining the reasons, purpose or consequences of a prohibition, which makes the prohibition more digestible and acceptable for the public. Pragmatic means of euphemy comprise indirect speech acts which express a prohibition or a directive implicitly. The findings presented in the article are that almost each text in the sample offers a case of euphemy expressed by an ensemble of means at different levels of language all working together. It is concluded that euphemisms emerge and function at different levels of language and are not limited to vocabulary, or the level of lexis.

Keywords: euphemy, euphemization, euphemism, political correctness, prohibition, public signage, prohibitive, directive, indirect speech acts.

Введение

Явление политкорректности накладывает своеобразный отпечаток на современный англоязычный общественный дискурс, обуславливая появление эвфемии. Термин **эвфемия** был предложен И. Р. Гальпериным более полувека назад: эвфемизмы определяются им как «слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-либо неприятными, грубыми, неприличными или низкими» (Гальперин 1958, 164). «Словарь социолингвистических терминов» под редакцией В. Ю. Михальченко определяет эвфемизм как «слово или выражение, заменяющее другое слово или выражение, которое представляется говорящему нежелательным в лингвокультурном или социальном отношении» (Кожемякина, Колесник, Крючкова и др. 2006, 242). Иными словами, эвфемия интерпретируется как осознанный отход от речевой нормы, обусловленный

стремлением исключить возникновение неприязни, отвращения, ненависти, любых неприятных эмоций, связанных с денотатом, или сгладить их воздействие (Ашмарина, Игнатьева 2020, 153).

Процесс эвфемизации в институциональном дискурсе играет важную роль в мультикультурной, полиэтнической и политкорректной городской среде Великобритании. В частности, к институциональному дискурсу относятся административные объявления в общественных местах, где явление эвфемии реализуется особенно ярко. Под административными объявлениями в данной статье, согласно Н. А. Карповой, понимаются письменные тексты, «расположенные в общественных местах и нацеленные на побуждение адресата к действию» (Карпова 2015, 94). Соответственно, в случаях с прохибитивами это тексты, запрещающие какое-либо действие. Административные объявления призваны регулировать жизнь общества и налагают определенные запреты на те или иные социальные

акты, паттерны. Эвфемизация запретов и жестких императивов в текстах административных объявлений позволяет избежать социального напряжения и конфликтов среди различных социальных групп.

В сложившейся лингвистической традиции явление эвфемии рассматривается как особенность лексического строя языка и на уровне слова/словосочетания. Однако, как показывает наше исследование, эвфемия реализуется не только на лексическом, но и на других языковых уровнях, например, в регулярном выборе устойчивых грамматических средств, так как тексты административных объявлений очень конвенциональны, ср. русские выражения «ЗапАснЫй выход», «Вход ВОСпрещен», англ. «No smoking», «No parking», «Private property — Anyone found dumping rubbish will be prosecuted». В целом можно сказать, что явление эвфемии в английском языке реализуется лексически, грамматически, а также с помощью дискурсивных, стилистических и прагматических средств. Иными словами, эвфемизация осуществляется разноуровневыми языковыми средствами.

Материал исследования

Материал исследования собран в период с 2013 по 2019 гг. в различных общественных местах Великобритании: парках, ресторанах, музеях, галереях, в транспорте, на автобусных остановках, ж/д вокзалах, аэропортах и т. д. Мини-корпус примеров составляет 291 объявление. Объявления фотографировались и/или записывались, после чего подвергались лингвистическому анализу. Как показал анализ, 150 из них, т. е. половина, репрезентируют концепт PROHIBITION, являющийся одним из базовых концептов, регулирующих социальную жизнь общества и каждого его члена и обеспечивающих стабильность и стереотипность общественно-приемлемого поведения. Другая половина примеров в корпусе является высказываниями информативного или рекламного характера и может как включать в себя эвфемизмы, так и не содержать их, однако подобные высказывания также выполняют регулятивную функцию, например:

- (1) Discover our other venues (инфошит с планом исторической части Эдинбурга, *discover* является заменой более прямолинейному *visit*)
- (2) Please be aware: these toilets are cleaned by male and female personnel.
- (3) Ladies Powder Room (эвфемизм, заменяющий слово *toilet*)

- (4) Talk to us if things are getting to you 116123. This number is FREE to call round the clock. Samaritans (рекламно-информационный щит НКО, занимающейся профилактикой суицидов)

Предмет исследования

Предметом исследования являются административные объявления запретительно-директивного характера. Большинство из них состоят из одного-двух предложений, хотя в ряде примеров текст объявления может быть большего объема и включать в себя 10–15 предложений. С точки зрения теории речевых актов данные высказывания являются прямыми или косвенными прохибитивами и директивами.

Прототипическим средством выражения **прохибитива** (запрета) являются отрицательные частицы *no* и *not* (императив с *do not*): число вхождений *no* в корпус из 291 объявления составило 161, *do not* — 32. Запрет также выражается с помощью специализированных лексем *private* (9 вхождений), *only* (11), *(not) allowed*, *(not) permitted*, *forbidden* (единичные случаи):

- (5) Please do not obstruct these gates.
- (6) Swimming in the lake is not allowed.
- (7) Fishing is not permitted.
- (8) No climbing on the chalk cliff face.

Прототипическим средством выражения **директива** является императивная конструкция с глаголом в повелительном наклонении или высказывание с дейктиками, например:

- (9) Keep clear at all times (на лестничной площадке в многоквартирном доме; рус. эквивалент «Проход не загромождать»)
- (10) Please keep to the right.
- (11) Bus station this way.
- (12) Entry this side.
- (13) No pedestrians crossing here.

Необходимо отметить, что из 150 прохибитивно-директивных высказываний в мини-корпусе только 18 (27%) представляют собой ничем не смягченный жесткий запрет или указание, например:

- (14) Keep off the groynes! (на пляже)
- (15) Do not sit young children behind the steering wheel (в парке аттракционов)
- (16) Wear your seat belt around your waist & follow operators instructions.
- (17) NO BBQ.
- (18) Children must be supervised at all times.

Остальные примеры в выборке (73%) содержат эвфемии, реализованные различными способами. Данная часть корпуса представлена разноуровневыми средствами, которые могут быть представлены в виде следующей классификации.

Разноуровневые средства эвфемизации

Предлагаемая классификация включает в себя грамматические, лексические, стилистические, дискурсивные и прагматические средства. В одном и том же административном объявлении с эвфемией в подавляющем большинстве случаев фигурируют два и более способов эвфемизации, т. е. основания классификации пересекаются, как в любой естественной классификации.

Грамматические средства

К грамматическим средствам относится использование «мягких» модальных глаголов *can* (21 вхождение в корпус), *may* (24 вхождения, как в пермиссивном, так и в эпистемическом значении), в противовес «жесткому» *must* (27 вхождений), как в примере 18.

(19) Safety notice

Landing and steps **can** be slippery

Our resident birds **may** peck if provoked — keep fingers away from beaks!

Peacocks **can** be dangerous — don't get too close

Whilst we keep traffic to a minimum on estate

roads, there **may** be some vehicle movements

Running in the maze is dangerous because it **can** be slippery and you **may** need to change direction quickly (инфошит в парке замка Лидс)

(20) Improvement work to tracks and stations **may** affect your journey. Look for publicity at stations or visit tfl.gov.uk.

(21) Under section 54 of the Civic Government (Scotland) Act 1982, Police Scotland **can** ask buskers to stop performing where their performance is disturbing others. If you do not comply, the matter **may** be referred to the Procurator Fiscal and your equipment **may** be seized (объявление, регулирующее работу уличных музыкантов в Эдинбурге)

В целом необходимо отметить, что «мягкие» модальные глаголы в текстах административных объявлений в два раза частотнее, чем жесткий *must*, что свидетельствует о наметившемся прототипическом сдвиге — *can* и *may* постепенно превращаются в прототипические средства

выражения речевых актов прохибитива и директива в данном виде дискурса.

Лексические средства

Средства лексического или, точнее, лексемного, уровня представляют собой слова, создающие атмосферу уважения и благожелательности, — например, *please* (80 вхождений), *thank you* (16 вхождений), *sorry* (2 вхождения), *enjoy* (5 вхождений), *respect* и дериваты (14), *save* (4), *help* (5), *support* (3), *welcome* (14), *discover* (пример 1), *free* в значении «бесплатно» (4), а также конструкции с *Why not* (3):

(22) Do not touch. **Enjoy** looking (на экспонате в музее)

(23) Why not visit another of our properties nearby? (приглашение на инфошите посетить близлежащие средневековые замки)

(24) **Save** money with an Explorer Pass or membership of Historic Scotland

Support Scotland's Heritage and **enjoy free** entry to over 70 historic sites.

(25) Welcome to the Level Scatepark

Open 8 am 10pm daily

Please **help** us keep this scatepark safe and pleasant for all to enjoy.

(26) Please **respect** other garden users. Walk your bike.

(27) No food or drink

Thank you for your cooperation.

Необходимо отметить тот факт, что фрейм концепта *respect* обнаруживает неожиданный для носителей русского языка слот в текстах административных объявлений. Современные словари, основанные на корпусных данных, отмечают, что на месте объекта у предиката *respect* может находиться как одушевленный денотат, так и абстрактные неодушевленные сущности, например, *respect someone's wishes/decision/rights/needs/the law/feelings/authority/knowledge/privacy/memory/sanctity* (Cambridge Dictionary 2021; Oxford Learner's Dictionaries 2021). Однако в текстах административных объявлений в объектном слоте фрейма появляются *facility/place/area/garden* — слова конкретной семантики с пространственным значением. В примерах ниже эти слова репрезентируют объекты городской инфраструктуры:

(28) Please **respect** this place of prayer and its visitors by not taking photographs or using videos and by switching off mobile phones (в соборе святого Павла в Лондоне)

(29) Please **respect** this planted area by keeping dogs and children out. Thank you (на газоне в парке)

(30) Please **respect** the gardens of the Scottish national war memorial.

(31) Please **respect** this facility and put any rubbish in the bins.

Характерной чертой текстов объявлений в анализируемом корпусе является то, что слова, создающие атмосферу уважения и благожелательности, перечисленные выше, образуют регулярные синтаксические паттерны. Например, *please* предшествует глагольной форме; в корпусе нет примеров, где это слово находилось бы внутри предложения или в его конечной позиции. Слова *thank you* и *sorry* всегда следуют в конце административного объявления. Кроме того, некоторые из этих слов как бы погружены в дискурсивный ландшафт. Так, ряд лексем регулярно встречаются в музейном дискурсе и становятся его маркерами: например, *enjoy*, *discover* и *Why not* характерны для музейных инфошитов. Глагольные лексемы *save*, *support*, *help* фигурируют в просьбах о пожертвованиях, тексты которых можно встретить во всех британских музеях. Сама просьба о пожертвовании обязательно содержит объяснение того, как можно помочь или поддержать музей. Так, в синтаксическом паттерне с этими глаголами есть фраза, вводимая при помощи предлога инструменталиса *with* (*save ... with* в примере 24) или *by*:

(32) You can **support** Brighton Museum by becoming a member of the Royal Pavilion and Museums (см. аналогичный паттерн с *by* и примерах 28–29)

В конструкциях с глаголом *help* в музейном дискурсе находим распространенный инфинитивный оборот:

(33) By becoming a member you will **help us to conserve the Royal Pavilion, purchase works of art, showcase exhibitions and support learning programmes.**

Регулярность реализации описанных выше паттернов позволяет утверждать, что это не просто лексические, но грамматикализованные средства выражения эвфемии, образующие синтаксические конструкции и часто реализуемые в административных объявлениях как особом виде дискурса. Иными словами, эвфемизация достигается при помощи конструкции

предложения, и перечисленные лексические средства являются константами конструкции.

Стилистические средства

Стилистические средства эвфемизации текстов административных объявлений представлены использованием юмора, рифмы и аллюзий, чаще всего, в объявлениях, адресованных детям. По нашим наблюдениям, подобные средства в России используются крайне редко. Примеры 34–37 иллюстрируют стилистическое использование **юмора**:

(34) I'm a bin. Drop your litter in (текст на уличной урне в Эдинбурге)

(35) For fish's sake bin your litter (текст на урне в приморском Брайтоне)

(36) Weeds for sale. Pick your own (табличка на заросшем сорняками газоне в замке-музее)

(37) Annoying the cook will result in smaller portions (объявление у окна раздачи в школьной столовой)

В следующем примере усматривается **аллюзия** к «Алисе в Стране чудес», когда Алиса находит флакон с надписью «Выпей меня». Это надпись на табличке на древнем стуле в музее:

(38) Please do not sit on me.

Аллитерация до сих пор составляет важную часть англоязычной поэтики, видимо, поэтому ее часто можно встретить и в таких тривиальных текстах, как административные объявления:

(39) Staying safe in the sun. (детский рисунок на инфошите на пляже)

Public Health School Programme

— **Slip** on protective clothing

— **slap** on a hat

— **slop** on sun cream and reapply it all day (SPF 30 or higher)

— **slide** on sunglasses

— **seek** shade

Дискурсивные средства

Использование дискурсивных средств представлено случаями, когда прохибитив или директив сопровождается объяснением причины в виде добавочного предложения/предложений, добавления контекста. В ряде примеров запрет объясняется в виде ссылки на законодательный акт, как в примере 21.

(40) Do not walk over road
For your own safety please use the underpass.

(41) No smoking
Our grounds are smoke free.

Интересно отметить, что иностранной публике, мало знакомой с особенностями климата и архитектуры Великобритании, требуется объяснить, почему нельзя бегать или прыгать у исторических зданий. Специальные объявления предупреждают публику о том, что ступеньки могут быть скользкими и мощение неровным. Так, в объявлениях, зафиксированных в разных районах Великобритании, слово *slippery* имеет 5 вхождений в мини-корпус, а слово *uneven* — 4:

(42) CAUTION
Corpus Christie College
Please be aware that all these are ancient buildings. The pathways are **uneven** and sometimes **slippery**. The steps are worn and can be of various heights. The college accepts no liability in the event of personal injury (объявление на стене факультетского здания в Кембридже)
(43) TAKE CARE!
There are many different and **uneven** surfaces, steep and narrow passages and stairs all around this ancient Keep.
Please take extra care to avoid slipping or tripping!
(на стене в замке Арундель)

Аналогичные добавочные предложения с объяснением сути, причины или сферы действия запрета или директива иллюстрируются также примерами 19, 26, 28, 29 и др. Как следует из примеров, текст объявления будет прагматически эффективным, только если он сопровождается развернутым объяснением, т. е. если автор сообщения задействует дискурсивные средства.

Прагматические средства

Прагматические средства, как и любые другие языковые средства, способствуют достижению перлокутивного эффекта высказывания. Однако в рамках статьи к собственно прагматическим средствам отнесено формулирование запрета или указания в виде косвенных речевых актов. В примере 19 косвенным образом выражено побуждение внимательно смотреть по сторонам при переходе через дорогу на территории парка. В примере 25 «Please **help** us keep this scatepark safe and pleasant for all to enjoy» в импликацию высказывания выведен запрет «не сорить». В примере 37 имплицирована просьба не толкаться, соблюдать очередность, четко и вразумительно называть пункты меню при заказе. Другой пример косвенного речевого акта

содержит имплицированный запрет «экспонаты руками не трогать»:

(44) Touching can damage
Please enjoy looking. (объявление у старинного ткацкого станка с фрагментом ткани в музее Эдинбурга)

В ряде случаев запрет имплицирован путем антонимичной вербализации, или формулировки от противного:

(45) Staff only (в импликации запрет «посторонним вход воспрещен»)
(46) Obstructing the doors can be dangerous (надпись на двери вагона в метро, имплицировается директив — «не стой у прохода», эквивалент этой надписи в московском метро является прямым речевым актом «Do not lean on door», или «не прислоняться»).

Заслуживают внимания косвенные прохибитивы или директивы, выраженные при помощи вопросительной формы предложения:

(47) Teachers — before you leave the classroom, have you
— cleaned the board?
— turned off the projector?
— taken your books?
— taken your CDs?
— taken your register?
— made sure the classroom is tidy?
Thank you! (объявление на двери в учебной аудитории)

В целом вопросительные предложения составили 14 вхождений в мини-корпус из 150 прохибитивно-директивных высказываний, что составляет 21%. Иными словами, они достаточно частотны.

Важной особенностью разновидности британского институционального дискурса, представленного в административных объявлениях, является то, что в ряде случаев текст объявлений представляет собой разрешение, или косвенный **пермиссив**, что не очень характерно, например, для русскоязычных административных объявлений:

(48) Tired feet?
Why not borrow a seat?
Please return it before you go (объявление в музее рядом с дежурными складными стульями)
(49) Please try on the Roman helmet (приглашение примерить экспонат)

(50) Today — Meet a Castle Guard (объявление у билетной кассы перед входом в замок, приглашение посетить костюмированное мероприятие в средневековых традициях)

Важно отметить, что пермиссивы в контексте институционального дискурса, так же, как и прохибитивы и директивы, выполняют регулятивную функцию, поскольку также являются побуждением к действию.

Выводы

Таким образом, в текстах британских административных объявлений понятие эвфемии не исчерпывается лексическими случаями замены слова или выражения на более приемлемое в культурном или социальном плане с целью избежать конфликта или исключить возникновение неприязни или отрицательных эмоций

в обществе. Эвфемия может быть представлена разнообразными лексико-грамматическими, синтаксическими, стилистическими, прагматическими и дискурсивными способами. Все перечисленные средства представлены в каждом конкретном тексте административного объявления не по отдельности, а задействованы как ансамбль средств эвфемизации, нацеленный на достижение успешной коммуникации как между властью и обществом, так и между различными социальными группами. Анализ примеров из собранного в ходе исследования корпуса позволяет утверждать, что в современном институциональном дискурсе Великобритании эвфемия реализуется на разных уровнях языка. Соответственно, значение понятий «эвфемизм» и «эвфемизация» могут быть расширены в рамках функционального подхода, поскольку не исчерпываются только лексическим уровнем языка.

Словари

Кожемякина, В. А., Колесник, Н. Г., Крючкова, Т. Б. и др. (2006) *Словарь социолингвистических терминов*. М.: Институт языкознания РАН, 312 с.

Cambridge Dictionary. (2021) [Online]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed 17.02.2021).

Oxford Learner's Dictionaries. (2021) [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 17.02.2021).

Литература

Ашмарина, И. Л., Игнтьева, И. Г. (2020) Эвфемия при репрезентации концепта PROHIBITION в административных объявлениях в Великобритании. *Когнитивные исследования языка*, № 2 (41), с. 153–157.

Гальперин, И. Р. (1958) *Очерки по стилистике английского языка*. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 459 с.

Карпова, Н. А. (2015) Административное объявление как речевой жанр. *Жанры речи*, № 1 (11), с. 93–100.

Dictionaries

Cambridge Dictionary. (2021) [Online]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed 17.02.2021). (In English)

Kozhemyakina, V. A., Kolesnik, N. G., Kryuchkova, T. B. et al. (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Glossary of sociolinguistic terms]*. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences Publ., 312 p. (In Russian)

Oxford Learner's Dictionaries. (2021) [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 17.02.2021). (In English)

References

Ashmarina, I. L., Ignatieva, I. G. (2020) Evfemiya pri reprezentatsii kontsepta PROHIBITION v administrativnykh ob'yavleniyakh v Velikobritanii [Euphemy: Representations of prohibition in UK public signage]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka — Cognitive Studies of Language*, no. 2 (41), pp. 153–157. (In Russian)

Gal'perin, I. R. (1958) *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka [Essays on English stylistics]*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 459 p. (In Russian)

Karpova, N. A. (2015) Administrativnoe ob'yavlenie kak rechevoj zhanr [Administrative announcement as a speech genre]. *Zhanry rechi — Speech Genres*, no. 1 (11), pp. 93–100. (In Russian)

УДК 811.111

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-129-137>

Функциональный потенциал безличных предложений в актуализации общей конфигурации ментальной репрезентации события

О. А. Березина^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Ольга Александровна Березина,
SPIN-код: 6704-4227,
ORCID: 0000-0002-2604-8702,
e-mail: berezinaolga@gmail.com

Для цитирования:

Березина, О. А.
(2021) Функциональный
потенциал безличных
предложений
в актуализации общей
конфигурации ментальной
репрезентации события.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 129–137.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-129-137>

Получена 14 марта 2021; прошла
рецензирование 28 июня 2021;
принята 1 июля 2021.

Права: © О. А. Березина (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается несколько вопросов в отношении семантического и функционального потенциала безличных предложений в английском языке как особого типа структуры. Во-первых, проблемы структурной организации данных пропозиций — комплектация предикативного ядра данных структур, его первичный или производный статус и проч., давно являются дискутируемыми параметрами в лингвистических исследованиях. Также вызывают споры семантическая наполненность/ненаполненность и статус инициального прономинального элемента безличной структуры. С опорой на положения когнитивной грамматики в общем и на когнитивные схемы концептуализации прототипического события в концепции Р. Лангаккера, в статье обосновывается вклад семантики прономинального субъекта безличной структуры в общую кумулятивную семантику последней в английском языке — объективация фона/базы. Далее привлекается понятийный аппарат психологии восприятия с целью описания параметров непрофилируемой зоны в канонической концептуальной схеме события и выявляются корреляционные связи между понятиями «фон/база» в когнитивной лингвистике, с одной стороны, и понятием «конфигурация», с другой. Таким образом, концептуальный субстрат, актуализируемый в семантике безличного функционально-семантического варианта местоимения *it* в английском безличном предложении, устанавливается как ментальная репрезентация общей конфигурации события. Именно это свойство безличных предложений обуславливает их функциональный потенциал в художественном тексте, где, как показывает исследуемый материал, безличные предложения различного структурного типа используются авторами произведений в зачине произведения/начале новой главы или смыслового сегмента для создания общего фона, или базы для последующих описываемых событий. В статье также выявляются семантические параметры общей конфигурации ментальной репрезентации события и устанавливается концептуальная выделенность темпоральных параметров среди иных концептуальных областей. Также в статье рассматриваются некоторые способы и параметры объективации наблюдателя как одного из конститuentов канонической концептуальной схемы события.

Ключевые слова: ментальная репрезентация события, общая конфигурация, безличная структура, инициальный прономинальный субъект, наблюдатель, каноническая модель события.

Functional potential of the impersonal sentence for the configuration of the mental representation of the event

O. A. Berezina✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Olga A. Berezina,
SPIN: 6704-4227,
ORCID: 0000-0002-2604-8702,
e-mail: berezinaolga@gmail.com

For citation:

Berezina, O. A.
(2021) Functional potential
of the impersonal sentence
for the configuration of the mental
representation of the event.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 3, no. 1,
pp. 129–137.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-129-137>

Received 14 March 2021;
reviewed 28 June 2021;
accepted 1 July 2021.

Copyright: © O. A. Berezina (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. The article dwells upon a number of issues related to the semantics and functions of the impersonal sentence in English, it being a very specific type of sentence structure. In terms of sentence scheme the issue of the predicative core structure of such propositions, their evolution, etc. have long been widely discussed in linguistic research, as well as the point of the meaning and status of the initial pronominal subject of the structures. Being generally guided by the cognitive grammar theory and by the prototypical event schemata developed by R. Langacker, the article argues in favour of the meaningful status of the impersonal subject in the English language, which proves to be the projection of the setting in Langacker's scheme of event. Following this, the article involves concepts of psychology of perception aiming at describing the parameters of the zone beyond the profiled in the prototypical event scheme. Furthermore, there are found correlative links between the concept of the setting in cognitive linguistics and the concept of configuration in psychology of perception. Thus, the conceptual substratum which is projected in the meaning of the impersonal "it" in the English impersonal sentence is stated to be configuration of the event mental representation, the latter property fosters their function and usage in fiction, wherein impersonal sentences of different description are employed by the authors at the beginning of the whole work, or the start of a new chapter/segment/part of the text in order to create or form some general background for the events described later. The semantic study of the parameters and properties of the configuration of the mental representation of the event shows that temporal characteristics manifest a vaster degree of conceptual salience as compared to the other conceptual domains.

Keywords: mental representation of the event, configuration, impersonal structure, initial pronominal subject, viewer, prototypical event scheme.

Статья выполнена по материалам диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Категория "безличность" в современном английском языке» (2019).

Введение

Принимая исходный постулат об обязательной двусоставности любого суждения, а следовательно, и предложения как его проекции, во многих исследованиях односоставность безличного предложения рассматривается как «искажение» канонической, «правильной» структуры предложения, которая с обязательностью должна быть двусоставной. При отклонениях модели структуры предложения от данного прототипа ее «подгоняют» под идеал грамматической структуры — двусоставное предложение с явно и четко выявляемыми субъектом и предикатом, что коррелирует со структурой канонического суждения в логике. То есть в исследованиях грамматических структур принимается априорно тезис о принципиальной двусоставности предложения, если не на

синтаксическом уровне, то на семантическом уровне с обязательностью. Таким образом, большинством лингвистов принимается тезис о наличии субъекта в безличном предложении (Бондарко 1991; Пупынин 1992; Юрченко 1991; Zolotova 2000 и др.). Если это не удастся сделать в синхронном аспекте, пытаются доказать исходную двусоставность безличных структур в эволюционном плане (Свинцова 1993, 7). Когда и это оказывается невозможным, такие структуры называют «регрессивным путем в развитии основного типа предложения», «искажением грамматической структуры предложения» (Юрченко 1979, 89), «трансформацией личного предложения», а при невозможности выявить трансформационный маршрут — «фразеологизмом» (Ружичка 1963). Таким образом, в данном направлении лингвистических исследований, опирающихся на постулаты классической

логики, конструируется некий «идеальный» вариант структуры для анализа путем различных трансформаций, подстановок, поиска редуцированных элементов структуры, введением понятия «пустых» категорий, что приводит к искажению основных параметров исследуемого материала (Березина 2019).

Доминирование переходной субъектно-предикатной структуры (“SVO-структуры” в дальнейшем) получает обоснование в русле логических направлений исследования синтаксических структур и в русле семантики текста. На последнее обратил внимание В. В. Касевич (вслед за Хоппером и Томпсоном), который отмечает, что SVO-структуры употребляются в тексте для «фигуризации» (foregrounding) соответствующих ситуаций: «<...> эти конструкции отвечают таким ситуациям, которые в сумме составляют своего рода семантико-прагматический “скелет” текста, который автор текста хочет как бы выпятить на общем фоне <...> порядок “фигуризованных” предложений в тексте обычно отражает порядок реальных событий, в то время как “фоновые” предложения выступают как характеризующие и порядок их не столь значим» (Касевич 1992, 28).

Данные наблюдения представляются очень значимым и практически единственным аргументом в пользу примата SVO-структур. Однако, как можно видеть, семантическое доминирование данных структур отмечается в монологической речи или тексте, в то время как в актуальной коммуникации, скорее всего, подобного явления наблюдать не будет. Кроме того, как будет показано позже, безличные предложения, отходя от канонической двучленной структуры, также обладают функциональным потенциалом в «фигуризации» определенных параметров воспринимаемого когнитивным субъектом положения дел. Обусловлено данное свойство качественными характеристиками концептуального субстрата, объективируемого субъектом безличного предложения (т. н. безличным функционально-семантическим вариантом местоимения *it*).

Концептуальный субстрат семантики безличного предложения

Объективность реального мира, отражаемого в языковых формах, на самом деле является субъективностью восприятия этого реального мира и его интерпретации человеческим сознанием, что и находит отражение в разнообразии языковых форм. Говорящий может иметь различные интенции в плане актуализации

прагматических и коммуникативно значимых смыслов, а также в передаче типа знания, на основе которого формулируется высказывание. В связи с этим грамматики современных языков располагают разнообразными средствами на уровне синтаксической структуры предложения для объективации данных параметров при отображении одной и той же денотативной ситуации (ср. *Rain; The rain is falling; It is raining*). В связи с этим исключительно важным представляется исследовать мотивы, детерминирующие выбор говорящим той или иной структуры предложения на поверхностном уровне для объективации глубинной концептуальной структуры. Таким образом, представляется перспективным обоснование когнитивно-коммуникативной природы специфических черт данных структур, поскольку конфигурация синтаксической структуры может принимать различные формы в зависимости от модуса когнитивной обработки эмпирического контекста адресантом и интенций последнего в отношении формирования адаптационных параметров когнитивной обработки сообщения адресатом. Концептуальный и коммуникативный аспекты высказывания детерминируют выбор определенной структуры пропозиции говорящим (Березина 2019).

В связи с этим представляется необходимым выявить семантику т. н. безличного функционально-семантического варианта *it* как одного из лексико-семантических вариантов данной лексемы, а также концептуальный субстрат, объективирующийся в формах безличности.

Концептуальная модель события

Когнитивная грамматика признает значимость как всех составляющих грамматических структур, так и самих схем их построения (Langacker 1991, 282). Фундаментом в данном направлении исследования грамматических единиц является понятие «образность» (imagery), которое трактуется как способность субъекта речемыслительной деятельности выстраивать высказывание альтернативным способом для отражения определенных смыслов. Р. Лангаккер конструирует схему концептуализации прототипического действия / события и его партиципентов (участников). Как правило, эта схема называется в исследованиях «канонической моделью события» (stage model). В этой схеме выделяются следующие партиципенты (Langacker 1991): АГЕНС (AG, он же Траектор — TR), ПАТИЕНС (PAT, он же Ориентир — LM). Траектор рассматривается как источник воздействия, Ориентир рассматривается как объект воздействия и претерпевает определенные изменения

в процессе воздействия на него со стороны Траектора. Партиципанты, связанные отношением (relation), составляют «реляционный профиль» (relation profile), встроенный в «окружение» (setting¹ — базу/фон), которое не входит в профилированную зону (профиль). Вне границ, очерченных базой/фоном/setting, находится наблюдатель (viewer). Описанная схема не может претендовать на статус модели предложения, о чем писал и сам Р. Лангаккер, ограничивая данную схему исключительно статусом концептуальной основы для формулирования двусоставного предложения с транзитивным предикатом по типу SVO, попутно отмечая потенциальное разнообразие как моделей предложения, так и соответствующих концептуальных схем (Langacker 1991, 209–219).

The setting как когнитивный субстрат семантики безличного it

Будучи вербализованным, обладая высоким статусом субъекта в структурной модели, данный элемент сентенциональной структуры должен выявляться в зоне профиля. Исследования в данной области показывают, что инициальное местоимение *it* в субъектной позиции безличного предложения соотносится с «окружением»/фоном/базой на уровне концептуализации события. Оно же является и Траектором (на материале немецкого языка см. Smith 2005, 102–122; также у Р. Лангаккера находим «<...> *it* profiles an **abstract setting**» (Langacker 2008, 462)). В связи с этим можно сделать вывод о довольно весомом вкладе субъектного инициального прономинала в семантику безличного предложения, о его семантической, структурной и функциональной значимости.

О том, что прономинальный субъект безличной структуры не является «семантическим нулем», но обладает семантической наполненностью, уже было сказано (Березина 2011; 2012b; Bolinger 1973; Smith 2005). Также получил описание в лингвистических исследованиях концептуализируемый в семантике этого субъекта конституент в канонической модели события — общая конфигурация ментальной репрезентации события (Березина 2012a; 2013). Данный вывод основывается на понятии «конфигурация» в психологии восприятия, где этот термин употребляется практически тождественно термину «гештальт», общая конфигурация ментальной

репрезентации события характеризуется скоординированностью и целостностью воспринимаемого и интериоризируемого сегмента онтологического континуума, получающего объективацию на уровне языковой проекции (НПЭ). В концепциях психологии восприятия понятие «конфигурация» характеризуется следующими признаками: целостность (недискретность), скоординированность, пространственная соположенность объектов.

Таким образом, основываясь в трактовке setting («окружение» — фон/база) на определении понятия «конфигурация» в психологии восприятия, можно заключить, что инициальный прономинальный субъект безличных структур объективирует «ментальную репрезентацию общей конфигурации события», отражая определенную «данность» параметров описываемой ситуации в их целостности, скоординированности как отражение пространственной соположенности объектов и их признаков. Данное положение вещей, скорее всего, происходит в процессе восприятия и последующей когнитивной обработки на стадии, когда компоненты реляционного профиля, или партиципанты, еще не получили концептуальной выделенности, и зона профиля не сформировалась четко (Березина 2013; 2019).

Функциональный потенциал безличных структур в тексте

Данный аспект концептуальной «нагрузки» безличных структур, т. е. объективация общей конфигурации ментальной репрезентации события (setting/базы/фона) в семантике инициального прономинала, детерминирует частотность функционирования данного типа структур в художественных текстах в определенном аспекте. Специфика литературного текста заключается в том, что автору необходимо создать определенную «экологическую нишу», иными словами, зону возможных взаимодействий максимально широкого охвата для героев произведения с целью вовлечения в эту зону читателя. В этой связи возникает необходимость создать некоторую исходную «базу», выдвинув ее на передний план. К тому же, как правило, в зачине текста или определенного сегмента текста важным является указание на еще один конституент в схеме канонического события, а именно на позицию наблюдателя, поскольку общая конфигурация ментальной репрезентации события опирается на восприятие как на свою основу. Таким образом, в художественных текстах «окружение» (setting) наиболее явно

¹ В некоторых научных работах данный термин переводится как «когнитивная область». Однако, данная трактовка не дает четкости в определении, т. к. возможно смешение данного термина с понятием «концептуальная область», что может привести к путанице в терминологическом плане.

профилируется в содержании конститuentов безличных структур в начале произведения, главы или части произведения, создавая для читателя фон/базу для восприятия и осмысления последующих событий (зоны профиля):

(1) (начало романа) *Camilla, the Duchess of Cornwall, stood smoking a cheap cigarette on the back doorstep of Number Sixteen Hell Close. It was a cold afternoon in late summer. Occasionally she turned to watch her husband, Charles, the Prince of Wales, clattering the luncheon pots in the red washing-up bowl he'd bought on impulse that morning from the 'Everything A Pound' shop* (Townsend 2007, 1).

В данном фрагменте, которым начинается произведение, безличная структура *It was a cold afternoon in late summer* задает параметры окружающей среды. Сразу же вводится персонаж, которого автор произведения в данной сцене наделяет функцией Наблюдателя (*Camilla, the Duchess of Cornwall*), а также эксплицитно указывается на непосредственную наблюдаемость в форме инфинитива *to watch* в функции обстоятельства цели, а также двух причастий (*smoking, clattering*) в обстоятельственной функции. Таким образом, в данном фрагменте автором последовательно описываются конститuentы перцептуального поля главной героини, которая наделяется автором функцией наблюдателя.

В следующем примере (2) автор также использует безличную структуру в начале новой главы произведения для того, чтобы задать параметры «окружения», фона/базы, на фоне которого взаимодействуют герои произведения, также сообщая читателю и имя того героя, который является «точкой отсчета», т. е. наблюдателем, в описываемой ситуации (Roger):

(2) (начало новой главы) *It was late afternoon. Roger sat on one of the sofas in his office, opposite the man who more than any other was going to help him earn his million-quid bonus, and the man who was going to play the single biggest role in deciding whether or not he was paid it* (Lanchester 2012, 23).

Следующий отрывок (3) не открывает новой главы произведения, но создает фон для введения нового героя — одной из ключевых фигур происходящего в произведении (*Jack Barker, leader of the Cromwell Party, Prime Minister and architect of the Exclusion Zones*). Маркирование статуса данного героя как наблюдателя происходит в форме безличной структуры (*It was*

ten thirty in the morning), а также с помощью причастного оборота (*listening to Big Ben striking the minutes and hours of his life away*), где в семантике и форме лексемы *listening* эксплицитно указывается на то, что ситуация описывается в сенсорном ракурсе:

(3) *Jack Barker, leader of the Cromwell Party, Prime Minister and architect of the Exclusion Zones, could not get out of bed. It was ten thirty in the morning and he had already missed three appointments. He lay under the duvet in his bedroom at Number Ten Downing Street, listening to Big Ben striking the minutes and hours of his life away* (Townsend 2007, 14).

В текстах художественных произведений также может не содержаться указание на фигуру наблюдателя при инициальном описании фона, или «окружения»:

(4) (начало новой главы) *It was a Sunday afternoon, gay and brilliant after abundant rains, and the spirit of youth dwelt in it, though the season was now autumn* (Foster 1990, 121).

В прагматической перспективе данного фрагмента текста факторы «говорящий» (= автор) и «наблюдатель» совпадают.

Одним из наиболее знаменитых и ярких примеров описания фона происходящих/описываемых в произведении событий, несомненно, является зачин произведения «A Tale of Two Cities» Ч. Диккенса, где безличный функционально-семантический вариант местоимения *it* встречается десять раз, что создает исключительно масштабный фон для последующих описываемых в произведении событий:

(5) *It was the best of times, it was the worst of times, it was the age of wisdom, it was the age of foolishness, it was the epoch of belief, it was the epoch of incredulity, it was the season of Light, it was the season of Darkness, it was the spring of hope, it was the winter of despair, we had everything before us, we had nothing before us, we were all going direct to Heaven, we were all going direct the other way – in short, the period was so far like the present period, that some of its noisiest authorities insisted on its being received, for good or for evil, in the superlative degree of comparison only* (Dickens 1859, 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть исследованных в данном аспекте структур связана с актуализацией темпоральных

аспектов при профилировании «окружения» — setting (базы/фона) — 63% от общего числа контекстов в исследованном материале. Темпоральные характеристики задаются в различных аспектах. В частности, указывается конкретный временной параметр концептуализируемой базы/фона:

(6) (начало произведения) *It was the day after Doune Fair when my story commences.* (Scott 1993, 301).

Также в зачине произведения актуализация параметров setting — «окружения» (базы/фона) в аспекте темпоральных характеристик зачастую проявляется в указании на некоторую часть определенного временного периода, обладающего известными физическими параметрами:

(7) (в начале новой записи в дневнике) *Apr. 15. It was a threatening misty morning — but mild.* (Wordsworth 1993b, 293).

В данном фрагменте указание на часть суток (*morning*) создает фон, или базу, для описания дальнейших действий персонажей. Являясь, по сути, вербализацией темпоральных параметров, данная актуализация также вовлекает в описание дополнительные признаки метеорологического характера (например, параметр освещенности) в пресуппозиции, атрибутивные компоненты также уточняют физические характеристики окружающей среды (*misty, mild*). Сходная картина наблюдается также в примере (8):

(8) *It is a beauteous evening, calm and free,
The holy time is quiet as a Nun
Breathless with adoration; the broad sun
Is sinking down in its tranquillity;
The gentleness of heaven broods o'er the Sea:
Listen! The mighty Being is awake,
And doth with his eternal motion make
A sound like a thunder — everlastingly* (Wordsworth 1993a, 198–199).

Метеорологические параметры среды могут также отражаться в более расширенных номинациях, нежели атрибутивные единицы:

(9) (начало нового раздела) *It was breakfast time, but the gas was alight, owing to the fog* (Foster 1993, 1913).

В данном фрагменте временной параметр фона (*breakfast time*) обогащается характеристикой светового параметра среды (*the gas was*

alight), а также фиксацией метеорологических факторов (*owing to the fog*).

В данном аспекте также может иметь место актуализация временного параметра в зачине произведения с целью создания фона, или базы, без непосредственной характеристики дополнительных параметров среды:

(10) *Now it is autumn and the falling fruit
and the long journey towards the oblivion.*

*The apples falling like great drops of dew
to bruise themselves an exit from themselves.*

*And it is time to go, to bid farewell
to one's own self, and find an exit
from the fallen self.* (Lawrence 1993, 2128)

В данном стихотворении «безличный» зачин темпорального характера задает то общее восприятие состояния природы, которое индуцирует все дальнейшее содержание произведения: исход года, природа готовится к зиме, в сознании созерцателя изменений в природе возникают метафорические образы, связывающие наблюдаемое сезонное угасание жизни в природе с исходом человеческой жизни.

Что касается собственно-безличных структур иной (не темпоральной) семантики, то в исследуемом материале они наблюдаются крайне редко (3% от всего числа случаев употребления (Березина 2019)), включая структуры с «метеорологической» семантикой, типа:

(11) *All day it has rained, and we on the edge
of the moors
Have sprawled in our bell-tents, moody and dull
as boors,
Groundsheets and blankets spread on the muddy
ground
And from the first grey waking we have found
No refuge from the skirmishing fine rain
And the wind that made the canvas heave and
flap
And the taut wet guy-ropes ravel out and snap* (Lewis 1993, 2293).

Среди функционально-семантических вариантов местоимения *it* в данном типе структур в инициальной части произведения, как уже было сказано, примат принадлежит, несомненно, безличному *it*. Однако в исследуемом материале также наблюдается использование периферийных моделей безличных структур,

где субъектным ядром может выступать, например, антиципирующее *it* в структурах с модально-оценочным общим значением:

(12) (начало новой главы) *It was a heavy disappointment for Maggie that she was not allowed to go with her father in the gig when he went to fetch Tom home from the academy; but the morning was too wet, Mrs. Tulliver said, for a little girl to go out in her best bonnet* (Elliot 1993, 1334).

Также, хотя и не очень многочисленно представленные в исследуемом материале, были обнаружены структуры с конкретно-референтными функционально-семантическими вариантами *it* — анафорическим и катафорическим, в обоих случаях референты довольно «широкие» — событийной семантики:

(13) (в начале нового раздела) *It had made it very awkward for them when Mr. Farolles, of St. John's, called the same afternoon* (Mansfield 1993, 2187).

В примере (13) референтом инициального прономинала является предшествующая описываемым событиям ситуация — уход из жизни отца героинь, который произошел не лучшим образом. Собственно, именно это событие и характеризуется предикативным членом *awkward*, поскольку героини вынуждены говорить неправду по этому поводу.

Исходя из вышесказанного можно сделать определенные выводы в отношении структуры «окружения» (базы/фона/setting, иными словами). Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что в данной структуре значительно большая доля содержательного наполнения связана с концептуализацией темпоральных параметров

среды. Следовательно, по всей видимости, именно темпоральные параметры обладают явной концептуальной выделенностью среди базовых концептуальных областей при формировании реляционного профиля. Во-вторых, как показывает анализ эмпирических данных (Березина 2019), все функционально-семантические варианты прономинала *it* в субъектной позиции обладают потенциалом в актуализации «окружения» (setting — фона/базы), т. е. объективации общей конфигурации ментальной репрезентации события, что является еще одним подтверждением их семантической близости, а также безусловным свидетельством их семантической наполненности.

Выводы

Когнитивный подход в исследовании безличных структур, а точнее концептуального субстрата, актуализируемого в формах рассматриваемых структур, позволяет сделать вывод о том, что безличные структуры не являются бессубъектными в семантическом плане. Общая семантика субъекта в данном случае — вся зона, доступная восприятию с последующей когнитивной обработкой воспринятого и инкорпорирующая субъекта восприятия и когнитивной обработки, или наблюдателя (в широком смысле). Подводя итог сказанному, можно предположить, что профилирование «окружения» (setting — базы/фона) и выдвижение его в качестве Траектора в модели события и дальнейшие исследования в этой области позволят расширить репертуар моделей события некоторым числом «неканонических» вариантов. Работа в данной области поможет пролить свет на закономерности процессов концептуализации и категоризации.

Сокращения

SVO-структура — субъектно-предикатная структура
НПЭ — Национальная психологическая энциклопедия

Литература

- Березина, О. А. (2011) К вопросу о семантической наполненности *it* в сентенциональной структуре. В кн.: И. Ю. Щемелева (ред.). *Ното Лоуиенс: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 3*. М.: Высшая школа экономики, с. 156–164.
- Березина, О. А. (2012a) Общая конфигурация ментальной репрезентации события как концептуальный субстрат безличных структур. В кн.: Т. Н. Астафурова (ред.). *Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах: материалы Международной научной конференции (29–31 октября 2012 г.)*. Волгоград: ВолГУ, с. 83–86.
- Березина, О. А. (2012b) Статус семантики инициального *it* в формировании категории безличности (на материале английского языка). *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 3 (32), с. 120–126.

- Березина, О. А. (2013) К вопросу о концептуальном субстрате безличных конструкций. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, т. 1, № 2, с. 104–111.
- Березина, О. А. (2019) Категория «безличность» в современном английском языке. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 406 с.
- Бондарко, А. В. (1991) Семантика лица. В кн.: *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. СПб.: Наука, с. 5–40.
- Касевич, В. Б. (1992) Субъектность и объектность: проблемы семантики. В кн.: *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*. СПб.: Наука, с. 5–29.
- Национальная психологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://vocabulary.ru/termin/konfiguracija.html> (дата обращения 17.07.2021).
- Пупынин, Ю. А. (1992) Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке. *Вопросы языкознания*, № 1, с. 48–63.
- Ружичка, Р. (1963) О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском литературном языке. *Вопросы языкознания*, № 3, с. 22–31.
- Свинцова, И. Ю. (1993) *Русские безличные глагольные предложения и их распространители*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. М., РУДН, 16 с.
- Юрченко, В. С. (1991) Односоставные предложения. *Русский язык в школе*, № 6, с. 62–66.
- Юрченко, В. С. (1979) Структура предложения и система синтаксиса. *Вопросы языкознания*, № 4, с. 77–89.
- Bolinger, D. L. (1973) Ambient “it” is meaningful too. *Journal of Linguistics*, vol. 9, no. 3, pp. 261–270. <https://doi.org/10.1017/S0022226700003789>
- Langacker, R. W. (1991) *Concept, image and symbol. The cognitive basis of grammar (Cognitive linguistics research)*. Berlin: Mouton de Gruyter Publ., 395 p.
- Langacker, R. W. (2008) *Cognitive grammar. A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press, 562 p.
- Smith, M. B. (2005) The conceptual structure of German impersonal constructions. *Journal of Germanic Linguistics*, vol. 17, no. 2, pp. 79–140. <https://doi.org/10.1017/S1470542705000048>
- Zolotova, G. A. (2000) The notion of “personal”/ “impersonal” and its interpretations. *Russian Linguistics*, vol. 24, no. 2, pp. 103–115.

Sources

- Dickens, Ch. (1859) *A tale of two cities*. [Online]. Available at: <https://www.planetebook.com/ebooks/A-Tale-of-Two-Cities.pdf> (accessed 06.01.2018). (In English)
- Elliot, G. (1993) The mill on the floss. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 1319–1344. (In English)
- Foster, E. M. (1990) *A room with a view*. London: Penguin Books Publ., 211 p. (In English)
- Foster, E. M. (1993) The road from Colonus. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 907–1915. (In English)
- Lanchester, J. (2012) *Capital*. London: Faber & Faber Publ., 578 p. (In English)
- Lawrence, D. H. (1993) The ship of death. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 2128–2131. (In English)
- Lewis, A. (1993) All day it has rained. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 2293–2294. (In English)
- Mansfield, K. (1993) The daughters of the late colonel. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 2184–2198. (In English)
- Townsend, S. (2007) *Queen Camilla*. London: Penguin Books Publ., 443 p. (In English)
- Scott, W. (1993) The two drovers. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 300–320. (In English)
- Wordsworth, W. (1993a) Sonnets. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 198–201. (In English)
- Wordsworth, D. (1993b) The Grasmere journals. In: M. H. Abrahams (ed.). *The Norton anthology of English literature. In 2 vols. Vol. 2*. 6th ed. London; New York: W. W. Norton & Company Publ., pp. 289–299. (In English)

References

- Berezina, O. A. (2011) К вопросу о семантической наполненности инициальной структуры предложения [Towards the semantic meaningfulness of initial “it” in the sentence structure]. In: I. Yu. Shchemeleva (ed.). *Homo Loquens: Aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov [Homo Loquens: Topical issues of linguistics and methods of teaching foreign languages]*. Iss. 3. Moscow: HSE University Publ., pp. 156–164. (In Russian)

- Berezina, O. A. (2012a) Obshchaya konfiguratsiya mental'noj reprezentatsii sobytiya kak kontseptual'nyj substrat bezlichnykh struktur [The general configuration of the mental representation of the event as the conceptual substratum of impersonal structures]. In: T. N. Astafurova (ed.). *Yazykovaya i rechevaya kommunikatsiya v semanticheskom, funktsional'nom i diskursivnom aspektakh: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (29–31 oktyabrya 2012 g.)* [Language and speech communication in semiotic, functional and discursive aspects: Proceedings of the International scientific conference (October 29–31, 2012)]. Volgograd: Volgograd State University Publ., pp. 83–86. (In Russian)
- Berezina, O. A. (2012b) Status semantiki initsial'nogo *it* v formirovanii kategorii bezlichnosti (na materiale anglijskogo yazyka) [The initial *it* and its status in impersonality category forming (in the English language)]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki — Issues of Cognitive Linguistics*, no. 3 (32), pp. 120–126. (In Russian)
- Berezina, O. A. (2013) K voprosu o kontseptual'nom substrate bezlichnykh konstruksij [Towards the issue of the conceptual substratum of impersonal structures]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, vol. 1, no. 2, pp. 104–112. (In Russian)
- Berezina, O. A. (2019) *Kategoriya "bezlichnost'" v sovremennom anglijskom yazyke* [The impersonality category in the modern English language]. PhD dissertation (Philology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 406 p. (In Russian)
- Bolinger, D. L. (1973) Ambient "it" is meaningful too. *Journal of Linguistics*, vol. 9, no. 3, pp. 261–270. <https://doi.org/10.1017/S0022226700003789> (In English)
- Bondarko, A. V. (1991) Semantika litsa [The semantics of person]. In: *Teoriya funktsional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Functional grammar theory. Personality. Pledge]. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 5–40. (In Russian)
- Kasevich, V. B. (1992) Sub'ektnost' i ob'ektnost': problemy semantiki [Subjectness and objectness: Semantics issues]. In: *Teoriya funktsional'noj grammatiki. Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'* [Functional grammar theory. Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of the statement. Definiteness / Indefiniteness]. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 5–29. (In Russian)
- Langacker, R. W. (1991) *Concept, image and symbol. The cognitive basis of grammar* (Cognitive linguistics research). Berlin: Mouton de Gruyter Publ., 395 p. (In English)
- Langacker, R. W. (2008) *Cognitive grammar. A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press, 562 p. (In English)
- Natsional'naya psikhologicheskaya entsiklopediya* [National psychological encyclopedia]. [Online]. Available at: <https://vocabulary.ru/termin/konfiguracija.html> (accessed 17.07.2021). (In Russian)
- Pupynin, Yu. A. (1992) Bezlichnyj predikat i sub'ektno-ob'ektnye otnosheniya v russkom yazyke [The impersonal predicate and subject-object relationships in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya — Topics in the Study of Language*, no. 1, pp. 48–64. (In Russian)
- Ruzhichka, R. (1963) O transformatsionnom opisani tak nazyvaemykh bezlichnykh predlozhenij v sovremennom russkom literaturnom yazyke [Of transformational description of the so-called impersonal sentences in modern Russian literary language]. *Voprosy yazykoznaniya — Topics in the Study of Language*, no. 3, pp. 22–31. (In Russian)
- Smith, M. B. (2005) The conceptual structure of German impersonal constructions. *Journal of Germanic Linguistics*, vol. 17, no. 2, pp. 79–140. <https://doi.org/10.1017/S1470542705000048> (In English)
- Svintsova, I. Yu. (1993) *Russkie bezlichnye glagol'nye predlozheniya i ikh rasprostraniteli* [Russian impersonal verbal sentences and their arguments]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology). Moscow, RUDN University, 16 p. (In Russian)
- Yurchenko, V. S. (1991) Odnosostavnye predlozheniya [One-member sentences]. *Russkij yazyk v shkole — Russian Language at School*, no. 6, pp. 62–66. (In Russian)
- Yurchenko, V. S. (1979) Struktura predlozheniya i sistema sintaksisa [The sentence structure and syntax structure]. *Voprosy yazykoznaniya — Topics in the Study of Language*, no. 4, pp. 77–89. (In Russian)
- Zolotova, G. A. (2000) The notion of "personal"/ "impersonal" and its interpretations. *Russian Linguistics*, vol. 24, no. 2, pp. 103–115. (In English)

УДК 81'373.45

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152>

Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией

В. В. Кабакчи^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Виктор Владимирович Кабакчи,
SPIN-код: 1735-2271,
e-mail: vkabakchi@gmail.com

Для цитирования:

Кабакчи, В. В. (2021) Лингвистика
и политика: русизмы
в англоязычной полемике Запада
с Россией. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 138–152.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152>

Получена 10 апреля 2021; прошла
рецензирование 25 апреля 2021;
принята 25 мая 2021.

Права: © В. В. Кабакчи (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. В статье изучается влияние современной русской политической лексики на английский язык. В целом влияние русского языка на словарь английского языка незначительно. Причины: монгольское завоевание, запоздалое появление России на европейской политической сцене и последующее противостояние Запада и России. Особое место в этом процессе занимает политическая лексика. Анализ данного языкового явления осуществлялся на материале авторитетных толковых словарей Великобритании и США, в первую очередь Большого Оксфордского словаря (БОС). По данным БОС, именно политическая тематика преобладает в заимствованиях из русского языка. Значимость рассматриваемого фрагмента межкультурных контактов особенно усилилась в XX в. после появления СССР, когда идеологическое противостояние Запада и (Советской) России привело к повышенному вниманию западных специалистов (т. н. «советологов» или «кремлюнологов») к России. Резко отрицательное отношение к «стране советов» проявлялось в введении в заимствованные русизмы (в основном — заимствования и кальки) негативного семантического компонента (см., например, образование производных типа «Bolshie»). Наиболее ярко подобное отношение к русизмам проявляется на примере заимствования Russki, которое лексикографы даже сопровождают пометой «*derogatory*». Русизмы этого типа, которые ненадолго задерживаются в русском языке, перестают отмечаться соответствующими пометами и английскими лексикографами, переходя в разряд историзмов (monolith) и/или растворяясь в семантике соответствующего английского слова (norm). Некоторые русизмы становятся столь частотными в англоязычной политической полемике, что нередко выходят за рамки русской культуры: apparatus, cadre. Принадлежность русизмов к интернациональной лексике (cadre, apparatus, collective, liquidate, deficit) значительно облегчает их усвоение. В результате слова, которые, например, изначально использовались лишь как финансовые термины (liquidate, deficit), обретают новую специализацию. Иногда английская лексика под влиянием русского языка приобретает дополнительное значение: «purge», «show trial». Изредка русизмы, забытые в родной русской культуре, хорошо приживаются на новой почве (fellow-traveller).

Ключевые слова: лексика политического дискурса, ассимиляция, натурализация, советология, кремлюнология, интеронимы, лексико-грамматическая трансформация.

Linguistics and politics: Russianisms in the western English-Language political discourse with Russia

V. V. Kabakchi✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Viktor V. Kabakchi,
SPIN: 1735-2271,
e-mail: vkabakchi@gmail.com

For citation:

Kabakchi, V. V.
(2021) Linguistics and politics:
Russianisms in the western English-
Language political discourse with
Russia. *Language Studies and
Modern Humanities*, vol. 3, no. 2,
pp. 138–152.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152>

Received 10 April 2021;
reviewed 25 April 2021;
accepted 25 May 2021.

Copyright: © V. V. Kabakchi (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. The article examines the influence of modern Russian political vocabulary on English. In fact, the influence of Russian on English is insignificant. Reasons: The Mongol conquest, the belated appearance of Russia on the European political scene, the subsequent confrontation between the West and Russia. Political vocabulary occupies a special place in this process. The analysis is carried out on the material of authoritative general purpose dictionaries, primarily the Oxford English Dictionary (OED). According to OED, it is the political theme that predominates in loans from Russian. The significance of this influence increased in the 20th c. after the formation of the USSR, which eventually led to increased attention of Western specialists (“Sovietologists” or “Kremlinologists”) to Russia. A sharply negative attitude towards Russia is usually evident in the introduction of a negative component into borrowed Russianisms (mainly loans and calques), e. g.: such derivatives like “Bolshie”. It is also evident in the borrowing “Russki”, which lexicographers accompany by the label “derogatory”. Those Russianisms which turn out to be short-lived in Russian, cease to be marked by the corresponding labels by English lexicographers, passing into the category of historicisms (“monolith”) and / or dissolving in the semantics of the corresponding English word (“norm”). Meanwhile some Russianisms are becoming so frequent in English-language political polemics that they often go beyond the boundaries of Russian culture: “apparatus”, “cadre”. Russianisms belonging to international vocabulary (cadre, apparatus, collective, liquidate, deficit) are easily assimilated. As a result, words that, for example, were originally used only as financial terms (liquidate, deficit), acquire a new semantic specialization. Sometimes English words under the influence of the Russian language acquire an additional meaning: “purge”, “show trial”, while some Russianisms, although forgotten in their native Russian culture, take root well on the new cultural soil (“fellow-traveler”).

Keywords: lexicon of political discourse, assimilation, naturalization, Sovietology, Kremlinology, interonyms, lexical and grammatical transformation.

Введение

В одном из детективов А. Кристи мы читаем: «“This is vodka,” Mrs Allcock regarded her glass suspiciously. “Mr Rudd asked if I’d like to try it. Sounds very Russian. I don’t think I like it very much <...>”» (Christie 1967, 103).

Королева английского детектива была зеркалом государства, в котором она выросла и которое называлось British Empire. Она воспитывалась на патриотических стихах Р. Киплинга, на стихах о Ten Little Niggers¹, и для

нее слово foreigner означало плохо воспитанное инородца, одним из которых был Russian.

Mrs Allcock, персонаж ее детектива, напугана словом vodka по той простой причине, что оно «Sounds very Russian». Между тем, русизмы занимают свое, пусть скромное, место в современном английском языке. В этой статье мы попытаемся показать место русизмов в англоязычной полемике Запада с Россией. При этом под русизмами мы будем понимать как непосредственно заимствования из русской лексики (tsar, balalaika, Kremlin, kulak), так и опосредованные заимствования: лексические кальки (Old Believer, Decembrist, peaceful coexistence) и семантические кальки (Young Pioneer, Thaw, fellow-traveller).

¹ Именно эту первую строчку детского стихотворения использовала А. Кристи в качестве названия одного из ее самых популярных детективов. В США и многих других странах некорректное слово Nigger табуировано, поэтому на Западе детектив сейчас известен по последней строчке этого стиха: And Then There Were None. В России (СССР) С. Говорухин использовал нейтральное название

«Десять негритят», воспользовавшись богатством русской суффиксации.

Взаимовлияние языков в мультиэтническом мире

В принципе, в том, что языки заимствуют друг от друга слова, нет ничего удивительного. По сути дела, весь многоязычный мир развивается как единый организм, в котором все языки влияют друг на друга, правда, каждый в соответствии со своим «удельным весом» в земной цивилизации.² Естественно, влияние русского языка на английский язык несопоставимо с влиянием на него, скажем, античных языков. Поэтому не приходится удивляться тому, что зарубежные лингвисты не без оснований отводят русскому языку незначительную роль в процессе формирования словаря английского языка: «Very minor sources of the English vocabulary are Slavic, Hungarian, Turkish, and American Indians, with few words from these sources used in English contexts without reference to the countries from which they have been borrowed» (Pyles 1964, 350–351; см. также Gaeng 1971, 130). В списке русизмов в английском языке, который он приводит, всего 19 единиц (в Encyclopedia Britannica 2001 г. их 22). Тем не менее в силу целого ряда причин, зачастую субъективных, это влияние более существенно, чем это представляется мнению западных специалистов.

В данной статье, исследуя место русизмов в английском языке, мы полагаемся в основном на различные толковые (general purpose) словари. Это Oxford English Dictionary, который, как известно, построен на историческом принципе, охватывая тысячелетний период. Полезную для наших наблюдений этимологию дают также такие словари, как Random House Dictionary, Barnhart и некоторые другие. Мы также пользуемся данными других толковых словарей разных лет изданий, рассматривая каждый такой словарь как срез языка в его синхронии. Мы прибегаем также к данным учебных словарей английского языка (Longman, OALD), поскольку в словник этих словарей включены наиболее частотные слова в их наиболее характерном значении на данном этапе развития языка.

О лингвистической объективности

Однако, прежде всего, необходимо оценить объективность специалистов, описывающих словарный состав языка. К сожалению, лингвисты,

² «Есть основания утверждать, что существует нечто вроде “принципа языкового тяготения”, в соответствии с которым влияние одного языка на другой прямо пропорционально значимости культуры народа-носителя данного языка (в мире, в конкретном регионе)» (Кабакчи 1998, 38).

в том числе и составители справочных пособий, словарей и энциклопедий, на которых воспитываются новые поколения, не всегда беспристрастны в своих выводах. Так, Р. Берчфилд в своей статье «Dictionaries and ethnic sensibilities» (Burchfield 1980) описывает, как в странах Азии и арабском мире сжигали британские словари из-за несогласия с определением таких слов, как Arab, Jew, Palestinian, Pakistan, Turk, Asiatic, Muhammadan и Negro. Не всегда объективны лексикографы и при составлении словника словарей.

Например, А. Д. Эйткен открыто обвиняет британских лексикографов в дискриминации шотландской культуры:

Many Scotsmen today, including myself, believe that our society, culture, and language, as well as our political and economic interests, are neglected or suppressed or submerged in those of what is called, especially by Conservative party politicians, “the nation as a whole” — the south of England-dominated, London-centered United Kingdom (Aitken 1987, 99).

Причем, замечает он дальше, такая практика распространена в лексикографии вообще:

Scottish English is of course not alone in its marginal and problematic place in dictionaries of English. Some lexicographers of other national and regional varieties are also tackling the lexicographical needs of their own communities in their own ways (Aitken 1987, 119).

Здесь уместно вспомнить, что С. Джонсон в своем знаменитом словаре Dictionary of the English Language³ счел возможным уколоть шотландцев, дав такую словарную дефиницию слову oats: «A grain, which in England is generally given to horses, but in Scotland supports people» (Johnson 1755). Шотландцы, взбешенные подобной шуткой, немедленно ответили: «Which shows that they like horses in England more than people».

Сказанное относительно шотландизмов в англоязычной британской лексикографии, к сожалению, распространяется и на русизмы. Так, TheFreeDictionary, охотно используя американский перевод Большой советской энциклопедии (3-е изд.) на английский язык, сопровождает, однако, это таким пояснением:

³ Johnson, S. (1755) *A Dictionary of the English Language*. London.

«The following article is from *The Great Soviet Encyclopedia* (1979). It might be outdated or ideologically biased» (TheFreeDictionary).

Иными словами, составители словаря дают понять, что всякая официальная информация, поступающая от Russians, «токсична». Сказанное заставляет нас относиться к данным словарей, как говорят англичане, with a pinch/grain of salt, т. е. скептически.

Запоздалое появление России на европейской политической сцене

Снисходительное отношение Запада к русской культуре объясняется исторически. Дело в том, что с самого начала появления России на европейской политической сцене ее присутствие там было встречено враждебно. Россия появилась в Европе как полноправный политический игрок поздно. Прямые контакты Великого Княжества Московского и Англии установились лишь в середине XVI в. в эпоху правления Ивана IV. В то время единственным надежным источником сведений об этой варварской, с точки зрения Запада, стране русских была книга немецкого дипломата Священной Римской империи С. фон Герберштейна (Freiherr Siegmund von Herberstein, 1486–1566), написанная на латыни, *Rerum Moscoviticarum commentarii* (1549).

К моменту заключения Вестфальского мира, который подвел итог Тридцатилетней войне в Священной Римской империи в 1648 г., ведущие европейские государства уже успели хорошо узнать друг друга, многократно повоювать друг с другом, мало уделяя внимания далекому московскому княжеству. Появление в начале XVIII в. на восточной границе после разгрома Петром I шведов огромной Российской империи стало для европейцев неприятной неожиданностью, особенно для Англии (в дальнейшем — British Empire). Раскинувшаяся на двух континентах молодая Российская империя воспринималась с подозрением. Позже, после того как царь Павел I пригрозил послать казаков на завоевание Индии, правители Британской империи стали всерьез принимать Россию как угрозу своему могуществу. Молодой путешественник⁴ по России в начале XX в. спрашивает: «A question of questions for the British Empire is — will Russia attempt to invade India?»⁵ (Norman 1904, 2).

⁴ no Russian; a Moscow student interpreter; expresses his gratitude to de Witte, Minister of Finance (Norman 1904, iii)

⁵ Угроза Павла I послать казаков в Индию была рассмотрена в Лондоне серьезно. Существуют основания полагать,

1917 — начало идеологического противостояния

Ситуация значительно обострилась в начале XX в. Победа большевиков с их лозунгом «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» всерьез напугал западные страны. Политическое противостояние усиливается противостоянием идеологическим. В БОС в ряду тематических групп русизмов («администрация» — 29 русизмов, «этнонимы» — 48, «кулинария» — 37, «религия» — 23) «политическая лексика» занимает первое место — 117 русизмов (Кабакчи 2015, 19).

Словесное соперничество двух политических систем особенно обострилось после Второй мировой войны, с началом т. н. «холодной войны». Появились специалисты по советской идеологии, которые в своей среде стали называть друг друга терминами Sovietologists и Kremlinologists⁶:

sovietology (1958): The Sovietologists of the Western press, working on the documents in London or Washington, were forced by the nature of their occupation to draw conclusions, not always justified by the facts (Trevelyan 1971, 237; цит. по OED 2013).

“Kremlinologists”, Western specialists who studied the movements of the politicians in and around the fortress, made careers out of trying to decipher Soviet Russian policies (Fisher 1999, 16).

Естественно, в начале существования СССР в центре внимания официальных западных политологов стал русизм Bolshevik. Наряду со сдержанно-нейтральным базовым значением⁷ БОС приводит и эмоциональное определение:

что заговор, который привел к гибели Павла, состоялся не без участия англичан. Отношения особенно обострились в эпоху правления королевы Виктории. Именно тогда и появилась это расхожая фраза: «Англичанка гадит» — устойчивое словосочетание (фразеологизм) просторечного характера, означающее антироссийские внешнеполитические действия Великобритании. Возникло в XIX в. в связи с обострением русско-британских отношений и используется в современном российском обществе и средствах массовой информации».

⁶ Относительно термина западных специалистов по России (СССР) Катриона Келли, которая сама является таким специалистом, написала мне в письме: «I don't mind “Russianist” but these days usually say that I work on Russian and Soviet history. “Kremlinologists” in the Western world were understood as people who worked like oracles trying to guess what was going on at the centre of power <...> “Sovietologists” meant people working on current Soviet affairs, not historians. I've never heard “Russologist”. “Russianist” is the most widely-used term in the UK».

⁷ Bolshevik: A. n. 1. A member of that part of the Russian Social-Democratic Party which took Lenin's side in the split that

bolshevik: 2. *transf.* and *fig.* A person of subversive or revolutionary views; an out-and-out opponent of the existing social order or accepted codes (OED 2013).

Современный учебный словарь наряду с основной дефиницией приводит и эмоциональное дополнительное пояснение:

2 *old-fashioned* an insulting way of talking about a Communist or someone who has strong left-wing opinions (Longman).

Соответственно и использование этого слова в текстах:

“Even Putin dubbed [Chubais] a ‘Bolshevik’ for his ruthless methods” (Jack 2004, 183). [Bolsheviks] “Through the schools and Communist youth leagues they aimed to indoctrinate the young in the new collective way of life” (Figs 2014, 197).

Bolshy/Bolshie

Между тем слово *Bolshevik* очень быстро превратилось в презрительное *Bolshy/Bolshie* (a jocular or contemptuous name for a Bolshevik, цит. по OED online 2013, № 1920) и стало жить самостоятельно, «обогадив» таким образом английский язык:

bolshy: Lenin and Stalin and Trotsky and all that Bolshy lot (Shaw 1934, 231; цит. по OED online 2013).

Bolshie: Gates is on record as declaring Mikhail Gorbachev finally showed his old-line Bolshie colors — in January 1991 (Brenner, M. HuffPost Review: Obama’s Wars, 25 May 2011; цит. по Wordnik online).

В частности, в современном учебном словаре уже нет оговорки о большевиках в словарной дефиниции этого слова, хотя этимология и дается ниже:

Bolshie: *BrE informal*, tending to be angry or annoyed and not to obey people (Longman online).

agitprop

Быстро вошедший в лексикон западных англоязычных политологов большевистский

followed the second Congress of the party in 1903, seized power in the ‘October’ Revolution of 1917, and was subsequently renamed the (Russian) Communist Party. Cf. *Menshevik* n. and adj. (OED 2013).

термин *agitprop*⁸ сразу же стал рассматриваться как источник враждебной информации:

agitprop (1925): 2. Writing (esp. drama and lyrics) used as a vehicle for political propaganda; (*occas.*) an instance of this. 3. More generally: political propaganda of any kind (OED online 2013).

Соответственный смысл вкладывался в этот русизм в различных текстах, например:

agitprop: I endured an evening of agit-prop anti-Americanism of a kind I thought had gone out with the Cold War (Ripp 1990, 40; цит. по OED online 2013).

Russki

Наиболее ярко, однако, отношение к русизмам проявляется на примере заимствования *Russki*, которое вошло во второе издание БОС (1989), однако первая цитата отмечена еще во времена Николая I:

Russki (1834): *n. & adj.* Chiefly *slang* or *colloq.* Sometimes *derogatory* (OED 2013).

Как видим, составители БОС не только относят этот русизм к сленгу и/или разговорному уровню, но и табуируют его, то есть рассматривают как уничижительную лексику:

Russki: The Nobel Prize committee bestowed the 1958 award on Boris Pasternak because they thought it would get up the noses of the Russkies (Spectator 2005; цит. по OED 2013).

Авторы этого примера без стеснения подтверждают тот факт, что Нобелевская премия по литературе за роман «Доктор Живаго» была присуждена Б. Пастернаку в первую очередь по политическим соображениям, «because they thought it would get up the noses of the Russkies», т. е., мягко говоря, чтобы досадить «Russians».

Russki: *n. & adj.* I find the Russki super-rich make me particularly uneasy (Daily Tel. 2005; цит. по OED 2013).

В обоих примерах западные журналисты без стеснения используют табуированное

⁸ *Agitprop*: 1. *Usu.* with capital initial. A department of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, or a local department, responsible for ‘agitation and propaganda’ on behalf of Communism; the activities of this department. Also: a person engaged in *agitprop*. Now *hist.* (OED 2013)

лексикографами наименование этноса вопреки т. н. западной толерантности.

Русизмы, быстро уходящие из политического лексикона

norm

Некоторые русизмы, отражаясь в лексикографии, в то же время не закреплялись надолго, поскольку были скоротечны у себя на родине и выходили из политической лексики. Например, в период индустриализации много разговоров в СССР было о норме выработке и ее перевыполнении «ударниками» и «стахановцами», что подтверждается и словарями:

norm (1934): 2.a. A prescribed unit of work or level of productivity to be achieved (originally, in communist regimes) (OED 2013).

Brigades and factories competed with each other to fulfil their norms in 'socialist competition' (Figs 2014, 217).

norm (1934): Stakhanovite women miners in the Donetz basin are performing four, nine, and eleven norms each (Manch. Guardian 6 June 1952; цит. по OED 2013).

О стахановцах, ударниках и (пере)выполнении нормы в советское время говорилось много как в СССР, так и (резко критически/скептически) в западной прессе. Однако со временем значимость этого русизма уменьшилась, он перешел в разряд историзмов, и постепенно его центральное значение влилось в полисемантику английского слова *norm* и растворилось в нем, без какого-либо упоминания русской культуры как источника.

Вот пример из современного учебного словаря:

norm: the usual or normal situation, way of doing something etc (Longman).

Как видим, здесь уже нет какого-либо намека на значение советизма, нет какого-либо упоминания вроде «originally, in communist regimes», вводимого ранее словарем БОС.

monolith

Советская идеология придавала большое значение нерушиму «монолитному» единству партии (сначала ВКП(б), позже КПСС) и народа, что подвергалось большому сомнению и резкой критике на Западе:

The painstaking dissections of Western Kremlinologists, for example, had exposed the fiction of the Communist Monolith <...> (Smith 1976, 20).

Между тем только специалист без труда определит «след советизма» *монолитность* в современном английском слове *monolithic* (разве что по упоминанию слова «party», но это уже для профессионалов-советологов):

3. *In extended use.* Resembling a monolith; massive, immovable; homogeneous, characterless (esp. applied to a building). Also, of an organization, **party**, government, etc.: large, powerful or monopolistic; intractably indivisible and uniform (OED 2013).

Вместе с тем в учебном словаре Longman «русский след» в значении слова *monolith* просматривается невооруженным взглядом: среди десяти примеров находим один с явно политическим уклоном:

monolith: 1. a large powerful organization that cannot change quickly and does not consider the ideas or feelings of the people it affects; e.g.: the collapse of the **Communist monolith in Eastern Europe** (Longman).

Динамика натурализации влиятельных русизмов

Словари, переиздаваемые каждые 10–15 лет, позволяют нам следить за процессом натурализации русизма английским языком, особенно БОС с его историческим принципом представления лексических единиц, в том числе и в случае слов *cadre* и *apparatus*.

cadre

Слово *cadre* вошло в английский язык в первой половине XIX в. (1830) из французского языка и первоначально обозначало офицерский костяк, который, в случае необходимости, мог быть развернут в полноценную воинскую часть. Спустя сто лет, в период индустриализации СССР, перед лицом острой нехватки специалистов, Сталин сформулировал задачу страны перед выпускниками военных академий: «Кадры решают все!» В условиях противостояния с Западом, который с тревогой следил за развитием коммунистического Советского Союза, этот тезис стал частотным в политической полемике:

cadre: The six “cadres” <...> chosen as typical — Communist, Young Communist, shock worker,

cultural worker, collectivized peasant and Red Army man — represent the sum total of the Soviet Government's supporters (Times Lit. Suppl. 9 July 1931 536/4; цит. по OED 2013).

Под влиянием русского слова, частотного в политических текстах тех лет, к первоначальному значению слова *cadres* прибавилось дополнительное значение:

cadre (1930): *especially in Communist countries* a group of workers, etc., also a member of such a group (OED 2013).

Однако в таком виде это слово в ходу лишь у специалистов. По крайней мере, в словаре Merriam-Webster's New Collegiate Dictionary (1956), с которым не расставался В. В. Набоков, приводится лишь первоначальное значение: «a frame or framework; specif., skeleton organization, as of a military unit». В новейшее время субъективный политический компонент усиливается:

cadre: 3. a cell of indoctrinated leaders active in promoting the interests of a revolutionary party (Merriam-Webster).

Вместе с тем, согласно учебному словарю, слово постепенно освобождается от политических коннотаций, расширяя одновременно свое первоначальное значение:

a small group of specially trained people in a profession, political party, or military force; **cadre of**: a cadre of highly trained scientists (Longman).

Характерно также, что слово выходит за рамки только русской культуры и широко используется также в приложении к мировой политике:

China has dispatched an increasingly vocal cadre of diplomats out into the world of social media... (George Floyd... 2020).

В русском языке это слово употребляется во множественном числе. Между тем в английском языке наблюдается колебание в использовании его то в единственном (смотри уже предыдущий пример), то во множественном числе:

cadre: In communist jargon⁹ to be a *cadre* meant to be someone trained and ready to do anything,

⁹ Обратите внимание на введение в дефиницию слова с негативным компонентом: words and expressions used

anywhere, for communism (Hyde 1950; цит. по OED 2013).

Viktor Ivanov <...> took on the sensitive responsibilities in the Kremlin of the appointment of “cadres”¹⁰ or managers (Jack 2004, 314).

apparatus vs (партийный) аппарат

В своем первоначальном значении слова «аппарат» и «apparatus» схожи: их используют для измерения каких-либо данных, мы находим аппараты в лабораториях. Английское слово *apparatus* (пришло из латыни в 1620-х гг.) своим традиционным значением формально соответствует близкому по семантике советизму, ср.:

apparatus: the equipment needed for a particular purpose, esp. scientific or technical (OED 1991).

Однако в советское время широкое употребление получило выражение «партийный аппарат», вокруг которого и сосредоточилась межкультурная политическая полемика:

apparatus (1950): The party machine of the Communist party in Russia, etc. *Also attrib.* (OED 2013).

Stalin's power grew from his control of the Party apparatus in the provinces (Figs 2014, 173).

И хотя исходное значение английского слова не соответствует советизму, в ходе политической полемики наблюдается чередование как заимствование русизма *apparatus*, так и использование английского слова *apparatus*, порою параллельное использование обоих слов:

The term, *apparatus* (*apparatus*) is applied to these full-time Party functionaries (CamEnc 1982, 300). He said that this was an «apparatus game» designed to damage him (*The St. Petersburg Times* 13.08.1996).

[Gorbachev] <...> he feared a bitter struggle, possibly a civil war, over the control of the armed forces, the KGB and the Party's national apparatus <...> (Figs 2014, 398).

После того как западные советологи/кремлюнологи освоили этот русизм, им не составило труда заимствовать и разговорное советское выражение «аппаратчик», естественно, сопровождая его своей оценкой:

in a particular profession or by a particular group of people, which are difficult for other people to understand — often used to show disapproval (Longman).

¹⁰ Кавычки, как известно, синонимичны выражению «so-called», что также подчеркивает чужеродность данного наименования, дистанцирование автора от этого выражения.

apparatchik, n. A full-fledged “apparatchik” (the homely euphemism used in the Party for agents and spies) (Koestler 1950, 46; цит. по OED 2013).

О частотности русизма *apparatchik* говорит и следующий пример из бестселлера о брежневском Советском Союзе:

Whenever Russian words are well enough known to general readers to use correct Russian endings, such as *apparatchiki*, I have done so <...> (Smith 1976, 15).

Показателен и этот пример из «кулинарной автобиографии» А. фон Бремзен:

<...> the kindergarten director had the colorless Slavic features of a career *apparatchik* <...> (von Bremzen 2014, 230).

Русификация коренных английских слов и словосочетаний

Aesopic

Нередко в политический дискурс «Россия — Запад» советологи вводят слова и словосочетания, которые уже известны в употреблении много веков. Например, античное *Aesopic*, которое в этом случае сразу же наполняется коннотацией идеологического противостояния:

aesopic 2. In relation to Russian and (Soviet) Communist literature: using a style or language that has hidden or ambiguous meaning, esp. as a device to disguise dissident political writing in allegorical form and so avoid official censorship. *Also in extended use.*

E.g.: The great master of Aesopic language in Russian literature is Saltykov (Harkins 1957; цит. по OED 2013).

А вот пример из западного путеводителя по СССР:

[Of Bulgakov's *The Heart of a Dog* and *The Master and Margarita*] <...> both novels can be read as Aesopean attacks on the moral assumptions of the Bolshevik regime (Fisher, Fodor 1989, 104).

purge

Помимо чисто медицинского значения, слово *purge* с конца XVI в. приобрело также значение «избавляться от нежелательных лиц», особенно в случае т. н. *Pride's Purge* времен английской революции 1648 г. В новейшее время, в 1930-х гг. в СССР, английское слово

обрело компонент значения печально известных сталинских «чисток»:

purge: 3. a. An act of removing objectionable, hostile, or undesirable elements. In later use: esp. the expulsion from an organization, political party, army, etc., of people regarded as undesirable (OED 2013).

Эхом холодной войны представляется толкование этого слова в современном электронном учебном словаре. В дефиниции нет указания на советскую действительность, но один из примеров прямо указывает именно на сталинские «чистки»:

purge: 1. an action to remove your opponents or the people who disagree with you from an organization or a place; e.g.: the Stalinist purges (Longman).

[Stalin] In April 1933, he announced a general purge of the Party ranks (Figs 2014, 233).

А вот пример из *Encyclopedia Britannica*:

[Medvedev, Roy] Their father was arrested in 1938 during one of Joseph Stalin's purges, and he died in a labour camp in 1941 (EncBr 2001).

show trial

Термин *show trial* в английском языке известен со второй половины XVI в., а в значении «examining and deciding of the issues between parties in a court of law», в частности в приложении к процессам над такими известными личностями, как Ян Гус (1415), Жанна д'Арк (1431) и процесс 1649 г. над королем Карлом I Английским. Однако политическая полемика Запада с советской Россией наполнила этот термин совершенно новым содержанием:

show trial (1937): n. a judicial trial attended by great publicity: usu. used with specific reference to a prejudged trial of political dissidents by a Communist government (OED 2013).

Характерно, что учебный словарь сопровождает вот таким примером дефиницию «an unfair trial that is organized by a government for political reasons, not in order to find out whether someone is guilty»:

Stalin staged a series of show trials (Longman).

А вот и пример из англоязычного описания этого периода советской истории:

<...> a series of show trials of 'wreckers' between 1928 and 1931 served as a reminder that 'bourgeois' technical specialists were capable of sabotage <...> (CamEnc 1982, 112).

fellow-traveller

Из лексических единиц английского языка, получивших новое значение, а также широкое распространение, в результате политической дискуссии Россия — Запад, следует выделить словосочетание *fellow-traveller*, которое изначально обозначало: (a) person traveling with one (OALDCE 1963); однако в том же словаре уже упоминалось и другое значение: (b) one who sympathizes with the aims of a political party (esp. the Communist Party) but is not a member. Второе значение возникло под влиянием послереволюционного советизма, как калька с русского выражения «политический попутчик». Это выражение ввел в обращение Л. Троцкий в приложении к тем, кто, не будучи формально большевиком, следовал, однако, их партийной линии:

fellow-traveller (1936): 2. transf. One who sympathizes with the Communist movement without actually being a party member (OED 2013).

Термин *fellow-traveller* был особенно популярен в США в эпоху Маккартизма (McCarthyism), когда начались гонения на коммунистов:

Outside the Soviet Union the term *fellow traveler* was widely used in the Cold War era of the 1950s, especially in the United States, as a political label to refer to any person who, while not thought to be an actual "card-carrying" member of the Communist Party, was in sympathy with its aims and supported its doctrines (EncBr 2001).

Счел необходимым упомянуть это выражение и американский популяризатор лингвистики Марио Пеи, ярый противник коммунизма:

"Fellow traveler" <...> goes all the way back to the early days of Bolshevism, when Leon Trotsky used *poputchik* to describe sympathizers with Communism who were not party members (Pei 1969, 131).

Упоминание этих событий мы находим даже в детективах А. Кристи:

Go back into the past, find out who was a fellow traveler, who was a party member, all that sort of thing (Christie 1963, 170).

Вот еще один известный английский писатель упоминает этот термин, высказывая одновременно свое презрительное отношение к нему:

fellow-traveller (1936): "I was never a party member". "Party?" "Communist party. I was what they call in their horrible jargon, a fellow traveller" (Waugh 1942, 131; цит. по OED 2013).

О гонениях на него из-за подозрения, что он *fellow-traveller*, подвергся и Ч. Чаплин, о чем он и пишет в своей автобиографии:

fellow-traveller (1936): They were carrying signs that read: "Chaplin's a fellow-traveller" (Chaplin 1964, 491; цит. по OED 2013).

Потеря связи политических русизмов с русской культурой

peaceful coexistence

Как правило, русизмы политического лексикона сохраняют связь с русской культурой, и именно поэтому они в значительной степени воспринимаются негативно (вспомним пример из детектива Кристи, которым открывается эта статья). Однако, некоторые русизмы, или их значения, настолько глубоко проникают в английский язык, что практически теряют связь с исходной культурой. Пожалуй, к числу русизмов, потерявших в англоязычных словарях связь с родной культурой, т. е. к числу «Иванов, не помнящих родства», можно отнести, например, выражение *peaceful coexistence*. По свидетельству лексикографов, это словосочетание впервые было отмечено в англоязычных текстах в переводах работ В. И. Ленина:

peaceful coexistence (1920): Our plans in Asia? The same as in Europe: peaceful coexistence with the peoples, with the workers and peasants of all nations (*N. Y. Evening Jnl.* 18 Feb. 1920 in: Hunt, C. (1957) *Guide to Communist Jargon*, p. 27 [Interview with Lenin]; цит. по OED 2013).

Это подтверждает и словарь Random House Dictionary:

1915–20; often as a translation of Russian *mirnoe sosushchestvovanie* (RHD 1987).

Однако, встретив это словосочетание в тексте, читатель, скорее всего, сочтет его исконным английским выражением:

It was the start of a new era of peaceful co-existence between Russia and the West (Figs 2014, 289).

Правда, такую «забывчивость» лексикографов нетрудно объяснить: данное выражение несет в себе только положительную окраску, а это как раз то, что от него не требуется советологам в политической полемике с Россией. Между тем потеря связи значения словарной единицы с русской культурой может быть исключительно дипломатической, поскольку это та самая лексикографическая дискриминация, о которой говорилось выше¹¹.

kolkhoz

Советизм «колхоз» посредством заимствования передается редко, чаще в специальных текстах:

The Communists had compromised in the *artel* form of *kolkhoz* (Treadgold 1967, 270).

Впрочем, во многих случаях в целях достижения доступности текста с самого начала было целесообразно калькировать полную форму аббревиатуры советизма: «колхоз» => «коллективное хозяйство» => “collective farm”. Далее в полном соответствии с нормами английского языка прилагательное субстантивируется, слово collective используется в зависимости от ситуации и как существительное, и как прилагательное:

kolkhoz (1921): *n.* A collective farm in the U.S.S.R. Also in extended use. => collective (adj.) => collective (1933) OED: 3d. A collective organization or unit; spec. a collective farm (OED 2013).
E.g.: Ovcharenko, a former collective farm director <...> (*The Moscow Times* 18.03.1997).

¹¹ Любопытно, что словарь Wordnik дает следующую информацию относительно словосочетания peaceful coexistence: *Sorry, no etymologies found. Sorry, no example sentences found.* (Wordnik). Это странно, поскольку, по крайней мере, по мнению Wikipedia, это: «Wordnik, a nonprofit organization, is an online English dictionary and language resource that provides dictionary and thesaurus content. <...> Wordnik is billions [миллиарды] of words, 971,860,842 example sentences, 6,925,967 unique words, 231,628 comments, 178,718 tags, 121,432 pronunciations, 77,736 favorites and 1,022,649 words in 32,703 lists created by 81,138 Wordniks». Видимо, количество не всегда переходит в положительное качество. Еще один аргумент в пользу субъективности лексикографов.

<...> thousands of enthusiasts were sent to the countryside to agitate for the collective farms (Figs 2014, 210).

В учебном словаре OALDCE в статье collective *adj.* объясняется словосочетание collective farm:

(in Communist States) farms owned by the State and run by the workers for the benefit of all the citizens (OALDCE 1963).

Между тем современный учебный словарь Longman своей дефиницией, казалось бы, полностью стирает русский след в словосочетании «collective farm», подтверждая, в общем-то, известный факт, что collective farms сейчас уже появились во многих странах:

a large farm that is owned by the government and controlled by the farm workers (Longman).

«Интеронимы» в политической полемике «Россия — Запад»

Нетрудно видеть, что значительное место в лексиконе западных русистов занимают т. н. «интернационализмы», которые, вслед за Э. Свадостом, мы будем называть «интеронимами» (Свадост 1968, 48): «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полным или частичным совпадающим смыслом, выражающим понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» (ЛЭС 1990, 52).

Естественно, подобные слова существенно облегчают межкультурное общение, поэтому легко входят в лексикон политологов, в том числе и те, которые нами уже упоминались. «Агитпроп» легко превращается англоязычными политологами в «agitation and propaganda», поэтому заимствование русизма agitprop происходит фактически беспрепятственно. Интеронимы «кадры», «аппарат», «коллектив», «ликвидировать», «дефицит» и им подобные автоматически ассоциируются с их англоязычными (по крайней мере, формально) близнецами: cadre, apparatus, collective, liquidate, deficit. Вместе с тем, известно, что на межъязыковом уровне слова по своему значению совпадают

редко¹², это относится и к интеронимам. Однако адаптация их значения в условиях профессионального билингвизма в соответствии с требованиями политического дискурса, разумеется, дело техники.

liquidate

Глагол-интероним *liquidate* в значении «to settle or pay (a debt)» вошел в английский язык во второй половине XVI в. как финансовый термин. После Октябрьской революции 1917 г. большевики стали употреблять слово «ликвидировать» для описания уничтожения своих врагов. Для политической полемики с Russians такая негативная подкладка была находкой, и это значение добавилось к английскому слову в 1920-х гг., естественно с соответствующей негативной коннотацией в адрес «ужасных Russian большевиков»:

liquidate (1924): 7. [after Russian *likvidírovat'* to liquidate, wind up.] To put an end to, abolish; to stamp out, wipe out; to kill (OED 2013).

В качестве иллюстрации БОС приводит пример из работы американского лингвиста:

liquidate (1924): Liquidate, therefore, is an erudite synonym of 'to wind up'; hence, in its euphemistic transferred sense, it means 'to eradicate in a thoroughly ruthless manner', 'to destroy, especially by mass murder' (Partridge 1957, 31; цит. по OED 2013).

Прозрачность формы слова и логика метафорического переосмысления облегчили вхождение этого русизма в политический лексикон критиков советской России, и слово стало встречаться в текстах самых различных жанров:

[Her father] had been arrested during the Stalinist purges and "liquidated", as the Soviets say (Smith 1990, 124).

Stalin called this social holocaust the 'liquidation of the kulaks as a class' (Figs 2014, 212).

В учебном словаре Longman даны три значения глагола *liquidate*, причем первое — традиционное, финансовое, и лишь последнее заимствованное у большевиков, однако выбор первого из восьми примеров употребления,

взятых из «Examples from the Corpus», пал именно на политический вариант:

liquidate: Thousands, branded parasitical intellectuals merely because they spoke a foreign language or wore spectacles, were systematically liquidated (Longman).

Можно не сомневаться, что для подавляющего большинства тех, кто будет пользоваться этим словарем, выражение *parasitical intellectuals* будет мало информативно и доступно лишь русистам, знакомым с борьбой в Советском Союзе с т. н. «безродными тунеядцами», жертвой которой стал и поэт Иосиф Бродский. Особенно показателен с точки зрения выхода данного глагола за рамки русской культуры следующий пример:

liquidate (1924): When the army units fanned out in Dacca on the evening of March 25 many of them carried lists of people to be liquidated (*Sunday Times* 13 June (1971) 12/6; цит. по OED 2013).

Как видим, мы уже совсем оторвались от русской культуры и перебрались в «the capital and the largest city of Bangladesh», которая сейчас называется Dhaka.

deficit

Другим характерным примером может служить слово *deficit* (н.). В английском языке изначально это был финансово-экономический термин:

deficit (n.): amount by which something (esp. a sum of money) is too small; amount by which payment exceed receipts (OALDCE 1963).

Дефицит советского времени — это отсутствие в продаже товаров, на которые есть спрос покупателей. Эта ситуация, в частности, описана М. Булгаковым в начале романа «Мастер и Маргарита», когда редактор Берлиоз и поэт Бездомный выясняют, что в «будочке с надписью "Пиво и воды" нет ни пива, ни нарзана». Такая ситуация и вызвала позже гнев Воланда: «что же это у вас, чего нихватишься, ничего нет!».

Тема дефицита была излюбленным объектом критики западных советологов, которая непременно сопровождалась использованием слова *drab* для описания советской действительности. В качестве соответствия русизму выступали заимствование русизма *defitsit*, английский интероним *deficit* в не свойственной ему функции или сочетании обоих:

¹² «Собственно интернациональные слова, полностью совпадающие по значению, встречаются сравнительно не часто» (Комиссаров, В. Н., Рецкер, Я. И., Тархов, В. И. (1960) *Пособие по переводу с английского языка на русский*. Ч. 1. М.: Изд-во Литературы на ин. языках, с. 89).

Last week we scored Moscow for disinfectant <...> No luck. Disinfectant was “defitsit”, as they say (*Morning Star* 22.02.1978).

<...> those desirable and perennially scarce items that Russians call *defitsitny*, deficit goods (Smith 1976, 117).

She then used that small amount of venture capital to buy so-called deficit goods, consumer articles <...> that are almost always in short supply and high demand in Soviet shops (*Time* 23.06.1980).

Идентичность формы и логика переосмысления финансового термина-интеронима облегчают введение в текст советизма, столь удобного для критики. В современном учебном словаре это слово представлено только в качестве финансового термина:

deficit: the difference between the amount of something that you have and the higher amount that you need (Longman).

Однако в следующем примере явно прослеживается влияние значения русского слова, причем, возможно, выделение выражения “a deficit of hope” кавычками подчеркивает необычность значения слова:

Minneapolis Police Chief <...> said his department had contributed to “a deficit of hope” in the city (*BBC World News* 29.05.2020).

Лексико-грамматическая трансформация русизма

collective

В процессе освоения русизма английским языком нередко существенно меняется его лексико-грамматическая сущность. В частности, обычно слово *collective* (по крайней мере, до появления необходимости обсуждать советские «колхозы») выступало преимущественно в качестве прилагательного. Это можно проследить и на колхозной тематике. Вот несколько примеров из словаря Longman: *collective agreement/effort/responsibility*, etc.

They saw the revolution's goal as the creation of a higher type of human being – more collective <...> By getting people to live communally, the Bolsheviks believed they could make them more collective in nature <...> (Figs 2014, 195–196)¹³.

¹³ См. также в работе того же автора: *collective security* (Figs 2014, 297), *the collective good* (Figs 2014, 312), *accomplished by collective enterprise* (Figs 2014, 313).

Функция существительного для английского слова была нехарактерна. Во всяком случае, в словаре ALDCE (1963) в качестве существительного это слово еще не предлагают. Однако влияние русизма очевидно в списке учебного словаря:

collective *поим* word family:
collectivism, collectivization (Longman).

Здесь, бесспорно, влияние таких советских идеологических веяний как «коллективизация» и «коллективизм».

Поскольку советский коллективизм, по сути дела, наследие русского уклада жизни¹⁴, стал объектом критики с Запада, при описании этого явления нередко использовался непосредственно заимствованный русизм:

Today as a sacred entity in Soviet mythology, the *kollektiv* ranks second only to the Communist Party itself. <...> Even in our small office we and our Russian employees constantly joked about ‘The New York Times *kollektiv*’ (Smith 1976, 375–376).

В новейшее время в качестве существительного уже можно встретить и английское слово, правда, порою взятое в кавычки:

<...> a sense of belonging not just to the ‘collective’ in the abstract but to a specific factory (Kelly 2014, 135).

Уместно упомянуть, что в англоязычных текстах советский «колхоз» также нередко называется просто одним словом *collective*:

[Of колхозы] But there was no question of forcing any peasants to join the collectives. <...> But Stalin would have none of that. He wanted larger collectives where all the land, the tools and live-stock were collectivized (Figs 2014, 194м195).

Potemkin

Еще более радикально меняется русская фраза «Потёмкинские деревни», которую, строго говоря, по мнению многих историков, изобрел один из западных послов, сопровождавших Екатерину II во время ее путешествия с Потёмкиным к Черному морю¹⁵. На Западе, когда

¹⁴ Отсюда, в частности, старинное русское выражение «всем миром».

¹⁵ Potemkin (1904): The originator of these stories...was the Saxon diplomat Helbig, and the legend of ‘Potemkin Villages’ as a synonym of sham owes its inception to him (Soloveytschik 1938, 283; цит. по OED 2013).

упоминают такой способ создать видимость хорошей жизни, нередко обходятся одной только фамилией русского государственного деятеля, превращая ее порою в глагол или его форму:

Under the czars this was called 'Potemkinizing', after the prince who erected fake villages along the highway used by Catherine the Great to impress her with the wealth of his region. Nowadays, Russians call it *pokazukha*, for show (Smith 1976, 33).

Potemkin (1904): Theresienstadt was 'a Potemkin camp', used for propaganda, including films, and for that reason conditions in it, though harsh, were much better than in most of the other cities of hell (MacArthur 1991, 119; цит. по OED 2013).

Показательно также и то, что во втором примере использование идиоматического выражения осуществляется уже вне рамок русской культуры.

Дискредитация русизмов

Язык многолик в вариантах своего проявления в зависимости от ситуации общения¹⁶. Что касается идеологической позиции политика, то, по справедливому замечанию М. Пеи: «It all depends on which side of the fence you're on» (Pei 1969, 156). Кстати, позиция самого М. Пэй хорошо определяется по этому его замечанию:

One well-known term in use among Communists is 'comrade.' <...> I think there may be reason to surmise that the abbreviated 'Commie' may represent a blend of 'Communist' and 'comrade' (Pei 1969, 157).

В англоязычной полемике Запада с (советской) Россией явно просматривается стремление внести в используемые русизмы негативный компонент. Так, Д. Хайд, обсуждая слово *cadre*, использует оборот «In communist jargon», уже самым словесным окружением создавая негативную оценку слова (Hyde, D. (1950) *I Believed*; цит. по OED online 2013)¹⁷.

¹⁶ «То, что мы так небрежно и несколько поспешно именуем "языком", представляет собой совокупность миллионов микромиров, многие из которых столь различны в своем поведении, что возникает вопрос, не следует ли их группировать в разные "языки"» (Мартине, А. (1979) Предисловие. В кн.: Вайнрайх, У. *Языковые контакты*. Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, с. 18).

¹⁷ Вот какое определение дает учебный словарь слову «jargon»: «words and expressions used in a particular profession or

Подобными включениями с отрицательным знаком семантики дискредитирующих слов широко пользуется О. Файджес в своей монографии «Revolutionary Russia, 1891–1991»:

It is one of the ironies of the Bolshevik **insurrection** that hardly any of its leaders had wanted it to happen how and when it did (Figs 2014, 128). <...> the Bolshevik **dictatorship** (Figs 2014, 131). Through the schools and Communist youth leagues they aimed to **indoctrinate** the young in the new collective way of life (Figs 2014, 197).

Особенно четко просматривается употребление О. Файджес в своей книге слова *regime*, которое также характеризуется негативной коннотацией:

a government, especially one that was not elected fairly or that you disapprove of for some other reason (Longman online).

И вот этот негативный компонент проходит через всю книгу, «отравляя», таким образом, используемые в тексте русизмы:

Throughout the peasant world Communist **regimes** have been built. (Figs 2014, 156–157) <...> the consolidation of the Stalinist **regime** (Figs 2014, 246, 251, 267, 321) <...> it was an admission by the Soviet **regime** (Figs 2014, 254, 255, 325, 371).

События начала XXI в. показывают, что англоязычная полемика Запада с Россией только обостряется, а это требует тщательного изучения языковых средств противодействия подобной дезинформации.

Сокращения

БОС — Большой Оксфордский словарь
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь
ALDCE — Advanced learner's dictionary of current English
CamEnc — Cambridge encyclopedia of Russia and the Soviet Union
EncBr — Encyclopedia Britannica
OALD — Oxford advanced learner's dictionary
OALDCE — Oxford advanced learner's dictionary of current English
OED — Oxford English dictionary
OEED — Oxford encyclopedic English dictionary
RHD — Random House dictionary of the English language

by a particular group of people, which are difficult for other people to understand — often used to show disapproval» (Longman).

Словари

- Ярцева, В. Н. (ред.). (1990) *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 682 с.
- Barnhart, R. K. (ed.). (1988) *The Barnhart dictionary of etymology*. Bronx: Wilson Co. Publ., 1284 p.
- Flexner, S. B., Hauck, L. C. (eds.). (1987) *The Random House dictionary of the English language*. 2nd ed. New York: Random House Publ., 2478 p.
- Hawkins, J. M., Allen, R. (eds.). (1991) *The Oxford encyclopedic English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1783 p.
- Hornby, A. S., Gatenby, E. V., Wakefield, H. (eds.). (1963) *Advanced learner's dictionary of current English*. 2nd ed. London: Oxford University Press, 1200 p.
- Longman dictionary of contemporary English*. [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (accessed 05.04.2021).
- Merriam-Webster*. [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 05.04.2021).
- Oxford English dictionary*. (2013) [Online]. Available at: <https://www.oed.com/> (accessed 05.04.2013).
- Oxford advanced learner's dictionary*. (2021) [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (accessed 05.04.2021).
- TheFreeDictionary*. [Online]. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed 05.04.2021).
- Wordnik*. [Online]. Available at: <https://www.wordnik.com> (accessed 05.04.2021).

Литература

- Кабакчи, В. В. (1998) *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 232 с.
- Кабакчи, В. В. (2015) Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, № 1 (45), с. 16–22.
- Свадост, Э. П. (1968) *Как возникнет всеобщий язык?* М.: Наука, 287 с.
- Aitken, A. J. (1987) The extinction of Scotland in popular dictionaries of English. In: R. W. Bailey (ed.). *Dictionaries of English. Prospects for the record of our language*. Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 99–120.
- Burchfield, R. (1980) Dictionaries and ethnic sensibilities. In: L. Michaels, C. Ricks (eds.). *The state of the language*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, pp. 15–23.
- Gaeng, P. A. (1971) *Introduction to the principles of language*. New York: Harper and Row Publ., 383 p.
- Pyles, Th. (1964) *The origin and development of the English Language*. New York: Harcourt, Brace & World Publ., 388 p.

Sources

- Brown, A., Fennell, J., Kaser, M., Willetts, H. T. (eds.). (1982) *The Cambridge encyclopedia of Russia and the Soviet Union*. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press, 492 p. (In English)
- Christie, A. (1963) *The clocks*. London: Fontana Books Publ., 224 p. (In English)
- Christie, A. (1967) *The mirror cracked from side to side*. London: Fontana Books Publ., 192 p. (In English)
- Encyclopedia Britannica*. (2001) 2 CD-ROM. (In English)
- George Floyd: Minnesota sees second night of clashes over death in. (2020) *BBC World News*, 29 May. [Online]. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-52834685> (accessed 05.04.2021). (In English)
- Figes, O. (2014) *Revolutionary Russia, 1891–1991*. Melbourne: Penguin Group Publ., 473 p. (In English)
- Fisher, R. C., Fodor, E. (1989) *Fodor's Soviet Union 1974–1975*. Fodor's Travel Guides. (In English)
- Fisher, R. I. C. (1999) *Fodor's Moscow and St. Petersburg*. 4th ed. New York; London: Fodor's Publ., 288 p. (In English)
- Jack, A. (2004) *Inside Putin's Russia: Can there be reform without democracy?* Rev. ed. London: Granta Book Publ., 362 p. (In English)
- Kelly, C. (2014) *St. Petersburg: Shadows of the past*. New Haven: Yale University Press, 464 p. (In English)
- Morning Star*. (1978) 22 February. (In English)
- Norman, H. (1904) *All the Russias: Travels and studies in contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, and Central Asia*. New York: C. Scribners Sons Publ., 476 p. (In English)
- Pei, M. (1969) *Words in sheep's clothing*. New York: Hawthorn Books Publ., 248 p. (In English)
- Smith, H. (1976) *The Russians*. London: Sphere Books Publ., 639 p. (In English)
- Smith, H. (1990) *The New Russians*. London: Hutchinson Publ., 416 p. (In English)
- The St. Petersburg Times*. (1996) 13 August. (In English)
- The Moscow Times*. (1997) 18 March. (In English)
- Time. U.S. edition*. (1980) Vol. 115, no. 25, 23 June. (In English)
- Treadgold, D. W. (1967) *Twentieth Century Russia*. Chicago: Rand McNally Publ.
- Von Bremzen, A. (2014) *Mastering the art of Soviet cooking: A memoir of food and longing*. New York: Broadway Books Publ., 350 p. (In English)

Dictionaries

- Barnhart, R. K. (ed.). (1988) *The Barnhart dictionary of etymology*. Bronx: Wilson Co. Publ., 1284 p. (In English)
- Flexner, S. B., Hauck, L. C. (eds.). (1987) *The Random House dictionary of the English language*. 2nd ed. New York: Random House Publ., 2478 p. (In English)
- Hawkins, J. M., Allen, R. (eds.). (1991) *The Oxford encyclopedic English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1783 p. (In English)
- Hornby, A. S., Gatenby, E. V., Wakefield, H. (eds.). (1963) *Advanced learner's dictionary of current English*. 2nd ed. London: Oxford University Press, 1200 p. (In English)
- Longman dictionary of contemporary English*. [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (accessed 05.04.2021). (In English)
- Merriam-Webster*. [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 05.04.2021). (In English)
- Oxford English dictionary*. (2013) [Online]. Available at: <https://www.oed.com/> (accessed 05.04.2013). (In English)
- Oxford advanced learner's dictionary*. (2021) [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (accessed 05.04.2021). (In English)
- TheFreeDictionary*. [Online]. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed 05.04.2021). (In English)
- Wordnik*. [Online]. Available at: <https://www.wordnik.com> (accessed 05.04.2021). (In English)
- Yartseva, V. N. (ed.). (1990) *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 682 p. (In Russian)

References

- Aitken, A. J. (1987) The extinction of Scotland in popular dictionaries of English. In: R. W. Bailey (ed.). *Dictionaries of English. Prospects for the record of our language*. Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 99–120. (In English)
- Burchfield, R. (1980) Dictionaries and ethnic sensibilities. In: L. Michaels, C. Ricks (eds.). *The state of the language*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, pp. 15–23. (In English)
- Gaeng, P. A. (1971) *Introduction to the principles of language*. New York: Harper and Row Publ., 383 p. (In English)
- Kabakchi, V. V. (1998) *Osnovy angloyazychnoj mezhekul'turnoj kommunikatsii [Basics of English-speaking intercultural communication]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 232 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2015) Realii russkoj kul'tury v Bol'shom Oksfordskom slovare [The realities of Russian culture in the Big Oxford Dictionary]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke — The Humanities and Social Studies in the Far East*, no. 1 (45), pp. 16–22. (In Russian)
- Pyles, Th. (1964) *The origin and development of the English Language*. New York: Harcourt, Brace & World Publ., 388 p. (In English)
- Svadost, E. P. (1968) *Kak vozniakaet vseobshchij yazyk? [How does a common language come about?]*. Moscow: Nauka Publ., 287 p. (In Russian)

УДК 811.161.1

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-153-159>

Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора

И. Ю. Колесов^{✉1}

¹ Алтайский государственный педагогический университет,
656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Сведения об авторе

Игорь Юрьевич Колесов,
SPIN-код: 4520-4975,
Researcher ID: K-9875-2013,
ORCID: 0000-0002-6844-9344,
e-mail: igor.kolesov44@gmail.com

Для цитирования:

Колесов, И. Ю.
(2021) Интерпретирующая
функция языка
и пространственная метафора.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 153–159.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-153-159>

Получена 14 марта 2021; прошла
рецензирование 25 апреля 2021;
принята 25 апреля 2021.

Права: © И. Ю. Колесов (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Одной из тем научных исследований Н. А. Кобриной всегда были различные аспекты взаимосвязи между когнитивной деятельностью человека, его субъективным восприятием, видением мира и свойством вариативности языковых единиц, их приспособляемостью к различным номинативным, структурным и дискурсивным функциям. Креативные возможности человека говорящего лежат в основании способности языка приспосабливаться к меняющимся условиям своего функционирования и коммуникативным потребностям говорящего. Благодаря своим функционально обусловленным особенностям язык обеспечивает не только коммуникацию: с помощью языка создается специфический для данной культуры способ интерпретировать действительность с помощью вербальных форм.

Анализируемые в статье примеры метафорических выражений называют различные аспекты социального взаимодействия и вербальной коммуникации как его разновидности. Метафорические концептуальные модели широко применяются для интерпретации общения в терминах физического пространства и пространственных параметров, например, таких, как координаты высоты (*вертикаль власти*), длины/ширины (*широкая палитра мнений, длинный разговор*), расстояния/дистанции (*держат дистанцию в общении; держать кого-л. от себя на расстоянии*). Социальные отношения так же легко метафоризируются в концептуальных рамках пространственных параметров (*близкий друг, дальний родственник, перейти границу в поведении, верх приличия* и т. п.).

Актуальность исследования состоит в реализации современного интегративного подхода к таким ипостасям языка, как его семиотическая природа, коммуникативная актуализация и скрепляющая все воедино когнитивная организация языка. Исследование выполнено в развитие данного подхода к языку, основание которого состоит в единстве системного и функционального в языке при объединяющей роли его когнитивной организации. В его разработку значимый вклад внесен Н. А. Кобриной, и его установки используются в данной статье. Итогом исследования являются выводы об универсальности пространственных признаков, составляющих схемы интерпретации коммуникативных событий и их компонентов, что проявляется в роли концепта «пространство» как области донора при концептуальной метафоре коммуникации.

Ключевые слова: интерпретирующая функция языка, концепт «пространство», концептуальная метафора, область-донор.

Interpretational function of language and spatial metaphor

I. Yu. Kolesov✉¹

¹ Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya Str., Barnaul 656031, Russia

Author

Igor Yu. Kolesov,
SPIN: 4520-4975,
Researcher ID: K-9875-2013,
ORCID: 0000-0002-6844-9344,
e-mail: igor.kolesov44@gmail.com

For citation:

Kolesov, I. Yu.
(2021) Interpretational function
of language and spatial metaphor.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 153–159.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-153-159>

Received 14 March 2021;
reviewed 25 April 2021;
accepted 25 April 2021.

Copyright: © I. Yu. Kolesov (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](#).

Abstract. One of the research topics pursued by a Russian linguist Novella A. Kobrina was among various aspects of relations set between human cognitive activity, their subjective perception, vision of the world and the variability of language units, their adaptability to various nominative, structural and discursive functions in the language use. The creative human speaking capacities underlie the potential of the language to adapt to the changing conditions of its functioning and the communicative needs of the speaker. Owing to its functionally determined features, the language provides both for communication and for a culturally determined way of interpreting reality with the help of its verbal forms.

The examples of metaphorical expressions analyzed in the article name various aspects of social interaction and verbal communication as its kind. A number of metaphorical conceptual models and schemata are widely used to interpret communication in terms of physical space and spatial parameters, such as coordinates of height, length/width, distance, etc. Social relations are just as easily metaphorized within the conceptual framework of spatial parameters. The relevance of the research lies in the implementation of a modern integrative approach to such language capacities as its semiotic nature, communicative actualization and cognitive organization that binds everything together. The study is carried out in the development of such approach to language, the basis of which is the unity of the systemic and functional in language with the unifying role of its cognitive organization. A significant contribution to its development was made by Novella A. Kobrina, and its framework is used in this article. The study results in conclusions about the universality of spatial features that make up the schemes for the interpretation of communicative events and their components, which manifests itself in the role of the concept “space” as a donor domain in the conceptual metaphor of communication.

Keywords: interpretational function of language, concept “space”, conceptual metaphor, donor domain.

Введение

В одной из публикаций Н. А. Кобрина затрагивает проблему взаимосвязи между когнитивной деятельностью человека, его субъективным восприятием, видением мира и свойством вариативности языковых единиц, их приспособляемостью к различным номинативным, структурным и дискурсивным функциям (Кобрина 2000). Последнее в целом обуславливается креативными возможностями человека, говорящего в силу того, что когнитивная деятельность, сознание человека создали язык таким, каков он есть — вариативным и адаптательным, т. е. способным приспособляться к изменяющимся условиям своего функционирования и коммуникативным потребностям говорящего и слушающего.

Поскольку язык есть естественно возникшая семиотическая система вербальной коммуникации людей, его появление и развитие непо-

средственно связано с развитием памяти, высшей нервной деятельности и является закономерным этапом в развитии когнитивных функций сознания человека, его познавательной деятельности. В современной науке язык как объект изучения имеет весьма широкие границы, его понимание не ограничивается системой знаков, оно также не исчерпывается таким емким понятием, как «дискурс», которое вмещает в себя как язык, так и условия его функционирования. Между этими двумя точками бытия языка размещается такая его ипостась, как система правил коммуникативного поведения человека в актуальных условиях определенной культуры и социума.

Учитывая сказанное, можно отметить, что в современном анализе языка интегрируются его следующие ипостаси: семиотическая природа языка (язык является системой знаков), его коммуникативная актуализация (дискурс в различных пониманиях как речевая

актуализация системы) и объединяющая все воедино когнитивная организация языка.

Основания интерпретирующей функции языка

В развитие подхода к языку, основанного на единстве системного и функционального в языке при скрепляющей роли его когнитивной организации, значимый вклад внесен Н. А. Кобринной, и его установки используются в данной публикации, посвященной как сущности самого подхода, так и памяти талантливого ученого.

Важно отметить, что лингвистика XX в., развивавшаяся в парадигме системно-структурного синхронного анализа языка, раскрыла его сущность как структурно-организованной системы знаков, используемых в коммуникации. Однако, учитывая все те специфические функциональные характеристики языка, которые были детально изучены в Пражской и Лондонской школах структурной функциональной лингвистики, все же полагаем, что семиотическая природа языка не исчерпывает, а лишь предопределяет его сущность как коммуникативного «стержня», скрепляющего в единое целое социокультурный статус человека говорящего. Речевая коммуникация с точки зрения психокогнитивной организации человека является сложнейшим (и притом тончайшим по нюансам своего проявления) механизмом социального использования языковой способности индивида в его речемыслительной деятельности. В свою очередь, речемыслительная деятельность осуществляется благодаря тому, что у каждого члена языкового коллектива есть коммуникативная потребность — потребность сообщать и получать информацию, выражать содержание своего мышления, а также свою волю и эмоциональные состояния, т. е. потребность в общении с себе подобными.

В когнитивном анализе языка понятие речемыслительной деятельности, которое получило детальную разработку в отечественных науках (психологии и языкознании, включая психолингвистику), включено в понятие когнитивно-дискурсивной деятельности. В частности, его используют, характеризуя процесс усвоения иностранного языка и его использование в другой культуре, при сравнении доминант когнитивных процессов, выражающихся в речи, и т. п. Это позволяет увидеть внутреннюю «механику» процессов мышления, которые непосредственно связаны с языком.

Проблема интерпретирующей функции языка оказалась в центре внимания в пионерской

для когнитивной лингвистики работе У. Чейфа «Память и вербализация прошлого опыта» (1977). Уже здесь была поставлена проблема интерпретации, осуществляемой языком и в самом языке. Процессы, связывающие познаваемый мир, язык и сознание, в работе У. Чейфа показаны в модели, включающей ВОСПРИЯТИЕ (мира), НАКОПЛЕНИЕ И ИЗВЛЕЧЕНИЕ (информации) из памяти и ВЕРБАЛИЗАЦИЮ хранимого в памяти опыта познания (Chafe 1977). То, что поступает в сознание и включается в память, не является копией воспринимаемых стимулов, а уже является интерпретацией. А то, что извлекается из памяти для вербализации, также не является всем тем знанием или опытом, а представляет собой обработанную (интерпретированную) для дальнейшей вербализации информацию.

Сегодня когнитивная организация языка рассматривается как совокупность процессов мышления, в которых язык принимает самое непосредственное участие в качестве инструмента когниции, познавательной деятельности. В рамках когнитивно-дискурсивной лингвистической парадигмы язык анализируют как гибкий способ знаковой репрезентации опыта и коммуникативного взаимодействия между членами данного лингвокультурного сообщества в любой конкретной ситуации (Сусов 2009), как воплощение, оязыковление знания (Кубрякова 2004) и как воплощение системы знания (Болдырев 2018).

В языке и при его использовании, таким образом, задействованы когнитивные ресурсы сознания человека, осуществляются концептуализация и категоризация, связывающие семиотическую и коммуникативную деятельность, когницию и коммуникацию. Образование языковых знаков в филогенезе человека разумного и человека говорящего обуславливало развитие таких когнитивных способностей человека как абстрагирование, отвлечение от конкретных обозначаемых ситуаций, вычленение элементов ситуаций и их схематизация. В свою очередь, эти действия сознания способствовали усложнению самих знаков и созданию системы языковых знаков, а также кристаллизации главной функции языка как инструмента познания, выражения знания и вербальной коммуникации. Таким образом, благодаря своим функционально обусловленным особенностям язык обеспечивает не только коммуникацию: с его помощью создается специфический для данной культуры способ интерпретировать действительность с использованием вербальных форм.

*Концептуальная метафора
коммуникации, основанная
на пространственных образах,
как результат интерпретирующей
функции языка*

Предлагаем далее рассмотреть в рамках данной публикации результат воплощения данного интерпретирующего свойства языка на примере концептуальной метафоры, основанной на пространственных образах.

Метафора уже традиционно для когнитивной лингвистики рассматривается в качестве такого ментального механизма, который дает широкую возможность представить результаты языковой интерпретации опыта благодаря тому, что мыслительная и вербальная деятельность диалектически и онтологически соположены. Как в самом устройстве языка, так и при функционировании его единиц структур в том, как они служат цели выражения результатов мышления, всегда имеется специфическое содержание, передаваемое в коммуникации, свидетельствующее о креативном мыслительном действии человека говорящего, проявляющейся в «конструировании» (construal) познавательного опыта человека в форме языковой картины мира.

Анализируемые ниже примеры метафор называют различные аспекты социального взаимодействия и вербальной коммуникации как его разновидности. Метафорические концептуальные модели широко применяются для интерпретации общения в терминах физического пространства и пространственных параметров, например, таких как координаты высоты (*вертикаль власти*), длины/ширины (*широкая палитра мнений, длинный разговор*), расстояния/дистанции (*держат дистанцию в общении; держать кого-л. от себя на расстоянии*). Социальные отношения так же легко метафоризируются в концептуальных рамках пространственных параметров (*близкий друг, дальний родственник, перейти границу в поведении, верх приличия*, и т. п.).

Как показывает анализ, концептуальная метафора в рассматриваемых языковых выражениях создается в результате переноса знания о действительности, представленного концептуальными схемами (моделями) из области источника «Пространство», в области мишени «Речевое общение» и «Социальная коммуникация». Выявленные примеры репрезентируют знание о признаках расположения объектов в пространстве, о пространственных признаках физических тел — их топологии (форме), параметрии (пространственных величинах),

мереологии (отношения целого и его частей), а также о траектории и направлении движения.

Рассмотрим некоторые пространственные метафоры путем анализа слотов фрейма «Пространство», которые могут быть обнаружены в слотах фреймов «Речевое общение» и «Социальная коммуникация». Анализ проводился с привлечением выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В результате анализа выявлен ряд пространственных концептуальных схем, перенесенных в слоты фреймов «Речевое общение» и «Социальная коммуникация».

Так, речевая коммуникация и общение концептуализируются с помощью *параметрических схем*, отражающих трехмерность физического пространства. Обратимся к примерам, отражающим интерпретацию общения на основе схем «ДЛИНА» (*длинный разговор (беседа), длинные анекдоты (монологи, речи), длинная пауза* и т. п.), «ШИРИНА» (включая такие параметры, как ширь, протяженность, широта и обширность: *широкая палитра мнений, широкий жест, в широком/узком смысле, широкий контекст, широкая огласка* и т. п.) и «ВЫСОТА» (*высокие слова, высокий стиль*). Обратимся к примерам предложений:

Поскольку история получилась длинной, то приведено лишь несколько эпизодов. [о тексте киносценария] Кино чуть стерильноватое. Длиннее писать ломает. Эти дискуссии нашли широкое освещение в средствах массовой информации. Потому что они словно выше любых эпитетов. (НКРЯ)

Знание о траектории и направленности движения интерпретировано в метафорических выражениях, выражающих динамическое поступательное развитие коммуникативных событий посредством активации схем «ДВИЖЕНИЕ» и «ТРАЕКТОРИЯ (ПУТЬ)» в следующих вариациях:

- движение как перемещение между точками в пространстве: *разговор пошел, идет, шел, пойдет о чем-л.*;
- движение к точке прибытия: *дойти до сути*;
- изменение траектории движения: *свернуть с темы, повернуть разговор, уйти в сторону от главной проблемы, разговор шел по кругу (вокруг какого-л. вопроса).*

Представляет интерес метафора движения и пути (траектории) в художественном тексте, свидетельствующая о креативности авторов в концептуализации речевого общения:

И всё-таки разговор сорвался с дорожки [А. Солженицын]. *Разговор, кажется, качнулся в его пользу* [Л. Улицкая]. *Разговор между тем переметнулся на литературу, то есть вернулся к <...> диспуту ...* [А. Азольский]. *Ринат, недовольный, что разговор зашёл в другую сторону, вернул его в практическое русло* [А. Славковский]. (НКРЯ)

Подобные примеры позволяют предположить, что широкие возможности, которые реализуются при осмыслении речевой коммуникации при помощи пространственных признаков, являются свидетельством того, что концепт «пространство» оказывается универсальным и всеобъемлющим инструментом концептуализации коммуникации. Будучи содержательно широким концептом, «пространство» из области-источника становится областью-донором, т. к. большое количество частных признаков используется в метафорическом переносе.

Обратимся к иным параметрическим и мереологическим схемам пространства, обнаруживаемым среди пространственных метафор коммуникации. Они включают такие схемы, как «ГРАНИЦА» (включая контрарный параметр «неограниченность»): *бесконечный разговор, круг обсуждаемых проблем, открытый разговор*; «РАЗМЕР»: *крупный разговор*; «КОНТЕЙНЕР»: *пустые разговоры*.

К заимствуемому в процессе интерпретации внешним признакам формы относится признак «шнур» — протяженный гибкий линейный предмет, имеющий свойства разрываться и соединяться (*разговор оборвался/завязался*): *Всё-таки разговор оборвался* (НКРЯ).

На основе того, что физические свойства материи относятся к свойствам субстанции как признака объектов с пространственными признаками, в анализе выделен такой слот фрейма «пространство», как «субстанция, имеющая свойства вязкости, плотности среды, поглощающая объекты»: *ввязаться, впутаться, вмешаться, вступить в разговор, втянуть кого-л. в разговор*.

В художественном тексте могут актуализироваться и другие признаки из схемы «СУБСТАНЦИЯ», используемые для номинации речевой коммуникации (разговора):

Последняя фраза, очевидно, была сказана просто так, чтобы прекратить скользкий разговор [А. Т. Аверченко]. *Василиса <...> первой начала разговор, который давно уже висел в воздухе* [Л. Улицкая]. *И Екатерине Алексеевне пришлось скомкать столь важный разговор о перспективах режиссуры в цирке* [И. Э. Кио]. (НКРЯ)

Не менее разнообразные признаки области-донора «пространство» обнаруживаются в метафорах социальной коммуникации. Обратимся к уже названным схемам для экспликации ряда признаков пространства: «ВЫСОТА» (*вертикаль власти, верх приличия*), «ШИРИНА» (*широкая известность, широкое понимание*), «ГРАНИЦА» (*перейти границу в поведении; не видеть (ощущать) границы в отношениях*), «ДИСТАНЦИЯ (РАССТОЯНИЕ)» (*близкий друг, дальний родственник, далекие предки (потомки), держать дистанцию в общении, держать кого-л. от себя на расстоянии, держаться на расстоянии/подальше от кого-л.*). Приведем примеры:

Ради таких открытий стоило несколько поступиться гордостью: Хэмфри Дэви чётко держал социальную дистанцию, не позволяя Майклу переступить ту границу, за которой он оставался лаборантом, личным секретарем, а временами — просто слугой [А. Сидорин]. *Эта способность появилась у них ещё триста миллионов лет назад, когда они покинули моря и реки, где жили их далёкие предки, и пустились завоевывать сушу* [«Знание — сила»]. (НКРЯ)

Высокая роль пространственных признаков в концептуализации вербальной и социальной коммуникации подкрепляется тем, что среди них могут быть выделены те, которые претендуют на статус универсальных. В качестве примера обратимся к «донорскому» признаку расстояния и дистанционности в выражениях *близкий друг* и *далекий друг*. Всем достаточно понятно, что *близкий друг*, как и близкий человек — это, как минимум, «родственная душа», человек, близость которого основана на близком социальном общении. *Далекий друг* — это не тот, с кем нет близости (человек без близкой связи по умолчанию не входит в круг друзей), *далекий друг* находится в отдалении в данный момент, на расстоянии буквально, это может быть тот же близкий друг, но в отъезде. *Далекий друг* не имеет семантического сходства с выражением *далекий (дальний) родственник*, где подчеркивается

непрямая, отдаленная степень родства (родство — признак постоянный) и имплицитно отсутствует тесного контакта и обоюдного позитивного социально-личностного общения. Это подкрепляет нашу интерпретацию нивелирования признака метафорического переноса в выражении *далекий друг*. Друг — всегда близкий человек.

На аналогичной основе может быть описана оппозиция *друг — враг*. Она является равновесной только в логическом смысле, но не равновесна в концептуальном плане: близким или далеким может быть друг, но не враг, враг уже отделен социальной, нравственной, этической, политической и военной дистанцией и включен в пространство «чужое», в основе которого лежит значительная дистанцированность от я-говорящего.

Приведем примеры из художественного текста:

Друг мой далекий и близкий такой! [С. Спивакова]. *Замечательные детские книги в их доме на Автозаводской про синие листья, Динку и Ваську Трубачева были подписаны аккуратным женским почерком далекой и ни разу не виденной родственницы из таинственного мира большой литературы* [А. Варламов]. (НКРЯ)

В этой связи уместно обратиться к пространственным метафорическим выражениям *недалекий человек* и *близкий человек*, которые синонимичны по пространственным признакам (недалеко ~ близко), но ярко демонстрируют интерпретацию совершенно различных областей знания при помощи данных признаков: «недалекий» — не очень умный; ограниченный: *недалекий человек; Она оказалась очень недалёкой; недалёкого ума кто-л.* (об умственно ограниченном, малоспособном человеке), тогда как «близкий» — «тесно связанный с кем-, чем-л. какими-л. отношениями, близкий кому-л.

по духу, по интересам: *близкие к природе, к театру люди; быть с кем-л. в близких отношениях (в дружеских или интимных); близкая подруга; близкий сердцу человек*» (БТСРЯ 1998).

Обратим внимание также и на то, что метафоризация пространственного образа может получать дальнейшее развитие. Речевое действие переосмысливается благодаря закреплению расположения элементов словосочетания в его структуре, т. е. благодаря нарастанию признаков конструкции в номинациях коммуникативных событий, например, выражение *короткий разговор* противопоставляется предикации *разговор короткий* (с обязательной постпозицией определения). Идиоматическое выражение *разговор короткий* может обозначать уже не речевой акт, а социальное (воспитательное) действие, которое следует в виде наказания вместо воспитательной беседы (и уж если она имеет место, то будет предельно краткой): *И разговор короткий — ремень* [А. Рыбаков] (НКРЯ).

Выводы

Итогом анализа актуализации признаков пространства является понимание концепта «пространство» как области-донора своих признаков для метафорической номинации коммуникации (речевого общения и социальной коммуникации). Проведенный первичный анализ в сфере инвентаризации используемых признаков и метафорических выражений о коммуникации показал, что метафорическое осмысление коммуникации дает возможность доступа в «окно сознания», к процессам и результатам языковой концептуализации — интерпретации знания о человеческой коммуникации. При широком понимании коммуникации в этот образ оказываются включены когнитивные, семиотические, коммуникативные (функциональные, прагматические, социально-личностные и т. п.) явления.

Сокращения

НКРЯ — Национальный корпус русского языка

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка

Источники

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 01.03.2021).

Словари

Кузнецов, С. А. (ред.). (1998) *Большой толковый словарь русского языка: А—Я*. СПб.: Норинт, 1534 с.

Литература

- Болдырев, Н. Н. (2018) *Язык и система знаний. Когнитивная теория языка*. М.: Издательский Дом ЯСК, 480 с.
- Кобрин, Н. А. (2000) Язык как когнитивно-креативная деятельность человека. В кн.: *Studia Linguistica: сборник научных трудов. Вып. IX*. СПб.: Политехника Сервис, с. 23–29.
- Кубрякова, Е. С. (2004) *Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры, 555 с.
- Сусов, И. П. (2009) *Лингвистическая прагматика*. Винница: Новы Кныга, 272 с.
- Chafe, W. (1977) The recall and verbalization of past experience. In: R. W. Cole (ed.). *Current issues in linguistic theory*. Bloomington: Indiana University Publ., pp. 215–246.

Sources

- Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]*. [Online]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 01.03.2021). (In Russian)

Dictionaries and reference literature

- Kuznetszov, S. A. (ed.). (1998) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A—Ya [Large explanatory dictionary of the Russian language]*. Saint Petersburg: Norint Publ., 1534 p. (In Russian)

References

- Boldyrev, N. N. (2018) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka [Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language]*. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK Publ., 480 p. (In Russian)
- Chafe, W. (1977) The recall and verbalization of past experience. In: R. W. Cole (ed.). *Current issues in linguistic theory*. Bloomington: Indiana University Publ., pp. 215–246. (In English)
- Kobrin, N. A. (2000) Yazyk kak kognitivno-kreativnaya deyatel'nost' cheloveka [Language as a cognitive and creative human activity]. In: *Studia Linguistica: sbornik nauchnykh trudov [Studia Linguistica: Collection of scientific papers]*. Iss. IX. Saint Petersburg: Politekhnik Servis Publ., pp. 23–29. (In Russian)
- Kubryakova, E. S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge. Towards acquiring the knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 555 p. (In Russian)
- Susov, I. P. (2009) *Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]*. Vinnitsa: Novy Knyga Publ., 272 p. (In Russian)

Check for updates

Лингвистика и междисциплинарные
исследования языка и речи

УДК 811.161.1

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-160-166>

Смысловая объемность структуры предложения

Л. А. Фурс^{✉1}

¹ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
392000, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Сведения об авторе

Людмила Алексеевна Фурс,
SPIN-код: 1278-7454,
e-mail: liudmila.furs@gmail.com

Для цитирования:

Фурс, Л. А.
(2021) Смысловая объемность
структуры предложения.
*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 160–166.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-160-166>

Получена 15 февраля 2021;
прошла рецензирование 7 марта
2021; принята 8 марта 2021.

Права: © Л. А. Фурс (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается проблема смысловой объемности структуры предложения, определяемая как увеличение смысловой нагрузки за счет приращения дополнительных смыслов при условии соблюдения принципа языковой экономии. Важной в этом процессе является роль говорящего при выборе характеристик реальной ситуации и их интерпретации с последующим выбором языковых средств для их репрезентации. Исследование выполнено в рамках когнитивного подхода к изучению языка, который предполагает рассмотрение языковых средств в аспекте взаимодействия когнитивных и языковых структур знания. Такой подход позволяет выявить особенности смысловой объемности структуры предложения и охарактеризовать типы знания, репрезентация которых свидетельствует об увеличении смысловой нагрузки структуры предложения. В качестве основного метода исследования избирается метод когнитивного моделирования. Предложение как сложная в структурном плане единица языка предназначена для репрезентации как декларативного, так и процедурного знания. Процедурное знание включает такие аспекты, как когнитивная доминанта, когнитивный мониторинг и когнитивный контроль. Когнитивная доминанта соотносится с интенциями говорящего и охватывает наиболее значимые на данный момент характеристики репрезентируемой ситуации реальной действительности, которые акцентируются в соответствии с целями коммуникации. Когнитивный мониторинг представлен различными стратегиями обработки декларативного знания, полученного опытным путем. Когнитивный контроль определяется как фокус внимания говорящего, направленный на выбор наиболее эффективных средств для реализации целей коммуникации. Среди стратегий обработки декларативного знания выделены модификация категориального значения глагола, метонимическая, метафорическая и метафтонимическая модели, а также процедура активизации разных знаковых систем, определяемая в работе как процедура полимодальности. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в углублении теории синтаксической репрезентации. Полученные результаты могут быть использованы при анализе смысловой объемности структуры предложения на материале других языков. Перспектива исследования состоит в возможности анализа когнитивной деятельности человека с учетом роли разных типов знания в процессах конструирования смысла.

Ключевые слова: смысловая объемность, декларативное знание, процедурное знание, когнитивная доминанта, когнитивный мониторинг, когнитивный контроль, когнитивные модели.

The sentence structure capacity for meaning

L. A. Furs✉¹

¹ Derzhavin Tambov State University, 33 Internatsionalnaya Str., Tambov 392000, Russia.

Author

Liudmila A. Furs,
SPIN: 1278-7454,
e-mail: liudmila.furs@gmail.com

For citation:

Furs, L. A.
(2021) The sentence structure capacity for meaning. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 160–166.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-160-166>

Received 15 February 2021;
reviewed 7 March 2021;
accepted 8 March 2021.

Copyright: © L. A. Furs (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
License 4.0.

Abstract. The article considers a meaning volume of the sentence structure, which is defined as an increase in the semantic load with additional meanings under the principle of language economy. A speaker plays a relevant role in this process selecting the characteristics of a real situation, their interpretation and further linguistic representation. The research is done within a cognitive approach to language study, according to which we need to reveal the interplay of cognitive and linguistic structures that underlies linguistic construing. This approach leads to revealing specifics of meaning volume of the sentence structure. It also lets various knowledge types be described as they suggest an increase in the semantic load of the sentence structure. The methodology of this research is based on cognitive modelling. A sentence as a complex linguistic unit is meant for declarative and procedural knowledge representation. Procedural knowledge includes such aspects, as a cognitive dominant, a cognitive monitoring and a cognitive control. A cognitive dominant correlates with speaker's intentions and covers the most relevant objective characteristics at the present moment, which correlate with communicative goals. A cognitive monitoring is presented by various strategies of declarative knowledge processing. A cognitive control is a focus of speaker's attention, aimed at choosing the most effective means for achieving communication goals. Among the strategies for declarative knowledge processing, a modification of the categorial meaning of the verb, metonymic, metaphoric and metaphonymic models are highlighted. In addition to them we also propose a procedure for activating different sign systems, defined in the research as a multimodality procedure. The theoretical significance of this study lies in deepening the theory of syntactic representation. The results obtained can be used to analyze the semantic dimension of the sentence structure on the material of other languages. The prospect of the research consists in the possibility of analyzing human cognitive activity, taking into account the role of different types of knowledge in meaning processing.

Keywords: meaning volume, declarative knowledge, procedural knowledge, cognitive dominant, cognitive monitoring, cognitive control, cognitive models.

Введение

Большой вклад в развитие синтаксической теории языка внесла Н. А. Кобрин, отмечавшая, что «онтологическая сущность языка заключается в неразрывном единстве всех уровней в структуре предложения-высказывания. Интегрирование всех уровней в одно целое предполагает такой механизм их взаимодействия, при котором каждый уровень познается только в системе этого целого, иными словами, осмысливается только через посредство других уровней. Отмеченное уровневое единство имеет статус системообразующего фактора» (Кобрин 2001, 6). Фактически, структура предложения характеризуется многоаспектностью, обусловленной функциональным предназначением предложения — максимально эффективным способом отразить денотативную ситуацию и реализовать

коммуникативные намерения говорящего. В этой связи выделяются такие уровни предложения, как онтологический, семантический, синтаксический и интенциональный. Онтологический уровень представлен логико-денотативными аспектами, спроецированными на денотативную ситуацию. Семантический уровень маркирован лексико-семантическими характеристиками слов — компонентов структуры предложения. Синтаксический уровень представлен лексико-синтаксическими характеристиками данных слов в проекции на функции членов предложения. Интенциональный уровень связан с когнитивной выделенностью или невыделенностью определенных элементов события с точки зрения интенций говорящего (о многомерном и многоаспектном характере структуры предложения см.: Фурс 2004). Все эти аспекты формируют смысловую основу

предложения, которая имеет сложную природу и не отличается однородностью.

Сложность и неоднородность структуры предложения вызвана рядом причин и связана с тем, что она репрезентирует разные типы знания. Важной в этом процессе является роль говорящего по отбору элементов реальной действительности и их интерпретации в высказывании. Интенциональный мир говорящего связан с условиями и задачами коммуникации, которые детерминируются различными объективными и субъективными обстоятельствами. В процессе кодирования денотативного содержания языковыми средствами определяющую роль, как считает А. В. Бондарко, играют два фактора: «фактор единого системного подхода», являющийся основным и заключающийся в едином способе представления денотативной ситуации, и «фактор неравномерной нагруженности» (Бондарко 1983, 31). Говоря о выработанном системном подходе к конструированию предложения, отметим корреляцию структуры суждения с онтологической структурой ситуации и структурой предложения в следующем виде:

- онтологическая структура — сущность и признак;
- структура суждения — субъект и предикат;
- языковая структура — подлежащее и сказуемое.

Однако выделение интенционального уровня в структуре предложения предполагает возможность интерпретации денотативной ситуации в зависимости от целей и условий коммуникации, когда отдельные элементы этой ситуации получают выделенность в ходе речемыслительного процесса, а другие дефокусируются и не репрезентируются структурой предложения. Результатом учета интенций говорящего становится увеличение смысловой объемности структуры предложения. Как указывает Н. Д. Арутюнова, «чудо предложения как раз в том и состоит, что в нем достигнут некоторый синтез категорий мышления и элементов объективной реальности, установлена связь между миром и человеком» (Арутюнова 2007, 18). О роли мышления человека в процессах конструирования смысла предложения высказывался и С. Д. Кацнельсон, отмечая существование «потенциала речи, инвентаря средств выражения мысли, набора строевых единиц и динамических операционных схем, служащих целям преобразования этих единиц в определенным образом организованный поток

речи» (Кацнельсон 2001, 194). Эта точка зрения свидетельствует, с одной стороны, о неоднородности смысловой нагрузки структуры предложения, а с другой, подчеркивает не менее важное положение о репрезентации структурой предложения разных типов знания.

В целом данные положения подтверждают высказанную ранее мысль о том, что для структуры предложения характерна многоаспектность, а учет интенциональных показателей в процессах конструирования смысла предложения неизбежно приводит к смысловой объемности его структуры, которая может варьироваться в зависимости от того, какие типы знания она репрезентирует.

Цель исследования

В качестве цели исследования определено изучение типов знания, репрезентируемых структурой предложения на материале английского языка, что позволяет раскрыть особенности ее смысловой объемности. Исследование выполнено в русле когнитивного подхода к изучению языка, предполагающего рассмотрение языковых фактов с точки зрения взаимодействия когнитивных и языковых структур знания. Такой подход позволяет выявить условия смысловой объемности структуры предложения и охарактеризовать типы знания, репрезентация которых свидетельствует о большей смысловой нагрузке структуры предложения. В качестве основного метода исследования избирается метод когнитивного моделирования.

Характеристика смысловой объемности структуры предложения

Под смысловой объемностью структуры предложения понимается увеличение смысловой нагрузки за счет приращения дополнительных смыслов в условиях принципа языковой экономии. Важное значение в этой связи имеет разграничение декларативного и процедурного типов знания, так как изучение структуры предложения с этих позиций позволяет раскрыть особенности ее смысловой объемности. Разграничение этих типов знания связано с введением в лингвистический оборот наряду с понятием когнитивного уровня также и метакогнитивного уровня в процессах познавательной деятельности человека. В частности, в преломлении к когнитивной и коммуникативной функциям языка было предложено выделять три типа метакогнитивного знания: (1) декларативное знание (фактическая информация, то,

что мы знаем и что необходимо передать посредством языка); (2) процедурное знание (знание операций как передать фактическую информацию) и (3) знание условий (когда использовать ту или иную операцию для более эффективной реализации целей коммуникации) (см. подробнее: Peirce 2003).

В соответствии с данными положениями структура предложения репрезентирует как декларативное знание (знание «что», представленное концептами и их характеристиками), так и процедурное знание (знание «как», представленное процедурами обработки уже имеющихся структур знания в соответствии с целями коммуникации и связанными с ними интенциями говорящего).

Процедурное знание не является однородным. Оно представлено когнитивной доминантой, когнитивным мониторингом и когнитивным контролем. В случае с когнитивной доминантой в процессах конструирования смысла предложения в фокусе находятся интенции говорящего как факт намеренного акцентирования определенных элементов денотативной ситуации. При этом интенции говорящего всегда соотносятся с его коммуникативными целями. Когнитивный мониторинг как аспект процедурного знания соотносится с различными стратегиями обработки уже существующего полученного опытным путем знания, которое хранится в памяти человека. Когнитивный контроль соотносится с фокусом внимания говорящего и сориентирован на то, как более эффективно реализовать цели коммуникации. Когнитивная доминанта, когнитивный мониторинг и когнитивный контроль как аспекты процедурного знания взаимодействуют друг с другом в процессах конструирования смысла предложения и получают репрезентацию в структуре предложения наряду с декларативным знанием (о репрезентации разных типов знания структурой предложения см.: Фурс 2020). Основным отличием является то, что декларативное знание дескриптивно и легко эксплицируется, а процедурное знание не представлено дескриптивно, оно требует интерпретации. В ходе фактологического анализа были установлены разные способы увеличения смысловой объемности структуры предложения.

Смысловая объемность на основе модификация категориального значения глагола

(e.g.) *She smiled her thanks* (CCEDAL 2001, 1470).

Когнитивной доминантой говорящего является не только репрезентация речевого действия, но и акцентирование манеры его исполнения. Фокус внимания направлен на то, чтобы минимально экономно передать этот смысл, к тому же увеличить экспрессивность структуры предложения. В связи с этой коммуникативной целью избирается процедура модификации системно закрепленного значения непереходности у глагола. Как указывал М. А. К. Халлидей, «переходность — это набор выборов, соотносимых с когнитивным содержанием, с лингвистической репрезентацией экстралингвистической действительности как внешнего мира, так и внутреннего мира человека» (Halliday 1967, 199). Иными словами, выбор категориального значения переходности/непереходности связан с целями коммуникации и интенциями говорящего. В данном случае за счет включения в структуру предложения позиции дополнения к изначально непереходному глаголу это значение модифицируется. Процедура изменения глагола на переходный приводит к увеличению смысловой объемности структуры этого предложения, а также усилению его экспрессивности, в то время как на поверхностном уровне имеет место экономия средств.

(e.g.) *Sue cried a Japanese napkin to a pulp* (Henry 1995, 179).

В данном случае когнитивно доминирующим является значение каузативности. Однако для репрезентации этого значения избирается акциональный глагол. Фокус внимания говорящего направлен на то, чтобы минимальными средствами передать объемный смысл. Для реализации этой цели избирается процедура модификации категориального значения глагола. Под влиянием включения в позицию дополнения нетипичного для данного глагола объекта *napkin* у глагола появляется значение каузативности, о чем свидетельствует изменение качества объекта (*to a pulp*). Осмысление инструмента каузации осуществляется за счет процедуры метонимического переноса «человек — его слезы» (*to cry — to shed tears often noisily* (Merriam-Webster Dictionary)). За счет этой процедуры конструируется не только каузативный смысл, но также подчеркивается и продолжительность этого действия, так как именно в результате продолжительного воздействия на объект удается достичь такого изменения качества объекта.

Смысловая объемность на основе метафорической модели

(e.g.) *This job is the cancer of my dreams and aspirations* (Metaphors)

Когнитивно доминирующей в этом случае является оценочная характеристика объекта. Фокус внимания говорящего направлен на то, чтобы минимальными средствами максимально образно передать такую характеристику. С этой целью избирается процедура метафорического переноса. Знание о серьезной, неизлечимой болезни проецируется на оцениваемый объект. Эта болезнь приводит к печальным результатам; аналогично создается ассоциация о том, что и эта работа как объект оценки приводит к крушению всех надежд человека. Смысловая объемность структуры предложения увеличивается за счет создания образности при описании характеристики объекта, при этом соблюдается принцип языковой экономии.

Смысловая объемность на основе метонимической модели

(e.g.) *One thing we need is cleverer heads* (Ludwig Guru Corpus)

Когнитивной доминантой говорящего является оценочная характеристика интеллектуальных способностей человека. Фокус внимания направлен на то, как с учетом принципа языковой экономии очень точно передать эту оценку. С этой целью избирается процедура метонимического переноса, заключающаяся в конструировании отношений «человек — часть тела». Часть *head* в этих отношениях представлена органом, отвечающим за мыслительную деятельность, и является той частью тела человека, которая ассоциируется с интеллектуальными способностями (*head* — the mind and mental abilities (Cambridge Dictionary)). На основе метонимической модели создается ассоциация «нам нужны умные, думающие люди с высоким интеллектуальным потенциалом», при этом степень проявления данных качеств репрезентируется грамматическими показателями — сравнительной степенью прилагательного. За счет этого процедурного знания увеличивается смысловая объемность структуры предложения.

Смысловая объемность на основе метафтонимической модели

В ряде случаев имеет место взаимодействие метонимической и метафорической моделей,

что приводит к созданию большей смысловой объемности структуры предложения. Такие сложные комплексы получили название метафтонимических моделей (о метафтонимии подробнее см. Goossens 1990).

(e.g.) *Her angry words were bullets to him* (Search-quotes)

В этом случае когнитивной доминантой говорящего является оценочная характеристика воздействия, оказываемого продуктом речевого действия. Сам речевой продукт характеризуется на основе аналогии по смежности «речевое действие как проявление эмоционального состояния человека» посредством прилагательного *angry*. В фокусе внимания находится поиск образных средств для репрезентации оценки оказываемого воздействия на второго участника репрезентируемой ситуации. С этой целью задействована процедура метафорического переноса, когда знание о поражающей силе снаряда стрелкового оружия проецируется на воздействующую силу произнесенных слов (*bullet* — a small, metal object that is fired from a gun (Cambridge Dictionary)). Создаваемая за счет метафтонимической модели образность увеличивает смысловую объемность структуры предложения, языковые же затраты минимальны.

(e.g.) *You'll be in good hands with her* (Cambridge Dictionary)

В этом случае когнитивно доминирующей является оценка проявления заботы и оказания услуг (*be in good hands* — managed or cared for with great attention (Cambridge Dictionary)). Внимание говорящего сфокусировано на выборе образных средств репрезентации этого смысла. Эта цель воплощается посредством метафтонимической модели, в которой метонимические отношения «человек — руки как инструмент действий человека» дополняются метафорическим переносом «быть в хороших руках — быть окруженным заботой и вниманием». Эта процедура увеличивает смысловую объемность структуры предложения в условиях экономии языковых средств.

(e.g.) *Her mouth was a fountain of delight* (Brainly)

Когнитивно доминирующей является оценка речевого действия человека. При этом фокус внимания направлен на то, как в условиях языковой экономии охарактеризовать речевые действия человека максимально экспрессивно

и образно. С этой целью также активизируется метафтонимическая модель, в которой метонимический перенос конструируется на основе аналогии по смежности «человек — орган речевого действия — продукт речевого действия». Наряду с метонимической моделью осуществляется и метафорический перенос. Область-источник представлена знанием о том, как вода выходит на поверхность фонтаном. Характерными признаками этого процесса являются ритмичность и сила воды. Это знание проецируется на эмоциональное состояние восторга, степень проявления которого ассоциируется с силой и ритмом фонтанирующей воды. В результате взаимодействия метонимической и метафорической моделей создается ассоциация «ее слова были как фонтан восторга». В результате максимально увеличивается смысловая объемность структуры предложения, одновременно соблюдается принцип языковой экономии.

Смысловая объемность на основе полимодальности

В Интернет-коммуникации часто используется процедура активизации разных структур знания, представленных нелинейно, посредством разных знаковых систем (см. подробнее: Фурс 2019). В частности, это может быть визуальный образ и вербальный знак или же вербальный знак и цветовая ассоциация. Например, в тексте *Dealing with Others* (wikiHow) в фокусе внимания находится привлечение внимания читателей к тем или иным приемам, рекомендуемым автором для улучшения навыков взаимодействия с другими. С этой целью предложение *Surround yourself with positive people* выделяется зеленым цветом. Зеленый цвет ассоциируется в природе с растительным миром, объекты которого развиваются, растут, дают новые побеги. Ассоциация, возникаемая в этой связи, взаимодействует с вербальной информацией, в результате чего конструируется оценочное

знание «окружая себя позитивно настроенными людьми, вы способны развиваться и совершенствовать свои отношения с окружающими». Такая процедура позволяет увеличить смысловую объемность структуры предложения при соблюдении принципа языковой экономии.

Заключение

Увеличение смысловой нагрузки структуры предложения как процедура приращения дополнительных смыслов в условиях соблюдения принципа языковой экономии является важной коммуникативной задачей, так как позволяет свести воедино онтологию мира, онтологию языка и онтологию человека. Предложение как сложная в структурном плане единица языка предназначена для репрезентации как декларативного знания, так и процедурного знания. Процедурное знание как тип метакогнитивного знания представлено когнитивной доминантой, когнитивным мониторингом и когнитивным контролем. Когнитивная доминанта соотносится с интенциями говорящего и включает наиболее значимые на данный момент характеристики репрезентируемой ситуации, которые им намеренно акцентируются при конструировании смысла предложения. Подчеркнем, что интенции говорящего всегда соотносятся с его коммуникативными целями. Когнитивный мониторинг соотносится с различными стратегиями обработки уже полученного опытным путем знания, которое хранится в памяти человека. Когнитивный контроль соотносится с фокусом внимания говорящего, которое направлено на выбор более эффективных средств в процессе реализации целей коммуникации. В качестве стратегий обработки декларативного знания выделены модификация категориального значения глагола, метонимическая, метафорическая и метафтонимическая модели, а также процедура активизации разных знаковых систем.

Сокращения

CCEDAL — Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (2007) *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. 5-е изд. М.: URSS, 383 с.
 Бондарко, А. В. (1983) Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики). *Вопросы языкознания*, № 2, с. 20–32.
 Кацнельсон, С. Д. (2001) *Категории языка и мышление: Из научного наследия*. М.: Языки славянской культуры, 864 с.

- Кобрина, Н. А. (2001) Функциональная модель языка. В кн.: *Язык как функциональная система: сборник статей к юбилею профессора Новеллы Александровны Кобриной*. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, с. 5–21.
- Фурс, Л. А. (2004) Форматы представления знаний в синтаксисе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 1, с. 166–181.
- Фурс, Л. А. (2019) Метаинтерпретация полимодального текста. *Когнитивные исследования языка*, № 36, с. 185–191.
- Фурс, Л. А. (2020) New tendencies in syntactic representation. *Когнитивные исследования языка*, № 3 (42), с. 85–90.
- Goossens, L. (1990) Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions of linguistic action. *Cognitive Linguistics*, vol. 1, no. 3, pp. 323–340. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323>
- Halliday, M. A. K. (1967) Notes on transitivity and theme in English. Part 1. *Journal of Linguistics*, vol. 3, no. 1, pp. 37–81. <https://www.doi.org/10.1017/S0022226700012949>
- Peirce, W. (2003) *Metacognition: Study strategies, monitoring, and motivation*. [Online]. Available at: <http://academic.pgccc.edu/~wpeirce/MCCCTR/metacognition.htm> (accessed 05.12.2020).

Sources

- Brainly. [Online]. Available at: <https://brainly.ph/question/11327523> (accessed 05.12.2020). (In English)
- Henry, O. (1995) The last leaf. In: *100 selected stories*. Ware: Wordsworth Editions Publ., pp. 178–183.
- Ludwig Guru Corpus. [Online]. Available at: <https://www.ludwig.guru> (accessed 05.12.2020). (In English)
- WikiHow. [Online]. Available at: <https://www.wikihow.com> (accessed 05.12.2020). (In English)
- Exercise on Unit Four: metaphors. *Metaphors*. [Online]. Available at: <https://gimmenotes.co.za/wp-content/uploads/2018/08/ENG2602-Exercise-on-Unit-Four.pdf> (accessed 05.12.2020). (In English).
- Her angry words were bullets to him. Quotes & sayings. *Searchquotes*. [Online]. Available at: [https://www.searchquotes.com/search/Her Angry Words Were Bullets To Him/](https://www.searchquotes.com/search/Her%20Angry%20Words%20Were%20Bullets%20To%20Him/) (accessed 05.12.2020). (In English).

Dictionaries

- Collins Cobuild English dictionary for advanced learners. (2001) 3rd ed. Glasgow: HarperCollins Publ., 1768 p.
- Cambridge dictionary. [Online]. Available at: <https://www.dictionary.cambridge.org> (accessed 05.12.2020).
- Merriam-Webster dictionary. [Online]. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 05.12.2020).

References

- Arutyunova, N. D. (2007) *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [Sentence and its meaning. Logical and semantic issues]*. 5th ed. Moscow: URSS Publ., 383 p. (In Russian)
- Bondarko, A. V. (1983) Kategorial'nye situatsii (K teorii funktsional'noj grammatiki) [Categorical situations (On the theory of functional grammar)]. *Voprosy yazykoznaniya — Topics in the Study of Language*, no. 2, pp. 20–32. (In Russian)
- Fours, L. A. (2004) Formaty predstavleniya znaniy v sintaksise [Formats of representing knowledge in syntax]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki — Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 166–181. (In Russian)
- Furs, L. A. (2019) Metainterpretatsiya polimodal'nogo teksta [Metainterpretation of multimodal text]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka — Cognitive Studies of Language*, no. 36, pp. 185–191. (In Russian)
- Furs, L. A. (2020) New tendencies in syntactic representation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka — Cognitive Studies of Language*, no. 3 (42), pp. 85–90. (In Russian)
- Goossens, L. (1990) Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions of linguistic action. *Cognitive Linguistics*, vol. 1, no. 3, pp. 323–340. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323> (In English)
- Halliday, M. A. K. (1967) Notes on transitivity and theme in English. Part 1. *Journal of Linguistics*, vol. 3, no. 1, pp. 37–81. <https://www.doi.org/10.1017/S0022226700012949> (In English)
- Katsnel'son, S. D. (2001) *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya [Categories of language and mind: From scientific heritage]*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 864 p. (In Russian)
- Kobrina, N. A. (2001) Funktsional'naya model' yazyka [Functional model of language]. In: *Yazyk kak funktsional'naya sistema: sbornik statej k yubileyu professora Novelly Aleksandrovny Kobrinoj [Language as a functional system: Collection of works for the anniversary of Professor Novella Aleksandrovna Kobrina]*. Tambov: Derzhavin Tambov State University Publ., pp. 5–21. (In Russian)
- Peirce, W. (2003) *Metacognition: Study strategies, monitoring, and motivation*. [Online]. Available at: <http://academic.pgccc.edu/~wpeirce/MCCCTR/metacognition.htm> (accessed 05.12.2020). (In English)

УДК 81-13

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173>

Аспекты соотношения дихотомии «язык» и «речь», «ценность» и «оценка»

И. В. Чекулай^{✉1}, О. Н. Прохорова¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Сведения об авторах

Игорь Владимирович Чекулай,
AuthorID: 164351,
ORCID: 0000-0001-8599-1699,
e-mail: chekulai@bsu.edu.ru

Ольга Николаевна Прохорова,
SPIN-код: 4422-9780,
ORCID: 0000-0001-9441-819X,
e-mail: prokhorova@bsu.edu.ru,
olgitsa2010@yandex.ru

Для цитирования:

Чекулай, И. В., Прохорова, О. Н.
(2021) Аспекты соотношения
дихотомии «язык» и «речь»,
«ценность» и «оценка».

*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 167–173.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173>

Получена 17 марта 2021; прошла
рецензирование 22 июня 2021;
принята 1 июля 2021.

Права: © И. В. Чекулай,
О. Н. Прохорова (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Данная статья освещает вопрос соотношения двух дихотомий — «язык» и «речь», «ценность» и «оценка». Проводится некоторая параллель между двумя дихотомиями «язык» и «речь», и «ценность» и «оценка» как данностей, явлений, принадлежащих статике и динамике, языку и речевой деятельности. Изучению ценности и оценки на протяжении многих лет посвящено много работ как зарубежных, так и отечественных исследователей. Западные ученые фокусировали внимание на изучении философских проблем, связанных с ценностями, а речевому выражению оценки отводилась лишь служебная роль. В отечественной науке объект ценности в лингвистике и философии получил четкое разделение. Достаточно недавно феномен оценки исследовался без взаимодействия с понятием ценности. Традиционно в лингвистике при изучении оценки выделялись и описывались оценочные речевые характеристики лиц, существ, предметов и явлений в связи со структурно-семантическими характеристиками лексем или иных значимых единиц языка, а с другой стороны, в связи с использованием определенным способом структурированных синтаксических конструкций.

Авторы данной статьи исходят из тезиса, что оценка всегда соотносится с системой ценностей, определенной оценочной матрицей, служащей шаблоном, шкалой ценностей типичной для того или иного языкового сообщества. Несомненно, имеется ряд ценностей, которые всегда имели и имеют универсальный характер.

Авторы подчеркивают, что для осмысления различий дихотомии «язык — речь» изучение дихотомии «ценность» и «оценка» может сыграть существенную роль.

В работе высказана мысль о том, что во всей теории языковой оценки изучение соотношения механизмов порождения речи с механизмами оценочного отношения как совокупности механизмов перевода ценностного отношения в оценку, выраженную конкретными речевыми средствами, является наиболее важным проблемным узлом.

Авторы приходят к выводу, что соотношение лингвистической дихотомии «язык — речь» с одной стороны и аксиологической дихотомии «ценность — оценка» с другой предстает как зеркальное отношение друг друга.

Ключевые слова: язык, речевая деятельность, речь, ценность, оценка, оценочное отношение.

Aspects of correlation of dichotomy “language” and “speech”, “value” and “evaluation”

I. V. Chekulai^{✉1}, O. N. Prokhorova¹

¹ Belgorod National Research University, 85 Pobeda Str., Belgorod 308015, Russia

Authors

Igor V. Chekulai,
AuthorID: 164351,
ORCID: 0000-0001-8599-1699,
e-mail: chekulai@bsu.edu.ru

Olga N. Prokhorova,
SPIN-код: 4422-9780,
ORCID: 0000-0001-9441-819X,
e-mail: prokhorova@bsu.edu.ru,
olgitsa2010@yandex.ru

For citation:

Chekulai, I. V., Prokhorova, O. N.
(2021) Aspects of correlation
of dichotomy “language” and
“speech”, “value” and “evaluation”.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 3, no. 2,
pp. 167–173.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173>

Received 17 March 2021;

reviewed 22 June 2021;

accepted 1 July 2021.

Copyright: © I. V. Chekulai,
O. N. Prokhorova (2021). Published
by Herzen State Pedagogical
University of Russia. Open access
under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. This article deals with the problem of the correlation of two dichotomies “language” and “speech”, “value” and “evaluation”. The authors compare two dichotomies “language” and “speech”, “value” and “evaluation” as phenomena belonging to static and dynamic processes, language, and language activity.

A lot of works such as articles and books of foreign and Russian authors are devoted to the study of the above-mentioned phenomena. Western scholars focused their attention on the philosophically based problem of value, but they paid less attention to the speech expression of evaluation, the latter plays only the formal role.

Our Russian linguists separated the object of research of evaluation in linguistics and philosophy. Not long ago relations of evaluation as a phenomenon were investigated not taking into consideration the concept of value. Traditionally only evaluative speech characteristics of a person, phenomena, things, and living beings were in the focus of attention in linguistics or they were studied in connection with definite models of forming different syntactical constructions. It is shown that evaluation is always correlated with the value scale typical of this or that language community, and some value orientations are nationally specific. But certainly, some values were always universals and they stay universal ones nowadays.

It is stated that the differentiation between “language” and “speech” can be received by describing the dichotomy “value” and “evaluation”.

Speaking about the theory of language evaluation the study of correlation of mechanisms of speech generation with mechanisms of evaluation as a sum of mechanisms of transferring evaluative attitude to evaluation expressed by speech patterns is the most important problem in this theory.

It is concluded that the correlation of language dichotomy “language” and “speech”, on the one hand, “value” and “evaluation”, on the other hand, is a mirror attitude to each other.

Keywords: language, speech activity, speech, value, evaluation, evaluative attitude.

Введение

Несомненно, дихотомия «язык — речь» относится к фундаментальным понятиям лингвистики. Как известно, практически с самого момента появления этой дихотомии в лингвистической науке существует неоднозначное понимание структурных связей этих двух взаимосвязанных явлений. Одни ученые вслед за автором этой дихотомии, Ф. де Соссюром, полагают, что эти понятия вместе образуют общую систему языка (langage = langue + parole, т. е. общая система языка является суммой языка как способности и речи как реализации этой способности). Другие ученые (в основном, представители отечественной лингвистики и лингвистической психологии, такие как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Л. В. Щерба и многие другие) полагают, что язык как

абстрактная, общественная, идеальная система соотносится с речью как конкретной, индивидуальной, материальной реализацией знаний и представлений о языке через сложную совокупность механизмов порождения речи. В связи с этой проблемой введенная Ф. де Соссюром сложность разграничения понятий «язык 1» и «язык 2» (соответственно «langage» и «langue») усилилась необходимостью разграничения терминов «речь 1» и «речь 2» (соответственно, «parole» и «discours») в связи с завоеванием термином «дискурс» прочных позиций на звездном небе лингвистической терминологии.

В настоящее время данные точки зрения мирно сосуществуют, и в этом плане каких-либо существенных дискуссионных проблем не возникает. В то же время необходимость дальнейшего разграничения понятий «язык» и «речь» через исследование явлений, которые тесно

вплетаются в канву указанной базовой дихотомии, является очевидной.

Одним из таких явлений, способных внести существенные данные в дифференциацию указанных понятий, представляется феномен языковой оценки, или, если быть более точными, дихотомия понятий «ценность» и «оценка».

Основная часть

Как известно, проблема языковой оценки является одним из имеющих наиболее давнюю историю разработки проблемных узлов, рассматриваемых как в рамках отечественной, так и зарубежной науки, с той лишь разницей, что если лингвистическая сторона проблемы в западной науке всегда была сопряжена с философскими проблемами, и речевому выражению оценки приписывалась лишь служебная роль, то в рамках отечественной науки объект оценки в лингвистике и в философии получил достаточно четкое размежевание: в лингвистике до недавнего времени феномен оценки исследовался без взаимодействия с понятием ценности. Традиционная точка зрения лингвистов на феномен оценки предполагала выведение оценочных речевых характеристик лица, существа, предмета или явления, с одной стороны, в связи со структурно-семантическими характеристиками лексем или иных значимых единиц языка, а с другой стороны, в связи с использованием определенным способом структурированных синтаксических конструкций.

Проведение междисциплинарных исследований, к которым, несомненно, относится и когнитивный поход к изучению значений языковых единиц, дал возможность привлечь к изучению феномена оценки в языке важнейшего философского понятия, без которого оценка с научно-философской точки зрения немислима как явление онтологическое, а именно: ценность.

К настоящему моменту понятие ценности все больше утверждается в качестве фундаментально-лингвистической категории, поскольку понимание ценности и оценки как неразрывного онтологически единства утверждается в работах многих ученых. Здесь, в первую очередь, имеется в виду разработка роли ценностного компонента в оформлении языковых и речевых структур в рамках деятельности Волгоградской школы когнитивных исследований под научным руководством В. И. Карасика, положения о принципах семиотрии ценностного смысла, развиваемого в ряде коллективных монографий, изданных под редакцией Е. Ф. Серебренниковой,

а также частные точки зрения таких исследователей, как Л. К. Байрамова, И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова и др.

В своем понимании корреляции данных понятий названные исследователи исходят из позиций философской аксиологии, в рамках которой оценка рассматривается как «представление, понятие, суждение о ценности» (Анисимов 2001, 67), «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» (Ивин 2012, 203). Исходя из этих дефиниций, можно сделать вывод, что оценка неразрывно связана с категорией ценности, поскольку она является выражением ценности, внешней стороной ее проявления. Проводя параллель между языком и речью, отметим тот факт, что речь также является выражением языка как совокупности знаков и правил семиотической природы, которая является общей для определенного языкового социума; «своего рода реакция на выраженное словом явление или вещь в широком диапазоне отношений: вызывает ли вещь радость или страдание, полезна или вредна, хороша или плоха сама по себе, а также соответствует или не соответствует принципам морали» (Балли 1955, 208).

Как известно, наиболее существенный вклад в теорию лингвистической оценки был сделан такими видными отечественными учеными второй половины XX века, как Н. Д. Арутюнова и Е. М. Вольф.

Н. Д. Арутюнова отмечает прямую связь оценки с таким понятием логики, как предикат. При этом она подчеркивает, что разделяются два класса предикатов, получающих отражение в форме оценки, выраженной речевыми единицами. «К одному [классу] относятся понятия, связанные с обязанностями (долг, долженствование, правильность поступка), к другому — понятия ценности (достоинство, хорошее, плохое, достойное, недостойное и т. п.)». Проблема системного описания этих категорий сводится к установлению связей между этими классами понятий и выявлению возможности определения одних в понятиях других» (Арутюнова 1999, 130).

Говоря об оценке, следует отметить, что она всегда соотносится с системой ценностей, определенной оценочной матрицей, служащей шаблоном, шкалой ценностей того или иного языкового сообщества. Иногда он в полном объеме носит универсальный характер, являясь надэтносным, общечеловеческим. Однако имеются ценностные ориентиры, которые носят национально-специфические черты, типичные

для конкретного языкового сообщества. Более того, шкала ценностей характеризуется подвижной гибкой временной составляющей. В пользу этого свидетельствует следующее высказывание: «Оценка — это компонент прагматического значения слова, выражающий отношение субъекта к объекту внеязыковой действительности посредством соотнесения отдельных его признаков с системой ценностей, принятых в данном языковом коллективе» (Федуленкова, Адамия, Чабашвили 2011, 6).

В данном определении содержится важное указание на соотнесенность неких онтологических характеристик объекта оценки с системой ценностей, принятой в данном языковом социуме. Важным оно представляется потому, что объект и ценность, возникающая в связи с объектом, — это не одно и то же явление, но в то же время они связаны неразрывной связью. Ценность является своего рода отражением объекта, и тем самым они представляют внеязыковую действительность, которая в треугольнике Ч. Огдена и А. А. Ричардса представляет собой связку референта как объекта действительности или сознания и референса, т. е. концепта или понятия, противопоставленного языковому знаку в пределах данного схематически изображенного отношения. Тем самым ценность как таковая выходит за пределы языка, являясь внеязыковой сущностью.

Означает ли это, что ценностное и языковое содержание в связи с данным референтом или понятием следует разделить друг от друга? Неправомомерность такого действия подтверждает не только элементарная логика, но и тот факт, что любое языковое явление имеет ценностное содержание в силу того, что коль скоро в языке имеются сведения о предмете или понятии, то эти предмет или понятие имеют ценностное содержание уже потому, что они получили языковое отражение. Вот как об этом говорит известный французский лингвист Ж. Вандриес: «Говоря *Петр бьет Павла*, я как будто выражаю только отношение между двумя лицами, соединенными отношением битья... Но на деле никогда подобная фраза не является только логическим выражением отношения; я всегда вношу в нее аффективные оттенки. Мне никогда не безразличен тот факт, что Петр бьет Павла; если бы этот факт был мне безразличен, я не говорил бы о нем вовсе» (Вандриес 2001, 135–136).

Таким образом, ценностью обладает внеязыковая данность, которая так или иначе находит отражение в системе языка. На наш взгляд, такое отражение как системное понимание ценности с последующим означиванием дает

основания говорить о том, что система отражения ценностей соотносится с системой языка так же, как и референт в совокупности с понятием о нем соотносится с ценностью как таковой. Тем самым в языке как общей, идеальной, абстрагированной системе ценность не существует, но отражается. Такое системное отражение ценностей в языковой системе мы называем ценностным отношением. При этом важным является то, что в каждой отдельно взятой семиотической системе одна и та же ценность имеет свое специфическое отображение, и, следовательно, ценностное отношение в различных семиотических системах, например в языке, живописи и музыке, будет различным, специфическим в рамках его определения самой семиотической системой.

Отношение между языком как системой и речью как реализацией этой системы также не является непосредственным. Как известно, для перевода языковых системных знаний в актуальное речевое состояние необходима система механизмов, основанных на структурах и правилах языка как системы, называемых речевой деятельностью. Аналогично, для перевода ценностного отношения в оценку также необходима система промежуточных механизмов. Каждый из таких механизмов и в то же время всю такую систему мы называем оценочным отношением.

Пожалуй, во всей теории языковой оценки изучение соотношения механизмов порождения речи с механизмами оценочного отношения как совокупности механизмов перевода ценностного отношения в оценку, выраженную конкретными речевыми средствами, является наиболее важным проблемным узлом. Как представляется, основным недостатком традиционного подхода к изучению оценки в языке была сконцентрированность исследователей на системно-семантических характеристиках отдельных исследуемых единиц — в первую очередь лексических — в ущерб выяснению специфики взаимодействия характеристик этих единиц со спецификой их синтаксического, сверхфразового и текстового структурирования. Несомненно, это усложняется тем, что при таком подходе приходится изучать все «измерения» языка как знаковой системы — т. е. его синтактику, семантику и прагматику — одновременно. Например, в таком явно оценочном высказывании русского языка, как *Оно мне надо?*, наряду с семантикой отрицательного отношения к действию, которое было предложено совершить произносящему, с синтагматической точки зрения данное высказывание в качестве ответа

является соединением дейктических лексических единиц, но тем не менее передает ценностное содержание в том плане, что данное ценностное содержание говорящего не интересует, т. е. прагматический фактор формирования высказывания неотделим от синтагматического и семантического. Именно такой анализ, по нашему мнению, является всесторонним лингвистическим анализом оценочной актуализации определенного смысла. В связи с последним механизмы порождения оценочного высказывания фактически сливаются с оценочным отношением как частным механизмом формирования оценочного по своему содержанию высказывания, фрагмента текста или текста как цельного речевого образования.

Наконец, полученная в результате динамики оценочного отношения оценка является в то же время речевым произведением, облеченным в форму слов, фразеологических единиц в составе высказываний, которые, в свою очередь, формируют сверхфразовые единства, из которых, в конечном счете, складываются тексты. Именно по этой причине отдельное оценочное высказывание может порой задавать смысловой вектор не только участка текста, но и всего текста.

Таким образом, соотношение лингвистической дихотомии «язык — речь», с одной стороны, и аксиологической дихотомии «ценность — оценка» предстает как зеркальное отношение друг друга, которое можно отразить в следующей схеме (см. схему).

Рассмотрим механизм порождения оценочного значения на следующих построениях, образованных прилагательными, входящими в состав предиката в английском языке.

Специфика номинирующей природы прилагательного предопределяет наличие у большинства оценочной семы. Не случайно некоторые ученые полагают, что любая категория оценочных слов ведет свое происхождение от прилагательного (Балли 1961, 271). По мнению Э. М. Медниковой, любое прилагательное является потенциально оценочным (Медникова 1954, 5).

Как известно, модальность, в объем значений которой входит и субъективная, и объективная

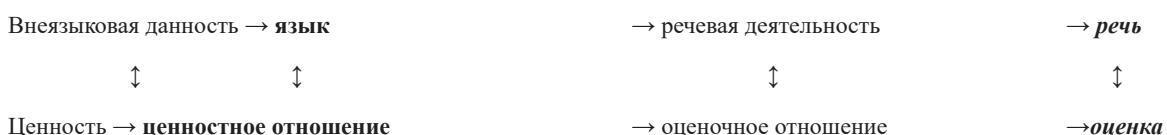
модальность, определяется часто широко. Субъективная модальность включает и оценочность как частный случай модальности.

Объективная модальность связана с онтологическим аспектом высказывания, а субъективная модальность — с прагматическим аспектом высказывания; для последней существенную роль играет субъект высказывания и контекст.

Оценка связана, как известно, с аксиологической модальностью, которая существенно отличается от других видов модальности — эпистемической (модальность знания), деонтической (модальность должествования), алетической (модальность объективной возможности). Для исследования языковых структур существенными являются оба вида модальности (*de re* и *de dicto*), причем при оценке на первом плане оказывается модальность *de re* (Вольф, Мартынова 1979, 33). Как отмечает А. А. Ивин, «аксиологические понятия образуют ценностные, а деонтические — нормативные суждения» (цит. по: Арутюнова 1999, 131).

Несомненно, необходимы дальнейшие системные исследования по разграничению различных видов модальности как свойства высокоорганизованного сознания и специфики его отражения в языковых и речевых структурах. Тем не менее, представляется неоспоримым следующее положение: ценность является инвариантной, неизменяемой, «бестелесной», инвариантной данностью, подобно тому, как такими данностями являются так называемые «эмические единицы» (фонема, морфема, лексема), в то время как оценка представлена реальным высказыванием, переменной, воплощенной в форме устного или письменного высказывания, сверхфразового единства, текста, реализацией инвариантной сущности которой является ценность.

В то же время имеется и еще один существенный нюанс в понимании соотношения ценности как данности языка и системного мышления, т. е. того, что Р. Лангакер называет *symbolic unit*, и оценки, как данности того, что в рамках данной грамматической теории называется *usage effect*. Последний термин представляется очень важным, поскольку термин *usage* предполагает наличие некоторой ситуации, которая

Схема

с субъективной точки зрения может менять полюс оценочного суждения на противоположный с позиций субъекта оценки. Возьмем простую ситуацию. Водитель автомобиля может поминать последними словами другого водителя, который выскочил перед ним в движении, т. е., пользуясь терминологией из водительского русскоязычного дискурса, «подрезал» его. И если он буквально через минуты совершает аналогичное действие по отношению к другому водителю, он пользуется теми же словами для характеристики этого водителя, который посмел не пропустить его.

В то же время следует отметить наличие в определенном языковом коде специфических структур, в которых достаточно четко проявляется оценочная сущность, доступная к различным видам оценочных высказываний в рамках общей алетической модальности. В таких структурах прилагательные выражают модус, а диктум имеет форму инфинитива. В структурах типа *He is anxious to do smth* используются прилагательные, обозначающие антропонимическую эмотивную реакцию, интенции и другие отношения самого субъекта к совершаемому действию. Модус выражает такие значения, как готовность, желание, намерение, способность, умение, нацеленность, склонность и др., то есть значения, типичные для субъективной оценки.

В структурах типа *He is certain to come* используются прилагательные, выражающие аксиологическую модальность, которая относится ко всей пропозиции, т. е. является модальностью более абстрагированной по своему содержанию. Прилагательные, входящие в структуру данного типа, передают значения: не/возможность, не/вероятность, не/уверенность, т. е. значения, оценивающие действия с точки зрения его реальности/гипотетичности.

Структуры типа *He is difficult to deal with* и *He is clever enough to do it* образованы качественными прилагательными, которые квалифицируют и тем самым оценивают субъект или объект структуры с различных точек зрения. В структуре типа *He is difficult to deal with* действие, направленное на субъект, определяется как возможное/невозможное, приятное/неприятное, трудное/легкое, т. е. прилагательные передают различные оценочные значения.

В построении типа *He is clever enough to do it* прилагательное передает качественную оценку субъекта, как необходимую и достаточную для осуществления какого-либо действия, т. е. имплицитно определяет определенную модальность возможности.

Выводы

Несомненно, аргументация данных положений нуждается не только в выработке реальных моделей оценочных высказываний и сверхфразовых единств, о которых шла речь выше, но и в более обоснованной методологической базе, на основании которой можно было бы если не отождествить, то, по крайней мере, связать воедино основные, категориальные лингвистические и аксиологические феномены. Но изложенные выше положения представляются достаточно обоснованными с учетом тех аргументов, которые были употреблены для того, чтобы связать воедино оценку и речь как феномены, неразделимые в реальной коммуникации, и создающими речевую коммуникацию в том ее смысле, в котором мы понимаем ее не как простой информативный акт, но как акт отстаивания своего мнения, попытку заставить собеседника думать так же, как думаем мы. Нормальная человеческая речь, нормальное человеческое речевое общение немыслимы без оценки, а оценка, в свою очередь, хотя и может стимулироваться использованием других семиотических систем, выражается преимущественно речевыми средствами.

Благодарности

Завершая статью, хотелось бы выразить величайшую благодарность мудрому наставнику, учителю с большой буквы, яркому ученому, необыкновенному человеку и обаятельной, красивой женщине, доктору филологических наук, профессору, Новелле Александровне Кобриной, которая ввела нас в научную жизнь, помогла стать учеными, привила любовь к научной деятельности. Диапазон ее научных исследований был широк: семантика, синтаксис, пунктуация, понятийные категории, функциональные и когнитивные исследования и многие другие феномены языка и речи. Ее идеи воплотились и продолжают воплощаться в работах ее последователей и учеников.

Литература

- Анисимов, С. Ф. (2001) *Введение в аксиологию*. М.: Современные тетради, 128 с.
Арутюнова, Н. Д. (1999) *Язык и мир человека*. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 896 с.

- Балли, Ш. (1955) *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М.: Изд-во иностранной литературы, 416 с.
- Балли, Ш. (1961) *Французская стилистика*. М.: Изд-во иностранной литературы, 393 с.
- Вандриес, Ж. (2001) *Язык: лингвистическое введение в историю*. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 408 с.
- Вольф, Е. М., Мартынова, Л. Л. (1979) Эксплицитный модус в оценочных структурах. В кн.: *Лексическая и грамматическая семантика романских языков: Материалы IV Всесоюзной конференции по романскому языкознанию*. Калинин: КГУ, с. 31–40.
- Ивин, А. А. (2012) Оценки в процессах коммуникации. *Философия науки и техники*, т. 17, № 1, с. 203–213.
- Медникова, Э. М. (1954) *Оценочные прилагательные в современном английском языке. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 14 с.
- Федуленкова, Т. Н., Адамия, З. К., Чабашвили, М. (2014) *Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте*. М.: Академия языкознания, 218 с.

References

- Anisimov, S. F. (2001) *Vvedenie v aksiologiyu [Introduction into axiology]*. Moscow: Sovremennye tetrady Publ., 128 p. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of a human being]*. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 896 p. (In Russian)
- Bally, Ch. (1955) *Linguistique générale et linguistique française*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 416 p. (In Russian)
- Bally, Ch. (1961) *Traité de stylistique française*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 393 p. (In Russian)
- Fedulenkova, T. N., Adamiya, Z. K., Chabashvili, M. (2014) *Frazeologicheskoe prostranstvo natsional'nogo slovarya v sopostavitel'nom aspekte [The phraseological space of a national vocabulary in the comparative aspect]*. Moscow: Akademiya yazykoznaniya Publ., 218 p. (In Russian)
- Ivin, A. A. (2012) Otsenki v protsessakh kommunikatsii [Estimation in the process of communication]. *Filosofiya nauki i tekhniki — Philosophy of Science and Technology*, vol. 17, no. 1, pp. 203–213. (In Russian)
- Mednikova, E. M. (1954) *Otsenochnye prilagatel'nye v sovremennom anglijskom yazyke [The evaluative adjectives in modern English]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 14 p. (In Russian)
- Vendryes, J. (2001) *Le langage. Introduction linguistique à l'histoire*. 2nd ed., stereotype. Moscow: Editorial URSS Publ., 408 p. (In Russian)
- Vol'f, E. M., Martynova, L. L. (1979) Eksplitsitnyj modus v otsenochnykh strukturakh [The explicit modus in the evaluative structures]. In: *Leksicheskaya i grammaticheskaya semantika romanskikh yazykov: Materialy IV Vsesoyuznoj konferentsii po romanskomu yazykoznaniyu [Lexical and grammatical semantics of the Romanic languages: Proceedings of the IV All-Soviet Union conference in the Romanic languages]*. Kalinin: Kalinin State University Publ., pp. 31–40. (In Russian)

Check for updates

Перевод и переводоведение

UDC 81'25

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-174-187>

Speech translation vs. Interpreting

I. Horváth ¹

¹ Eötvös Loránd University, 1–3 Egyetem tér, Budapest H-1053, Hungary

Author

Ildikó Horváth,
e-mail: horvath.ildiko@btk.elte.hu

For citation:

Horváth, I.
(2021) Speech translation vs.
Interpreting. *Language Studies and
Modern Humanities*, vol. 3, no. 2,
pp. 174–187.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-174-187>

Received 18 May 2021;

reviewed 12 July 2021;

accepted 12 July 2021.

Copyright: © I. Horváth (2021).

Published by Herzen State

Pedagogical University of Russia.

Open access under [CC BY-NC](#)

License 4.0.

Abstract. Artificial intelligence (AI), deep learning technologies and big data have impacted on the interpretation market and AI-based technologies can be used in automated speech translation. The first experiments to create an automatic interpreter took place at the end of the 1980s and early 1990s. Today, there are several AI-based devices available on the market which attempt to fully automatize the interpreting process, both in the consecutive and in the simultaneous mode in a limited number of specific communication situations. This article first reviews the history and mechanism of automated interpreting and provides a comparison of human and automated interpreting. It also presents the main features and use cases of automated speech translation (AST). By showing that the two activities are intrinsically different, it argues that they need to be distinguished more clearly by defining the speech-to-speech (S2S) language transfer accomplished by computers as automated speech translation (AST) and keeping the term ‘interpreting’ for the human activity. Automated speech translation has an undeniable role and place in today’s world, steeped in technology and AI. However, it needs to be underlined that it is completely different from the complex interpreting service human interpreters provide and the circumstances and contexts in which its use can be advised is intrinsically different from that of human interpreting. Therefore, the real question is how AST and human interpreting can complement each other, in other words, what are the situations and contexts where AST is desired and applicable and when is there a need for human interpreting?

Keywords: automatic speech translation, interpreting, artificial intelligence, speech recognitions, MT.

Technological development gained significant impetus in the mid-2010s. It has not only accelerated but its performance has become more sophisticated. “Automated interpretation” has become a common topic at technological and scientific conferences as well as interpreting studies events and it is also a subject frequently discussed by interpreters. Moreover, it has become more visible in the press as well. Today, the expression “AI interpreter” is used more frequently, even though machine interpretation is still lagging behind machine translation and AI-based technology has not led to a breakthrough in the automatization of the interpreting process.

There are several expressions used by researchers, professionals and developers for the automated interpreting process such as machine interpreting, automated interpreting, translation of speech

or speech translation. This article reviews the history and mechanism of automated interpreting and provides a comparison of human and automated interpreting. By showing that the two activities are intrinsically different, it argues that they need to be distinguished more clearly by defining the speech-to-speech (S2S) language transfer accomplished by computers as automated speech translation (AST) and keeping the term “interpreting” for the human activity. Automated speech translation has an undeniable role and place in today’s world, steeped in technology and AI. However, it needs to be underlined that it is completely different from the complex interpreting service human interpreters provide and the circumstances and contexts in which its use can be advised is intrinsically different from that of human interpreting.

The brief history of automated speech translation

For the past 60 years, one of the aims of information technology developments has consisted of the automatization of human speech comprehension and translation. The first experiments to automatize interpreting took place at the end of the 1980s and early 1990s. The concept of speech translation was first presented at the ITU Telekom World (Telecom '83) by NEC Corporation in 1983. Then in 1986 the Advanced Telecommunications Research Institute International (ATR) was set up with the aim of carrying out basic research in the field of speech translation (Nakamura 2009). Another early speech translation system called JANUS dates back to 1991, and it rendered speech from English into German and Japanese (McNair, Waibel, Jain et al. 1991). However, language technology available at that time allowed for only a very basic and limited performance of speech translation tools. Attempts to develop a 'machine interpreter' gained new momentum in the 2010s, when several types of translation software became available on the market, both in the consecutive and in the simultaneous mode (see Figure 1). The recent technological impact on interpreting has been so significant that, as Fantinuoli puts it, the technological change we are witnessing in our profession is irreversible, and interpreting is going through a "technological turn" (Fantinuoli 2018). This turn will bring radical changes in terms of the ecosystem of interpreting

concerning the socio-economic status and prestige of the interpreter, the cognitive processes during interpreting, as well as working environments.

A common feature of speech translation tools is the fact that they have been developed for a limited number of specific communication situations. They are used to speech translate the most frequent phrases, questions between different languages in well-defined contexts such as travel, humanitarian missions, medical care, university lectures, wars, and also where human interpreters are not available.

How speech translation devices function

At present, there are two types of speech translation models: (1) the cascade models, and (2) the end-to-end models. The speech translation systems in the first group using the cascade models are composed of several modules (Figure 2) performing the following operations:

- (1) writing down the source language (SL) speech (speech-to-text, STT)
- (2) machine translating the SL text into the target language (TL)
- (3) synthesizing the TL text to TL speech.

The latest models (Figure 2) insert a fourth component after the STT module to normalize the written SL text and eliminate spoken language phenomena such as repetitions, restarts, disfluencies, hesitations, etc.

The latest models are the so called end-to-end (E2E) or direct models, which leave out the STT

1980s	1990s	2000s	2010s	2020s
NEC Corporation, concept presentation, 1983 ATR, 1986	JANUS Verbmobil	IBM MASTOR Phraselator Jibbig ProLingua	Google Translate smartphone app EU-BRIDGE ELITR Skype Translator Wordly Translatotron (Google) Instant Language Assistant (ILA) Ambassador (Waverly Labs) Travis Touch Go	Live Speech to Text and Machine Translation Tool for 24 Languages, EP DG TRAD (under development) M.IINterpreting (under development)

Fig. 1. Speech translation systems development

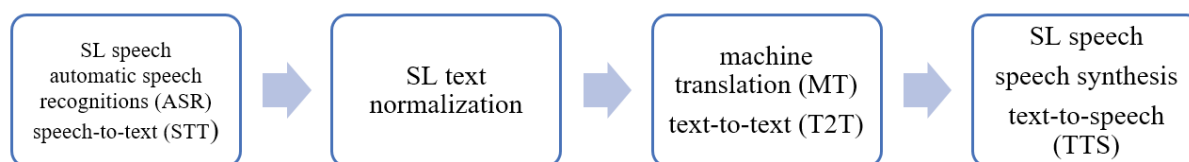

Fig. 2. The cascade model of automated speech translation process

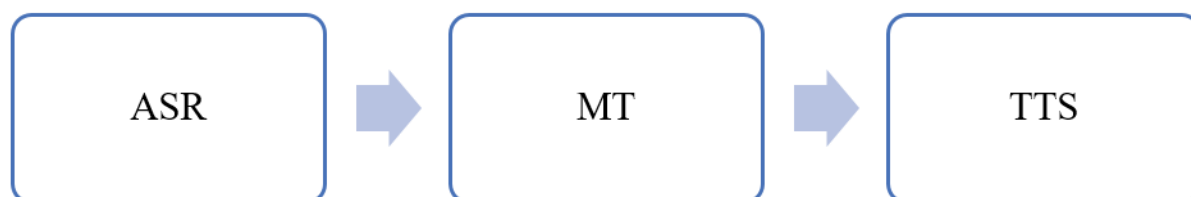

Fig. 3. End-to-end models of automated speech translation

component and go from ASR directly to MT (Figure 3). However, most of the commercialized speech translation devices still use the cascade model (Niehues 2020).

Automatic speech recognition

Good quality and reliable ASR at the beginning of the process is the basis for MT, the next module. The first attempts at ASR date back several decades which consisted of giving simple orders to computers to open files, for example. Then they became more complex and were used for dictation. These systems were taught to recognize the speaker's voice (Yule 1996). However, various problems may arise when using this technology since human speech and speech production are not limited to emitting sounds and words. Such problems may include transforming abbreviations or symbols into words or the lexical elements unknown by the system. Furthermore, possibly the most significant challenge is "automatic speech identification, multilingual acoustic models and multilingual language models" (Jekat 2015, 240). Today, ASR technology is speaker independent and AI-based.

Despite recent progress in technology, for ASR to function well we have to speak languages known by the system and under conditions which enable the speaker's voice to reach the system at a high quality. Another difficulty lies in the fact that the current ASR systems focus on words but ignore paralinguistic features influencing meaning such as intonation, sentence stress or accents. This problem is closely linked to automatic speech segmentation because computers cannot handle these paralinguistic features of speech used for speech segmentation by humans: computers need punctuation. In addition, disfluencies in human speech are similar challenges because speech has to be written down, and written speech needs

punctuation marks. Humans are good at handling these phenomena while computer programmes are still incapable of achieving it (Lewis 2020; Niehues 2020).

Machine translation

The second step in automated speech translation is MT. This is the central component on which the current and future success of AST depends to a large extent. It is the technology used by computers to model the human translation process between natural languages. MT is not a recent phenomenon, the first attempts at MT date back as far as to the 1930s (Austermühl 2001) and the first publications on MT in Translation Studies appeared several decades ago (Bar-Hillel 1951; Hutchins 1986; Melby 1981; Sager 1994; Vauquois 1976; Wilss 1993). MT has gone through three stages of evolution so far: (1) rule-based, (2) statistical and error-based, and (3) neural network-based translation (NMT) (Figure 4). In the second period statistical-based machine translation (SMT) became widespread on the translation market. Both SMT and NMT are corpus-based technologies.

Neural network-based research gained momentum in MT around 2007 and penetrated the translation market in 2015, so that by 2017 NMT replaced SMT (Koehn 2017). NMT was a breakthrough in terms of translation quality not only for more widely used language pairs such as English-German, English-Spanish, English-French or English-simplified Chinese (for more detail see Moorkens 2018, 377–378) but also for language pairs where less data is available such as English-Hungarian (Laki 2018).

NMT uses deep learning technology, artificial intelligence and big data. The novelty consists in the fact that NMT does not focus on language structure and does not use only language data and language models. For this reason, it is less dependent

Machine translation (MT)			
rule-based		corpus-based	
	statistical translation (SMT) / error-based machine translation (EBMT)	machine	neural network-based machine translation (NMT)

Fig. 4. Technological development of MT

on the SL text than former technologies. Instead, it tries to imitate human thinking and takes into account word context.

The importance of datasets entered into the NMT systems cannot be underestimated for the quality of the text translated into the target language (TL) depends on the quality of the training data. Today, the internet provides developers with a huge amount of data, which is a positive development for automated translation. However, it is also a risk because if low quality data is used for training the MT system, the computer will use that data for the TL text. However, despite the initial enthusiasm over the potentials of NMT, it seems that it has not solved the problem of quality in MT (Le, Schuste 2016; Moorkens 2018).

The issue of quality of MT output is present in automated speech translation to a larger extent for several reasons. First, NMT only takes into consideration the context provided by the word next to a given item and ignores social context or speaker intent. Second, MT uses mathematical algorithms and it is not clear how these can learn in an interpreted situation, since interpreters work with spoken utterances or sign language and not with written texts. Third, interpreting is not only about creating linguistically equivalent texts. Furthermore, the workflow in AST models is a unidirectional mechanical process whereas human interpreting is embedded in a complex communicational situation with the interpreter adapting their behaviour to the requirements and needs of their users.

Speech synthesis

The third step in the AST process involves transforming the written TL text into speech. TTS systems reproduce the acoustic features of sounds and their aim is to create natural or naturally sounding speech (Yule 1996). One of the issues is

that written language does not provide clear indication as to how the words written down should be pronounced, or what acronyms stand for. Just like ASR and NMT, speech synthesis technology today is AI-based. However, as Downie notes, progress is still needed for synthesized speech to be not only intelligible but also adequate and appropriate for the context of communication (Downie 2020).

To conclude, it is safe to say that despite recent technological progress, each step in the AST workflow is still problematic and technology has not yet reached the level of development required to provide a human interpreter level of service, consecutive or simultaneous. At this point it needs to be underlined that AST does exist and AST devices are being used every day by humans wishing to understand words, sentences, questions in languages they do not master. However, it should also be mentioned here that AST and human interpreting are two intrinsically different activities, and they should be treated as such for each to find its place on the interpretation market, where AI is gaining ground and, in our technology, oriented world.

Automated speech translation vs. interpreting

AST is language transfer consisting of decoding and encoding linguistic elements and looking for equivalents of translation units. It is a linear process whose main aim is matching data in datasets used as training material fed into language models in MT systems by humans (Table 1). The main aim of this process is therefore not the communication or social intent and fulfilling communication aims. This process is unidirectional from the input at the beginning to the output at the end (see Figures 2 and 3 above). This is not an interactive process, because there is not feedback from the users at the

output side that could be built into the ongoing process. Furthermore, because humans do not know exactly how neural networks and such technologies as machine learning function, MI systems are often

black boxes (Bird, Fox-Skelly, Jenner et al. 2020; Shaw 2019; Siau, Wang 2020).

The interpreters used to be compared to black boxes and machines in the “conduit model”,

Table 1. Automatic speech translation vs interpreting

	Automatic speech translation	Interpreting
Function	artificial language mediation decoding and encoding linguistic elements	natural language mediation, facilitating and supporting the communication process, providing a service
Role	conduit, channel	mediator
Process	no feedback from user linear, unidirectional	feedback from user multidirectional, interactive
Communication	speech recognitions speech synthesis	looking for meaning and sense on speech level situation embedded constructive
Number of languages	limited depending on database	limited only by the number of existing languages
Language use	—	conscious and intentional for supporting the communication intent
Speech	synthetized speech	human speech
Memory	limited only by the size of training datasets	limited
Vocabulary	limited only by the size of training datasets (the Hungarian BERT-large language model's corpus contains 3,67 billion words)	an average educated person's monolingual vocabulary contains 30,000 words (Levelt 1989)
Method	unit matching	creating new TL form context-driven interpretation of meaning
Information-processing	only verbal and not information but matching data	multimodal (verbal, visual)
Knowledge acquisition	—	before, during and after the interpreted event
Professional awareness	—	✓
Soft skills	—	✓

one of the first models of interpreting and interpreter roles in the 1980s and 1990s. In this model the interpreter is described as a channel through which words pass and they are expected to remain completely invisible during the process. However, at the turn of the 2000s, there was a change in the perception of the interpreter and their role in the interpreted communication situation across various types and modes of interpreting (Angelelli 2003; Bischoff, Kurth, Henley 2012; Bot 2003; Diriker 2004; Monacelli 2009; Roy 2002; Tate, Turner 2002; Wadensjö 1998). This new approach in Interpreting Studies takes into account the linguistic, interactional and socio-cultural context of interpreted situations and sees interpreting as a complex linguistic, cognitive and human task. Today, the interpreter is considered a human being and not a non-person, or a communication channel.

AST is an endeavour of a different nature, and it cannot be considered interpreting since it is void of the essence of interpreting, i. e. looking for meaning and making sense of the message. AST functions with text and not speech and it's about mechanically transcoding the linguistic elements of the SL text into the TL.

Human interpreting is a more complex creative and multidimensional task. It is situation-embedded **human communication** developing in a continuously evolving context. As part of the communication situation, interpreters adapt to and depend on the context both in terms of their linguistic and professional behaviour. Human communication is an intrinsically interactive and constructive process, with all the participants of a given communication act contributing to its success or eventual failure. It is safe to say that machines (in this case computers) do not have any communicative competence, and they do not adapt to the communication situation, for example, they do not modify the style or speed or language use according to their users. Today users have to adapt to the needs of the machine, for example, by slowing down their speech, articulating clearly and using accents the computer has been trained on if they want their voice to be recognized by the ASR system. They are also supposed to use vocabulary previously fed into the MT system if they want their words to be transcoded into the TL. Technology provides us with tools, and technological devices created by humans can be expected to be human-centred. Well-functioning devices assist humans and not the other way round.

Human interpreting is also bilingual intercultural communication. Interpreter competences include bilingual competence with well organised and constructed mental lexicons as well as cultural competence, cultural awareness and sensitivity.

As Heltai suggests, machines also have some kind of a language competence, but it is different from that of human interpreters in the sense that the machine's language competence is limited: they do not have pragmatic competence therefore, they cannot recognize the contextual meaning of ambiguous expressions. In addition, they do not have discursive competence either, for this reason identifying references is problematic for them (Heltai 2014).

Interpreters as **bilingual language users**, when constructing the TL speech, take into account user needs, their cognitive environment, background and contextual knowledge. An interpreter's speech performance is instrumental, a fundamental feature of human speech. Humans speak because they want to make an impact on their listeners or communication partners by providing information, transferring knowledge, or trying to amuse their audience, just to list a few examples. They are trying to send messages which suit their communication purposes and aims. This also holds true for interpreters, even though they are secondary communicators since the original message is not theirs and they render this message in the TL. In this sense, AST systems do not speak, but rather perform speech recognition and speech synthesis instead of conscious communication and speech behaviour.

Interpreting is a balancing act in the interpreted communication situation. Interpreters' need to find that ideal position where they can facilitate communication without being a natural, primary participant of that communication process. For this, they need creativity, flexibility and adaptation skills. The interpreter's performance requires creative problem-solving, which is closely linked to decision-making and selecting from several possible options as well as divergent thinking, anticipation, imagination, inventiveness and ingenuity. An interpreter's behaviour is characterized by spontaneity, flexibility and a capacity to quickly analyse situations in order to be able to immediately cope with unforeseen events. Another aspect of an interpreter's creativity is finding TL equivalents for new words and expressions. In the case of AST, computers do not possess this capacity because they operate with units in pre-trained datasets and do not create new units even though neural networks can learn from their mistakes to some extent.

Interpreting from a cognitive psychological approach is seen as a process where interpreters are active information users who do not merely take in information in a passive manner but are actively looking for and process information. Thus, interpreting is a **constructive** activity because interpreters contribute actively to the construction

of the intended meaning of the message in the SL. AST systems based on neural networks do not operate with words, they operate with word vectors instead. Furthermore, they do not process these vectors but rather match them based on their position in a vector space from training data, which has been previously fed into the system.

Interpreting is an **extremely complex cognitive task**, which is, depending on the interpreting mode, characterized by the partial or complete simultaneity of such mental operations as speech perception and production, attention, memory processes, speech planning and production. For this reason, cognitive skills such as reasoning, attention sharing, fast information processing, task swapping, as well as exercising cognitive control are crucial to successful interpreting. Some of the operations and skills, for example note-taking for consecutive interpreting, language transfer, attention sharing and information processing can be automated to a certain extent. At the same time, because interpreting is carried out in an ever-evolving communication situation, where unexpected events may happen, one of the basic elements of interpreting is **cognitive flexibility**. Cognitive flexibility on behalf of the interpreter is essential for several reasons. First, it is needed for knowledge acquisition during the act of interpreting. Second, cognitive flexibility makes it possible for interpreters to modify their interpreting strategies when needed. Third, it is essential for performing such mental operations as anticipation, inference and creative problem-solving based on divergent thinking.

Interpreters are professionally aware. **Professional awareness** means that they know their profession, they are aware of the requirements in terms of knowledge and skills but also in terms of technology and ethics. They can analyse and evaluate their own performance and collaborate with all stakeholders, including their colleagues. They know the metalanguage used to talk about various modes and types of interpreting and the operations underlying the interpreting process. They are also aware of the cognitive, personal and interpersonal processes which occur during interpreting. They are also familiar with the way interpreting as a profession is practised, the market requirements, players, trends, etc. Another component of professional awareness is familiarity with professional organisations and codes of ethics. Interpreter training programs provide trainees with a comprehensive view of the importance of respecting the ethical principles laid down in codes for professionals and the profession as a whole. This component of the declarative knowledge of the interpreter is completely missing from AST systems.

In addition, interpreting is rendering a **complex service**, which is not restricted to language mediation at the venue of the interpreted communication event. It requires an array of **soft skills**, for example, interpersonal skills, communication and listening skills, empathy, the ability to cooperate and work in a team, etc. Interpreters are usually in contact, before and after the assignment, with their clients, strive to know their expectations and needs as well as the aims and objectives or the role of the interpreted event in the professional life of their users. After the assignment, they consolidate their terminological work and evaluate their performance and the event. An interpreter-client/user relationship based on **trust** is as important for successful interpreting as the interpreter's performance during the interpreted event. One of the reasons for this is that quality in interpreting is a relative concept: it depends to a large extent on the perspective and expectations of those evaluating. Quality criteria may vary, according to whether this person is the interpreter, the event organiser, the user, the client or a colleague.

One area where AST systems have a marked advantage over humans is the amount of data which they can store. This amount is limited only by the size of the training datasets entered into the system. However, as Niehues points out, data efficiency is an issue in the case of NMT systems (Niehues 2020). Data efficiency problems mean that there are still languages for which there is still not enough data available. But it also means that current language models contain considerably more data than a human being comes across during their entire lifetime, but their performance is still lower than human performance.

AST and human interpreting: perspectives

The burning question for interpreters, trainers, all stakeholders in interpreting and laypersons is, of course, whether AST can or will ever replace humans and whether technological advances will reach a level when it can be feasible. Researchers (Downie 2020; Jekat 2015; Jekat, Klein 1996; Pöhhacker 2016) and even developers (Lewis 2020) argue that AST will never fully replace humans, and that it does not aim to do so, it is meant to facilitate bilingual communication to some extent in situations where employing a professional interpreter is financially unaffordable or physically impossible. Ray Kurzweil has introduced several innovations to automate human processes and tasks, but still he is of the opinion that full automatization of translation (and interpreting) will never be achieved (Kelly, Zetzsche 2012). However, some

interpretation market players claim that AST is not fiction anymore but has become reality (Nimdzi 2019), and we have seen that there are AST devices already available on the market (Figure 1) which are currently used for supporting bilingual communication. Furthermore, technological advances have not come to an end and will certainly continue.

The typical use cases of AST devices are healthcare, military, travel and tourism, business, public service as well as education (Table 2). These are well defined communication situations, where human interpreters are not often available or cannot be afforded or there is no time to organise human interpretation. Most of these communication situations and the vocabulary and language used are fairly predictable, and AST may serve as a tool to bridge the communication gap if everything goes according to plan. And even in the most frequent AST use cases most of the communication is of an administrative nature. In healthcare, for example, checking in and out of hospitals, routine examinations or re-education exercises are speech translated automatically but human interpreters are asked to interpret more complex and sensitive conversations between doctors and patients. Despite the technological advances since the first AST devices appeared (Vebmobil in the 1990s, or Jibbiggo and EU-Bridge at the beginning of the 2010s), the use cases, scenarios and aims have remained the same with maybe one exception which is accessibility for persons living with hearing or visual impairment. So far, attempts to automate conference interpreting have failed (Lance 2018), and there are situations such as legal contexts or high-risk meetings in politics or business with classified information, where the use of such devices is atypical.

AST: Cognitive and communicational limitations

The main reasons for this limited number of use cases may be found in the fact that computers today cannot handle unforeseeable events, are unaware of cultural aspects of the communication situation as well as the social and communicational characteristics of the interpreted situation. Furthermore, features linked to the pragmatic and linguistic aspects of oral communication and spontaneity also pose problems. Likewise, language registers, style, idiosyncratic language use, hesitations, ambiguity, humour and irony, too fast or too slow speech, turn-taking, etc. are also areas that humans can handle but are tricky for computers. In addition, natural language is an open and continuously changing system with an infinite number of elements, therefore rare and new expressions are also problematic.

Lewis mentions politeness and gender as specific challenges computers are facing in terms of pragmatics. Another problem is turn-taking in real life conversations, when speakers don't wait for each other to finish their sentences. For such bilingual conversations, when AST is used, "forced turn-taking" takes place, which impacts negatively on user experience by making the communication situation artificial (Lewis 2020).

The current AST devices use the most advanced AI, big data and deep learning technology. However, this technology has not reached the level of human cognitive performance required to fulfil complex cognitive tasks requiring creativity, intuition, cognitive flexibility and judgement which would enable computers to comprehend commu-

Table 2. Examples of AST use cases

Use case	Devices	Mode
healthcare	Prolingua	consecutive
military	IBM Mastor, Phraselator	consecutive
travel and tourism	Jibbiggo, ILA, Skype Translator	consecutive
business	Vebmobil, ILA	consecutive, simultaneous
government (e.g. immigration, border patrol)	ILA	simultaneous
university lectures	EU-Bridge	simultaneous
education (e.g. parent-teacher meetings)	Skype Translator	simultaneous
accessibility (deaf/hard of hearing; blind/low vision)	ILA, EP, Skype Translator	simultaneous
conversations	various	consecutive, simultaneous

nication intent, exercise cognitive control over the communication situation and be able to manage and process the communication situation in a holistic manner. Instead, computers work with words and take into account only the immediate context of a given work in the word chain. For this reason, in addition to the problems enumerated above, they cannot handle technical or semantic interferences.

We have seen above that understanding communication intent is a complex process, characterized by the fact that participants in the communication situation actively contribute to meaning construction. For this, they need general and domain specific background knowledge, not only technical vocabulary, since meaning-based interpretation means that it is not words but rather ideas and arguments that we transfer from the SL into the TL. During this process the cultural, social, political, and other contexts as well as the contextual features are as important for the comprehension of the speaker's communication intent as the words they are using.

AST: Technological limitations

There is no doubt that we have been witnessing significant advances in the field of AI-powered technologies for the last decade or so. However, we need to distinguish between two types of artificial intelligence: general AI and AI restricted to certain tasks. General AI is still unavailable and would mean human-like cognitive skills such as thinking, reasoning, autonomous decision-making. What is available, however, are AST devices whose use is restricted to certain areas.

One of the main technological challenges of AST systems is the replication of errors in cascade models. This means that if an error occurs during ASR and a wrong word gets into the SL text to be machine translated, this will not be recognized and filtered by the computer, but will be forwarded to the MT module. Another challenge is posed by simultaneity, which means reducing latency, i. e. the time between the SL speech and the TL speech, to the minimum because it is essential in terms of user experience to produce the SL speech in as little time as possible (Niehues 2020).

Melby notes in his discussion on MT that "there is still a serious flaw in the design", namely the error "to buy into the Black Box Myth of translation, which assumes that each source text has exactly one correct translation". Naturally this is not the case and the way a text is translated "depends not just on the source text itself, and not just on the source texts plus its purpose and intended audience, but also on the purpose and intended audience of

the translation, which may differ considerably from the author's purpose and audience" (Melby 2002, 46). Since MT is one of the central modules in the process of AST, the Black Box Myth may be one of the impediments to the full automation of the speech translation process. Language use related decisions, for example, during word retrieval, depends not only on finding the right lexical units but also on taking into consideration the actual users, their needs, background knowledge and also on possibilities offered by the time constraints characterizing interpreted communication situations.

AST: Domain limitations

It is worth noting that there are cases where MT is inapplicable such as literary translation, advertisements or business presentations, where the main aim is to impress the reader. In such cases the form of the text is as important as the information it conveys. Heltai enumerates some other text types which are not suitable for MT at all such as jokes, word games, humorous texts, well formulated editorials, everyday conversations for whose comprehension discursive, pragmatic and socio-cultural competences are needed (Heltai 2014). As for spoken communication, when we speak, our objective is very often to make a positive impression on our communication partners or listeners, and we often use humour to achieve this goal. In addition, our spoken communication often expresses emotions or our attitude towards our subject matter. The information in our spoken communication acts is not merely a dataset, but we aim to achieve something with it, for example, provide information, convince somebody of something, develop somebody's skills or entertain.

In the case of machine translation-based AST, the difference between artificial and natural languages needs to be taken into consideration. Sager considers the language of machine translated texts to be artificial. Contrary to natural languages, artificial languages are of limited nature, meaning that they do not have aesthetic or emotive meaning. This also means that artificial languages do not behave as natural languages "characterized by a maximum freedom of formal variation at all levels of articulation, according to criteria of usage and function". Furthermore, the "growth, diversification and variation of natural language is only limited by the boundaries of mutual comprehensibility among speakers" (Sager 1994, 33). From this it can be deduced that a spoken utterance communicated in a natural language cannot be considered equivalent to its artificial TL form.

However, there are cases when the use of MT is justified. According to Sager, it is suitable to use MT when there is (1) “insufficient human capacity available to translate the considerable volume”, or (2) “a very large demand for immediate, very low cost translation which cannot be produced by human translators” (Sager 1994, 261). Varga states that MT “is suitable for the purpose of obtaining information, determining the subject of a text or for determining whether further analysis, processing of a given text requires human input” (Varga 2016, 161). It can also be justified in the case of informative technical texts, where comprehension depends mostly on information expressed explicitly in linguistic form and to a lesser extent on inferences based on context or connotations (Heltai 2014).

For Heltai, “minimal translation” is when a large volume of text needs to be translated urgently, or when low budget translation is needed (Heltai 1999). In such cases, translation quality is lower and the translator, instead of providing a complete version of the SL text in the TL, makes a partial translation of the text, keeping the main elements and messages. The product of MT can often be considered minimal or raw translation, which is then post-edited by humans.

AST's impact on the interpreting professions

Up until this time, machine interpretation's impact on the interpretation profession cannot be felt to the same extent as that of machine translation's on the translation profession. One reason for this lies in the fact that there is more demand for automatically generated written translations. Another reason might be that the automation of interpretation must take into account a number of real-time variables too, which do not arise during translation. In automatizing the human interpretation process, no sub tasks such as text preparation for translation or post-editing that could be carried out independently of the translation itself have evolved. Such tasks will probably never evolve at all, since if computers do replace the human interpreter, post-editing TL spoken utterances would be difficult to carry out because they are intended for immediate use in 'live' communication. Furthermore, preparation or pre-editing for AST does not necessarily have to be carried out by interpreters but rather by language technologists or terminologists.

Developers, however, are of the opinion that this is the way forward because fully automated AST is likely to remain unachievable for some time.

In addition to AI-driven transcription and terminology management, a 'hybrid' approach could be applied to AST where the computer's and the interpreter's work is shared. In this setup, the computer would do the boring, repetitive manual work, and the interpreter the creative, real tasks in the interpretation process (Lewis 2020). Research is in its infancy today, however, it is worth noting that the interpretation process is extremely complex, and the interpreter's performance is impacted by various external (the working conditions, the speaker, the SL speech, etc.) and internal factors (interpreting skills, experience and expertise, assignment preparation, stress management, etc.). These factors are interlinked and add up to influence the interpreter's performance.

Transcribing the interpreter's TL output also raises concerns because the TL speech produced by the interpreter is meant to be used in the immediate context of the event, which is not the case of translations disseminated in writing. Due to the nature of the interpreting task, compared to what can be expected in the case of written translations, interpreted TL speeches may be characterized by certain “imperfections”, which might make immediate transcription difficult. Another issue to be taken into account here is that the interpreters' consent should be sought if their TL performance was to be transcribed. Furthermore, it is unclear how the interpretation process could be divided into “manual” and more creative work. What can be considered manual work in such a complex bilingual activity? Making terminology work easier and faster, real time help with terminology may be a welcome assistance during the interpretation process. However, we should bear in mind that preparing the terminology of an interpreted event is not only looking up technical terms but also serves the purpose of content preparation, when the interpreter acquires the domain-specific background knowledge needed for successful meaning-based interpreting performance. This is something computers cannot carry out for interpreters.

Technological development will continue and probably even accelerate since our age is obsessed with technology (Besnier 2012). We can presume that attempts to fully automate the interpretation process will not stop either. It is, of course, very difficult to foresee the future of interpreting. However, looking at how technology has impacted on the translation market for the past 20 years, we might predict with reasonable certainty that the interpretation market will be divided into two segments: a market where automated 'minimal interpretation' will be sufficient and available at a lower price or even free of charge; and a premium

segment where professional human interpreters will work and provide complex, high-quality services. When the use of MT became widespread on the translation market, translators were afraid that machines would take their jobs and livelihoods. In fact, MT has transformed the translation market but it has not replaced the human translator. Instead, the volume of translation has grown significantly, and new professions have been formed such as pre-editing and post-editing, localization, language engineering, translation project management and vendor management (Horváth 2016).

We have seen that the use of MT is justified in certain cases, and that these translations are often “minimal translations”, which provide some basic information on the topic and the main elements of the SL text. In the case of AST, one of the main questions is to what extent such minimal or raw speech translations can be effectively used in an interpreted communication situation, where the participants, users and clients engage in interaction and watch each other’s reactions and feedback to spoken utterances. Can a minimal speech translation produced by a computer programme fulfil the role of the interpreter as a language and communication professional?

It depends on several factors. First, it depends greatly on whether AST developers manage to build trust in those requiring spoken language interpretation to use AST tools. It also depends on whether the users of interpretation would wish to enjoy the added value of services and soft skills provided by human interpreters such as empathy, task-oriented approach, managing culturally sensitive situations, gisting or self-correction. It may also depend on whether or not users wish to involve a professional who actually understands what they are saying.

Conclusions

AST tools are being used in well-defined and less complex situations. Accelerating technological development has impacted on the interpretation market and there are numerous attempts to automate the interpretation process. As early as 1994, Sager argued that MT “has a proper place beside human translation as an alternative technique for achieving different communicative objectives” (Sager 1994, 262), which seems to be true for the interpretation market in 2021.

Although today it is safe to say that technological advances have not yet reached the level needed for general fully automated interpretation in all communication situations, it is also obvious that technological development will continue.

The modules of the S2S translation process such as ASR, MT and speech synthesis will become increasingly more sophisticated, new modules and technology will become available. In addition, AI-based new technology such as facial expression recognition software, voice imitation and mouth modification to harmonize lip movement with the TL, synthesized video technology or humanoid robotics will offer new possibilities in the automated speech translation market. Although there are various intrinsic differences between AST and human interpreting and reasons why the expertise and competences of a human interpreter cannot be replaced by AI-based tools today, we cannot exclude the possibility of them becoming technologically feasible one day.

However, this issue is not purely of a technological nature, in other words, the use of AI technology in interpreting is not exclusively a question of technological development. It depends to a great extent on user needs and expectations, more precisely on the social impact of technological development on our societies in general. Will the time come when it is trendier to use AST than a human interpreter’s services? Will people who use AST devices, avatars or humanoid robots to help them with speech translation be considered progressive and those employing humans outdated? Robotization may reach a level where it impregnates our lives and becomes so widespread that users needing assistance with spoken language translation trust AI-based devices more than human interpreters because they may feel that machines are more discreet and trustworthy. Another question which emerges is whether lower quality TL speeches will be worth cost saving so that AST is chosen. Can we be sure that AI-driven AST devices will come at a lower cost, bearing in mind that maintaining an increasing number of ever more powerful servers has a considerable impact on the environment? Will computers whose performance is restricted to MT provide the same communication experience as highly trained professional intercultural mediators, with whom it is also possible to exchange ideas outside the strict interpreted communication situation?

With the growing automatization of our lives, the services provided by human interpreters may become more appreciated because interpreting is not about finding translation equivalents, it is not only repetitive, routine communication. Human interpreters contribute to successful multilingual communication situations not only in terms of language transfer between source languages and target languages. They also facilitate dialogue, with their expertise they support the organizers

of interpreted events, and with their personality, they contribute to successful human communication and relations. This is not to say that human interpreters are perfect. They have limited cognitive, working memory and long-term memory capacity, make mistakes, get tired and feel stressed. However, they are capable of learning from their mistakes, they build newly acquired knowledge into their knowledge base and continuously self-evaluate their performance. They remember past events and such experience, gained through the years, may be priceless for a client who is planning long term. In fact, it is highly typical of event organizers to ask for the same interpreters year after year, provided they were satisfied with their performance. This is more than satisfaction with linguistic performance: this implies trust, loyalty and shared goals.

It also needs to be acknowledged that AI systems have certain advantages over human interpreters, for example, in terms of data volume and vocabulary used to train AST systems, they already considerably outperform humans. Despite this fact, human performance is more sophisticated, multifaceted and adaptable. One of the undeniable values of human performance is that interpreters strive to understand and 'interpret' in the strictest sense of the word what they hear and say. Thus, they can decide what to leave out, what elements need to be explicated, emphasized or reformulated in order to respect cultural, social and personal sensitivities.

The interpreting profession is at an important crossroads. How it will evolve depends on several factors. First, the professional community of interpreters will bear a great responsibility in providing much higher quality and more complex interpreting services than AI-driven systems. For this, they need to know the possibilities offered by technology, and if they are useful, to be able to build them into the interpretation process. Second, interpreting service provider agencies will play an important role in advising clients in which situations AST is sufficient and when human interpreters should be chosen so that they can make an informed decision. Third, interpreter training programmes can also play a significant role in this process by ensuring quality training, thus guaranteeing the supply of highly qualified professional interpreters open to technological advances.

Technological development has brought about unprecedented changes on the interpretation market: new tools and communication situations have emerged where spoken language translation is used. Such a widespread use of technology entails various ethical risks in terms of data security, confidentiality and personal data use. The interpreting community should start preparing for tackling these ethical challenges now before the use of cloud-based AI-systems becomes widespread on the interpretation market.

Abbreviations

AI — artificial intelligence
 ASR — automatic speech recognitions
 AST — automated speech translation
 EBMT — error-based machine translation
 E2E — end-to-end
 MT — machine translation
 NMT — network-based translation
 SL — source language
 SMT — statistical-based machine translation
 S2S — speech-to-speech
 STT — speech-to-text
 TL — target language
 T2T — text-to-text
 TTS — text-to-speech

References

- Angelelli, C. V. (2003) The interpersonal role of the interpreter in cross-cultural communication. In: L. Brunette, G. L. Bastin, I. Hemlin, H. Clarke (eds.). *The Critical Link 3: Interpreters in the community. Selected papers from the Third International Conference on interpreting in legal, health and social service settings, Montréal, Quebec, Canada, 22–26 May 2001*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 15–26. <https://doi.org/10.1075/btl.46.06ang> (In English)
- Austermühl, F. (2001) *Electronic tools for translators*. London: Routledge Publ., 202 p. <https://doi.org/10.4324/9781315760353> (In English)

- Bar-Hillel, Y. (1951) The present state of research on mechanical translation. *American Documentation*, vol. 2-4, pp. 229–237. (In English)
- Besnier, J.-M. (2012) *L'homme simplifié: Le syndrome de la touche étoile [The simplified man: The star key syndrome]*. Paris: Fayard, 201 p. (In French)
- Bird, E., Fox-Skelly, J., Jenner, N. et al. (2020) *The ethics of artificial intelligence: Issues and initiatives*. Brussels: European Union Publ. [Online]. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/634452/EPRS_STU\(2020\)634452_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/634452/EPRS_STU(2020)634452_EN.pdf) (accessed 04.05.2021). (In English)
- Bischoff, A., Kurth, E., Henley, A. (2012) Staying in the middle: A qualitative survey of health care interpreters' perception of their work. *Interpreting*, vol. 14, no. 1, pp. 1–22. <https://www.doi.org/10.1075/intp.14.1.01bis> (In English)
- Bot, H. (2003) The myth of the uninvolved interpreter. Interpreting in mental health and the development of three-person psychology. In: L. Brunette, G. L. Bastin, I. Hemlin, H. Clarke (eds.). *The Critical Link 3: Interpreters in the community. Selected papers from the Third International Conference on interpreting in legal, health and social service settings, Montréal, Quebec, Canada, 22–26 May 2001*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 27–35. <https://doi.org/10.1075/btl.46.07bot> (In English)
- Diriker, E. (2004) *De-/Re-contextualizing conference interpreting*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 223 p. (In English)
- Downie, J. (2020) *Interpreters vs Machines. Can interpreters survive in an AI-dominated world?* New York: Routledge Publ., 176 p. (In English)
- Fantinuoli, C. (2018) Interpreting and technology: The upcoming technological turn. In: C. Fantinuoli (ed.). *Interpreting and technology*. Berlin: Language Science Press. pp. 1–12. <https://www.doi.org/10.5281/zenodo.1493289> (In English)
- Heltai, P. (1999) Minimális fordítás [Minimal translation]. *Fordítástudomány — Translation Science*, vol. 1, no. 2, pp. 22–33. (In Hungary)
- Heltai, P. (2014) Gépi fordítás. Mi az, amit a gép nem tud fordítani? [Machine translation. What can't machines translate?] In: *Szaknyelv és szakfordítás. Tanulmányok a szakfordítás és a fordítóképzés aktuális témáiról [Professional language and translation. Research on current issues of professional translation and translator training]*. Gödöllő: Szent István Egyetem Publ., pp. 7–29. [Online]. Available at: http://nyelviintezet.szie.hu/sites/default/files/szie_2014_vegleges_szakfordito.pdf (accessed 04.05.2021). (In Hungary)
- Horváth, I. (ed.). (2016) *The modern translator and interpreter*. Budapest: Eötvös University Press. [Online]. Available at: <http://www.eltereader.hu/media/2016/04/HorvathTheModernTranslator.pdf> (accessed 04.05.2021). (In English)
- Hutchins, W. J. (1986) *Machine translation: Past, present, future*. New York: Wiley & Sons Publ., 382 p. (In English)
- Jekat, S. J. (2015) Machine interpreting. In: F. Pöchhacker, N. Grbić, P. Mead, R. Setton (eds.). *Routledge encyclopedia of interpreting studies*. London; New York: Routledge Publ., pp. 239–241. (In English)
- Jekat, S. J., Klein, A. (1996) Machine interpretation. Open problems and some solutions. *Interpreting*, vol. 1, no. 1, pp. 7–20. <https://doi.org/10.1075/intp.1.1.02jek> (In English)
- Kelly, N., Zetzsche, J. (2012) *Found in translation. How language shapes our lives and transforms the world*. New York: Penguin Publ., 191 p. (In English)
- Koehn, P. (2017) *Statistical machine translation. Draft of Chapter 13: Neural machine translation*. [Online]. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1709.07809.pdf> (accessed 04.05.2021). (In English)
- Laki, L. J. (2018) Mesterséges intelligencia a gépi fordításban [Artificial intelligence in machine translation]. In: Tolcsvai Nagy G. (ed.). *A humán tudományok és a gépi intelligencia [Human sciences and machine intelligence]*. Budapest: Gondolat Kiadó Publ., pp. 156–183. [Online]. Available at: http://real.mtak.hu/88740/1/Tolcsvai-nyomda_156_laki.pdf (accessed 04.05.2021). (In Hungary)
- Lance, Ng. (2018) *AI Interpreter Fail at China Summit Sparks Debate about Future of Profession*. [Online]. Available at: <https://slator.com/features/ai-interpreter-fail-at-china-summit-sparks-debate-about-future-of-profession/> (accessed 04.05.2021) (In English)
- Le, Q. V., Schuste, M. (2016) A neural network for machine translation, at production scale. *Google AI Blog*. [Online]. Available at: <https://ai.googleblog.com/2016/09/a-neural-network-for-machine.html> (accessed 04.05.2021). (In English)
- Levelt, W. J. M. (1989) *Speaking: From intention to articulation*. Cambridge: MIT Press, 566 p. (In English)
- Lewis, W. (2020) AI and interpreting. Will Lewis on automated speech translation: Scale, uses & edge cases. *YouTube*, 13 November. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=KihPeHh0wyo> (accessed 04.05.2021). (In English)
- McNair, A., Waibel, A., Jain, A. L. et al. (1991) JANUS: A speech-to-speech translation system using connectionist and symbolic processing strategies. In: *ICASSP 91: International conference on acoustics, speech, and signal processing. Vol. 1*. Washington: IEEE Publ., pp. 793–796. <https://doi.ieeecomputersociety.org/10.1109/ICASSP.1991.150456> (In English)
- Melby, A. K. (1981) Translators and machines — can they cooperate? *Meta*, vol. 26, no. 1, pp. 23–34. <https://doi.org/10.7202/003619ar> (In English)

- Melby, A. K. (2002) Memory and translation. *Across Languages and Cultures*, vol. 3, no. 1, pp. 45–57. <https://doi.org/10.1556/Acr.3.2002.1.3> (In English)
- Monacelli, C. (2009) *Self-preservation in simultaneous interpreting. Surviving the role*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 182 p. <https://www.doi.org/10.1075/btl.84> (In English)
- Moorkens, J. (2018) What to expect from Neural Machine Translation: A practical in-class translation evaluation exercise. *The Interpreter and Translator Trainer*, vol. 12, no. 4, pp. 375–387. <https://doi.org/10.1080/1750399X.2018.1501639> (In English)
- Nakamura, S. (2009) Overcoming the language barrier with speech translation technology. *Science & Technology Trends — Quarterly Review*, no. 31, pp. 36–49. (In English)
- Niehues, J. (2020) AI and interpreting. Jan Niehues on automated speech translation: Challenges and approaches. *YouTube*, 13 November. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=90E9J1zPxIY> (accessed 04.05.2021). (In English)
- The Nimdzi Interpreting Index. (2019) *Nimdzi*. [Online]. Available at: <https://www.nimdzi.com/the-2019-nimdzi-interpreting-index/> (accessed 04.05.2021). (In English)
- Pöschhacker, F. (2016) *Introducing interpreting studies*. 2nd ed. London; New York: Routledge Publ., 280 p. (In English)
- Roy, C. (2002) The problem with definitions, descriptions, and the role metaphors of interpreters. In: F. Pöschhacker, M. Shlesinger (eds.). *The interpreting studies reader*. London; New York: Routledge Publ., pp. 344–354. (In English)
- Sager, J. C. (1994) *Language engineering and translation: Consequences of automation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 345 p. <https://doi.org/10.1075/btl.1> (In English)
- Shaw, J. (2019) Artificial intelligence and ethics. Beyond engineering at the dawn of decision-making machines. *Harvard Magazine*, no. 1, pp. 44–74. [Online]. Available at: <https://harvardmagazine.com/sites/default/files/pdf/2019/01-pdfs/0119-44.pdf> (accessed 04.05.2021). (In English)
- Siau, K., Wang, W. (2020) Artificial Intelligence (AI) ethics: Ethics of AI and ethical AI. *Journal of Database Management*, vol. 31, no. 2, pp. 74–87. <http://doi.org/10.4018/JDM.2020040105> (In English)
- Tate, G., Turner, G. H. (2002) The code and the culture. Sign language interpreting — in search of the new breed's ethics. In: F. Pöschhacker, M. Shlesinger (eds.). *The interpreting studies reader*. London; New York: Routledge Publ., pp. 374–383. (In English)
- Varga, Á. (2016) Machine translation. In: I. Horváth (ed.). *The modern translator and interpreter*. Budapest: Eötvös University Press, pp. 153–165. (In English)
- Vauquois, B. (1976) Automatic translation — a survey of different approaches. In: H. Karlgren (ed.). *SMIL: Statistical methods in linguistics*. Stockholm: Språkförlaget Publ., pp. 127–135. (In English)
- Wadensjö, C. (1998) *Interpreting as interaction*. London; New York: Longman Publ., 312 p. (In English)
- Wilss, W. (1993) Basic concepts of MT. *Meta*, vol. 38, no. 3, pp. 403–413. <https://doi.org/10.7202/004608ar> (In English)
- Yule, G. (1996) *The study of language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 294 p. (In English)

Check for updates

Перевод и переводоведение

УДК 81'25(571.56)(091)

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-188-196>

Организация переводческого дела в Советской Якутии 1960–1970-х годов XX века

А. А. Васильева ¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58

Сведения об авторе

Акулина Александровна
Васильева, AuthorID: 285871,
ResearcherID: AAB-1348-2019,
e-mail: vaaperevod@mail.ru

Для цитирования:

Васильева, А. А.
(2021) Организация
переводческого дела в Советской
Якутии 1960–1970-х годов
XX века. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 188–196.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-188-196>

Получена 10 марта 2021; прошла
рецензирование 27 апреля 2021;
принята 17 июня 2021.

Права: © А. А. Васильева (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. В канун 100-летия образования Якутской АССР актуальным становится взгляд на историческое прошлое своей страны для оценки значения советского периода в развитии культуры народов Республики Саха (Якутия). В статье освещается деятельность председателя Союза писателей Якутии в 1961–1978 гг. Семена Петровича Данилова по организации переводческого дела в республике. Художественный перевод в тот период был одним из основных идеологических средств для укрепления единства многонационального советского народа. Для Семена Данилова якутско-русский художественный перевод не только выводил якутскую литературу и фольклор к наиболее широким кругам читателей, но и способствовал реабилитации имен репрессированных писателей-основоположников якутской литературы Алексея Кулаковского, Анемподиста Софронова, Платона Ойунского. Крупные переводы на русский язык художественных и фольклорных произведений, становясь культурными событиями, через взгляд со стороны, через положительную оценку из столицы страны открывали якутам подлинную ценность их духовного богатства, давали повод чувствовать себя наравне с другими народами СССР. Эти культурные события советского прошлого до сих пор влияют на культуру Якутии — благодаря им эпос олонхо признан шедевром ЮНЕСКО, а крупные переводческие проекты и культурные мероприятия в области литературы часто основываются на коллективной памяти народов России об общем советском прошлом, сохраняют и развивают лучшие традиции литературных мероприятий советских времен. Таким образом, эпоха «дружбы литератур — дружбы народов» 1960–1970-х гг. XX века народами Российской Федерации не забыта и до сих пор проявляет свой консолидирующий потенциал.

Ключевые слова: советская литература, художественный перевод, Семен Данилов, якутско-русский перевод, история перевода, репрессированные писатели.

Organization of translational work in Soviet Yakutia of the 1960s and 1970s

A. A. Vasil'eva ¹

¹ North-Eastern Federal University in Yakutsk, 58 Belinsky Str., Yakutsk 677027, Russia

Author

Akulina A. Vasil'eva,
AuthorID: 285871,
ResearcherID: AAB-1348-2019,
e-mail: vaaperevod@mail.ru

Abstract. On the eve of the Yakut ASSR's centennial, it is of interest to research the past and assess the significance of the Soviet era for the cultural development of the peoples of the Sakha Republic (Yakutia). The article covers the endeavors of the chairman (1961–1978) of the Union of Writers of Yakutia Semyon P. Danilov to organize translational work in the Republic. At that

For citation:

Vasil'eva, A. A.
(2021) Organization of translational work in Soviet Yakutia of the 1960s–1970s. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 188–196.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-188-196>

Received 10 March 2021;
reviewed 27 April 2021;
accepted 17 June 2021.

Copyright: © A. A. Vasil'eva (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](#)
[License 4.0](#).

time, literary translation was one of the main ideological tools aimed to develop the unity of the multicultural Soviet nation. For Semyon Danilov, Yakut-Russian literary translation not only promoted Yakut literature and folklore to a wider reading audience but also enabled the rehabilitation of the purged founders of Yakut literature — Alexey Kulakovsky, Anempodist Sofronov, and Platon Oyunsky. The Russian translations of the important Yakut literary and folklore works were provided with extensive and prolonged coverage in the Soviet Union, and through such positive outside assessment, especially from the capital — Moscow, the Yakuts understood the real value of their cultural heritage and felt themselves on par with other Soviet peoples. Such publicity that existed during the Soviet period still influences the Yakut culture — Olonkho (a Yakut epic tale) was recognized as part of “Humanity’s Oral and Intangible Heritage” by UNESCO. Also, large-scale literary translational projects and cultural events are often based on the collective memory of the peoples of Russia about the shared Soviet past, preserving and developing the best practices of the Soviet literary events. Thus, the “friendship of literatures — friendship of peoples” era of the 1960s–1970s still consolidates the peoples of Russia, as they still remember these practices of the Soviet period.

Keywords: Soviet literature, literary translation, Semyon Danilov, Yakut-Russian translation, history of translation, purged writers.

Введение

Изучение истории перевода, как известно, способствует: а) систематизации результатов переводческой деятельности отдельных писателей, различных групп и поколений переводчиков; б) обобщению и теоретическому обоснованию практического опыта переводчиков; в) выработке практических рекомендаций по технологии перевода различных текстов; г) раскрытию специфики формирования некоторых функциональных стилей в принимающем языке, если эти стили формируются под влиянием перевода.

Как отдельный раздел общей теории перевода история перевода активно начала разрабатываться с 1950-х гг. (Костикова 2011, 8). Об основной особенности истории перевода и его роли А. В. Федоров писал: «История перевода (по крайней мере в новое время, т. е. начиная с XVI–XVII вв.) изучалась преимущественно, если и не исключительно, как история перевода художественной литературы. И это следует признать закономерным, если принять во внимание его огромную роль в истории литературы и культуры и особую сложность этого вида перевода, трудность его задач и наиболее принципиальный характер вопросов, вызываемых им» (Федоров 1983, 24).

История якутской литературы и культуры развивается на фоне истории и культуры Российского государства, поэтому история перевода в Якутии также имеет много общего с историей литературы, культуры и переводческой деятельности в Российской империи,

Советском Союзе и Российской Федерации. Главным и почти единственным направлением переводов в Якутии издавна служит пара «русский язык — якутский язык», носители якутского языка абсолютно все — билингвы, поэтому для исследования истории и современного состояния якутского языка важное значение имеет изучение проблем перевода, в том числе вопросов его истории.

История русско-якутского письменного перевода, хотя имеет небольшую продолжительность — всего три столетия, — но все же сложна и многогранна. В ней встречаются многие тенденции, характерные для разных периодов всемирной истории перевода: периоды преобладания вольного перевода, преобладания буквалистских тенденций, стремления к адекватности перевода и т. д.

Историография переводческой деятельности в Якутии начинается в 1999 г., когда проф. П. А. Слепцов дал краткое описание переводческой деятельности Якутии в четырех хронологических этапах (дореволюционный период, 20–40-е годы, 50-е годы, настоящее время) (Слепцов 1999). В 2006 г. он переработал свою статью, расширил ее и дал наиболее полную характеристику и оценку процесса, опираясь на стиле-жанровую классификацию переводных текстов (перевод религиозной литературы, общественно-политической, учебно-научной, художественной) (Слепцов 2006). В том же году к. ф. н. А. А. Васильева впервые опубликовала статью, в которой отметила наиболее значимые периоды развития истории перевода Якутии, давшие импульс для всего якутского языкознания (Васильева 2006). Это именно те периоды,

когда «<...> стихийные процессы русско-якутского и якутско-русского перевода упорядочивались целенаправленной деятельностью и участием государственных и других влиятельных структур: 1) деятельность Комиссии по переводу церковных книг на якутский язык, возглавляемой протоиереем Д. Хитровым (1853–1857 гг.); 2) деятельность Переводческой комиссии Наркомпроса, возглавляемой П. А. Ойунским (1930-е гг.), которая в кратчайшие сроки перевела школьные учебники, попутно инициировав терминологическую работу, и дала начало развитию научного стиля современного якутского языка; 3) деятельность в рамках всесоюзного движения “Дружба литератур — дружба народов” (1970–80 гг.), которой энергично руководил Семен Данилов; 4) 90-е гг. XX в., связанные с повышением статуса якутского языка и реализацией Концепции обновления и развития национальных школ» (Васильева 2019, 118).

В дальнейшем А. А. Васильева более подробно описывала эти периоды, опираясь на жанрово-стилистическую классификацию подвигавшихся переводу текстов (Васильева 2010; 2011; 2018). В 2012 г. вышло учебное пособие к. ф. н. А. А. Находкиной, где она кроме основных исторических вех русско-якутского перевода, охарактеризовала историю переводов с якутского на иностранные языки (Находкина 2012, 152–157).

Итак, в данной статье мы обратимся к одному из наиболее значимых периодов в истории перевода в Якутии — так называемому «золотому веку якутской литературы», который можно назвать и «золотым веком художественного перевода», — 1960–1970-м гг. прошлого столетия, связанному с именем народного поэта Якутии Семена Петровича Данилова. Этот период наиболее ярко демонстрирует влияние советской идеологии на культуру народов Якутии. В связи с тем, что художественный перевод был тогда направлен на основные духовные богатства народа, эти усилия стали плодотворной почвой для успехов современной культуры якутского народа.

Организация перевода на русский язык произведений основоположников якутской литературы

Для переводческого дела Семен Данилов сделал очень много: во-первых, он принимал активное участие в реабилитации имен первых писателей, необоснованно обвиненных в буржуазном национализме, в том числе через

организацию публикаций их переводов; во-вторых, он организовал перевод героического эпоса олонхо на русский язык; в третьих, он инициировал плановую работу по переводу произведений якутской литературы на русский язык; в-четвертых, для повышения качества переводов он организовал профессиональную подготовку переводчиков из числа якутской молодежи — носителей языка и культуры.

Семен Данилов по первому образованию учитель русского языка и литературы, свою трудовую деятельность начинал преподавателем Якутского госуниверситета. Он не задумываясь стал поддерживать молодого историка Г. П. Башарина, защитившего диссертацию о творчестве зачинателей якутской литературы А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева и открыто говорившего о заслугах перед якутским народом этих обвиненных в буржуазном национализме писателей. Эта его деятельность породила множество споров в обществе, привела к гонениям на него самого и на поддерживающих его представителей якутской интеллигенции. Так, приняв однажды и не отказавшись от взглядов Г. П. Башарина в принципиальных вопросах об истоках и дальнейшей судьбе якутской литературы, Семен Данилов рисковал своим добрым именем и будущей карьерой — потерял работу в вузе и возможность печатать свои стихи. Но преклонение перед талантом зачинателей литературы, духовное родство с ними Семен Данилов пронес через всю свою жизнь (Башарина, Башарина, Башарина 2019). Лет через десять, ради реабилитации их имен и возвращения их наследия народу, ему предстояло «<...> добиться перевода произведений классиков, а также эпоса олонхо на русский язык, а для этого подыскать именитых переводчиков и на правительственном уровне решить вопрос оплаты их титанического труда, а также оплатить работу авторов подстрочных переводов. Путем длительных переговоров и совещаний с друзьями он заручился согласием Владимира Солоухина и Сергея Поделкова перевести произведения Кулаковского и Софронова» (Шапошникова 2019, 30).

О том, с какими трудностями сталкивались при публикации переводов в московских издательствах, о том, какого труда стоило литературным деятелям изменить общественное мнение с помощью публикации переводов на русском языке, какой эффект производили такие переводы на общественность республики, Вадим Дементьев написал в книге «Наследники Есекюляха: интеллигенция Якутии» (Дементьев 2009, 90–91). Другими словами, художественный

перевод в те годы сыграл важную роль для якутов: благодаря публикации в центральных издательствах переводов произведений ранее запрещенных якутских классиков была восстановлена преемственность духовного наследия и устранено негативное отношение к прошлому своего народа. В этом, мы думаем, заключается еще одна общественная роль художественного перевода как наиболее объективного аргумента в идеологической борьбе местных элит.

Организация перевода на русский язык якутского героического эпоса олонхо

Идея перевести героический эпос олонхо Платона Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» на русский язык у Семена Данилова возникла давно. Она, очевидно, также была навеяна спором в среде якутской интеллигенции о месте фольклора в новой советской культуре якутского народа. Перевод, который организовал Семен Данилов, был не первым переводом олонхо. Олонхо пересказывались и фрагментарно записывались русскими путешественниками издавна, и был даже опубликован немецкий перевод прозаического пересказа олонхо в качестве лингвистической иллюстрации в академическом труде О. Н. Бётлингга «О языке якутов» в 1851 г.

Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» имеет несколько вариантов. Один из них, записанный К. Оросиным, был переведен фольклористом Г. У. Эргисом и опубликован еще в 1945 г. в виде билингвы для нужд филологической и этнографической науки. На основе этого перевода в 1950–1960-е гг. были созданы переложения на русский язык А. Штейнберга «Богатырь на гнедом коне» (Штейнберг 1960), А. Ольхона «Якутские волшебные сказки о Нюргуне Стремительном Светлом Витязе» (Ольхон 1951; 1963), В. Полетики «Нюргун Стремительный: поэма по мотивам якутского народного эпоса» (Полетика 1957). Однако у Семена Данилова была идея перевести и издать именно олонхо, переработанное Платоном Ойунским — основателем якутской советской литературы, реформатором якутского стихосложения, государственным и общественным деятелем, репрессированным, а затем реабилитированным в 1955 г. писателем, который и сам был сказителем-олонхосутом, певцом-импровизатором, какими были все первые якутские поэты. В 1961–1963 гг. по просьбе Семена Данилова талантливые писатели-переводчики Николай Заболоцкий-Чисхан, Лев Габышев,

Николай Габышев, Серафим Кулачиков-Эллай, Семен Руфов составили подстрочный перевод олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». После нескольких отказов от знакомых Семену Данилову по Литературному институту русских поэтов, наконец, в 1968 г. за дело взялся опытный переводчик эпических текстов В. В. Державин. Научным консультантом для В. В. Державина стал крупный эпосовед И. В. Пухов, а литературным консультантом выступил поэт-олонхосут В. М. Новиков-Кюннюк Урастыров. Процесс перевода олонхо продолжался несколько лет и стал таким же крупным, ожидаемым культурным событием, каким был перевод «Евгения Онегина» на якутский язык в 1954 г. Именно перевод В. В. Державина, вышедший в 1975 г., и созданные на его основе достижения якутской культуры и искусства позволили якутскому героическому эпосу в 2005 г. войти в число шедевров нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

«Дружба литератур — дружба народов»

Став председателем Союза писателей Якутии в 1961 г., Семен Данилов начал вести планомерную работу по переводу якутской литературы на русский язык, а через него — на языки народов СССР и зарубежных стран социалистического лагеря. Этому способствовали не только его убежденность и здоровые амбиции, но и его общественное положение и профессиональные обязанности. Он занимал пост секретаря правления Союза писателей РСФСР, был членом правления Союза писателей СССР, членом комитета солидарности писателей стран Азии и Африки, и пропаганда идеологии коммунизма, дружбы народов, советского образа жизни были частью его работы. Его хорошо знали в Москве как председателя писательской организации Якутии, всегда включали в планы издания, часто печатали в журналах и газетах. Но он всегда просил напечатать и других писателей Якутии, убеждал редакторов, рассказывал о талантливых авторах-якутах, предлагал подстрочники для литературной обработки. В своем дневнике он отразил, например, реакцию литературных деятелей, как недоумение, недоверие, которое постепенно сменялось интересом и желанием пойти навстречу (Винокуров-Урсун 2018). Об этой «дипломатической миссии» Семена Данилова очень трогательно вспоминал также поэт, публицист Владимир Солоухин, переводчик классиков якутской литературы (Солоухин 1988).

Для развития художественного перевода в Якутске был создан журнал «Полярная звезда», занимавшийся сначала дублированием содержания старейшего якутского литературного журнала «Хотугу сулус», но вскоре ставший самостоятельным периодическим изданием. Художественный перевод в те годы занимал значительное место в литературном процессе СССР. В журнале «Хотугу сулус» в рубрике «Дружба литератур — дружба народов» на протяжении многих лет печатались переводы произведений советских писателей из разных республик. Кроме того, почти все изданные отдельной книгой переводы сначала проходили апробацию в журнале «Хотугу сулус». Оба журнала существуют до сих пор, знакомят читателей с литературными новинками. Планоно проводились Вечера, Дни, Декады национальных литератур, организовывались выезды делегаций, писательских десантов за пределы своих республик, краев и областей. Так происходил взаимообмен духовными богатствами народов Советского Союза и укоренялась идея единства советского народа. Таким образом, взаимодействие литератур, литературные события были средством продвижения государственной идеологии, средством формирования единого советского народа.

Например, перевод стихотворения «Нууччалы мин билиим» (1952 г.) Семена Данилова, который называется «Мой русский язык» и выполнен его однокурсником по Литературному институту Михаилом Львовым, является ярким примером удачного перевода. Основная идея стихотворения — о силе двуязычия, о возможностях, которые открывает для народов СССР знание русского языка и приобщение к русской советской культуре, о консолидирующей силе русского языка. Это все точно и складно передано в переводе, эти мысли звучны были для представителей всех народов СССР, поэтому перевод стихотворения был включен во все хрестоматии. Но еще одна мысль, которая звучит рефреном в оригинале — «сахалы сатарыыр туһугар» («чтобы громко звучать по-якутски») — в переводе не передана. Семен Данилов, как истинный патриот своей малой родины, этими словами выразил мысль о том, что владение русским языком также раскрывает силу и красоту первого, родного языка. Но эта мысль в переводе не передана, видимо, для того чтобы стихотворение получилось более «всесоюзным», универсальным для всех народов СССР, тем самым формируя общую советскую идентичность.

При жизни Семена Данилова в центральных издательствах вышли более 20 его поэтических

сборников переводов. Хочется отметить перевод одной из его самых знаменитых песен — «Якутяночки» — после исполнения Маргаритой Суворовой, ставшей еще одним пропагандистским произведением, зазывающим советскую молодежь в романтику освоения Севера. При сравнении оригинала и перевода становится ясным, что «Якутяночка» на русском языке — это очень сильно видоизмененный перевод песни «Якутский танец» Семена Данилова, это, можно сказать, стихотворение на мотив оригинала, выполненный Леонидом Дербеневым. За успехом этой песни остался незамеченным прекрасный перевод стихотворения, сделанный Винцентом Шаргуновым в 1975 г. (Данилов 1975, 87–88). В этом переводе, очень близком к оригиналу, мы видим, что стихотворение имеет посвящение — оно было написано в честь якутской балерины Евдокии Степановой. В нем воспеваются грациозные танцующие девушки. Их красота, плавность движений традиционно сравнивается со всем нежным и красивым, что есть в якутской природе, — с бабочками, березами, лебедями, Леной-рекой, а также со всем прекрасным, что создал якутский народ, — песнями, легендами, словами любви... А в знаменитой «Якутяночке» воспевается образ девушки из Крайнего Севера, танцующей среди снегов, что отличается от содержания стихотворения Семена Данилова. Этот перевод, на наш взгляд, демонстрирует одну из основных тенденций советского поэтического перевода — стереотипное представление всего, что находится за Уралом, как единое пространство вечных снегов, оленей, тундры, тайги, и нежелание переводчиков вникать в культурное разнообразие народов, населяющих Сибирь.

Такое отношение столичных переводчиков, конечно же, огорчало Семена Данилова и других поэтов. Например, С. Т. Руфов, В. М. Новиков-Кюннюк Урастыров и сам С. П. Данилов с высоких трибун указывали на вольности переводчиков и в качестве решения проблемы ставили вопросы финансирования творческих командировок, создания условий для тесного сотрудничества автора и переводчика, а также о профессиональной подготовке переводчиков-носителей якутского языка и культуры (Руфов 2004; Урастыров 1976; Данилов 1976).

Организация профессиональной подготовки переводчиков в 1970-е гг.

Как известно, в советское время художественные переводы делались с подстрочников. О том, как происходил этот процесс, оставил

свидетельства в виде очерков В. А. Солоухин (Солоухин 1983). И. С. Алексеева отмечает две, на наш взгляд, наиболее характерные черты советской практики подстрочного перевода — последующая идеологическая обработка и дробление ответственности: «Издаваемые книги проходили два этапа: подстрочный перевод и обработку. Такой подстрочный перевод вовсе не был пословным; он был вполне добротен и близок к подлиннику, но в нем могли обнаруживаться “вредные” высказывания. Зато при обработке подстрочника тексту придавались те акценты содержания, которые были идеологически “полезны”. При этом автор подстрочника не указывался, и поэтому ответственность за опубликованный текст дробилась, и неизвестно было — кто виновник допущенных искажений. Да и сравнить перевод с подлинником мало кто мог. Нравственная сторона такого нарушения авторского права исполнителей не беспокоила» (Алексеева 2010, 108).

Несмотря на то, что процитированное относится к переводам первой половины XX века, оно справедливо и по отношению к переводам описываемого периода в якутской литературе, особенно произведений зачинателей якутской литературы, которые в своих произведениях размышляли о судьбе родного народа в эпоху революционных перемен в стране.

Неудовлетворенность качеством литературных переводов сподвигло Семена Данилова на то, что он смог добиться в 1974 г. принятия на учебу в Литературный институт им. М. Горького группы якутской молодежи для обучения мастерству художественного перевода. Эти студенты, по замыслу С. Данилова, должны были образовать костяк переводческой службы при Союзе писателей Якутии. Однако безвременная кончина поэта и организатора переводческой деятельности в Якутии Семена Данилова не дала воплотиться в жизнь этим планам (Шапошникова 2003, 76). По возвращении в Якутск молодых переводчиков распределили в редакции газет, не дав возможности заниматься художественным переводом при Союзе писателей Якутии. Но таланты, которых смог разглядеть Семен Петрович, не пропали даром: годы перестройки и возрождения национального самосознания, открывшие новые темы для якутской литературы и новые горизонты ее развития, дали возможность творческой самореализации профессиональным переводчикам — студентам Литинститута того 1974 года набора — Аите Шапошниковой, Альбине Борисовой

и Марии Алексеевой (Павлова 2019, 21–22; 57–58; 681–683). Иначе говоря, они все-таки составили «костяк переводческой службы», но несколько иначе, чем планировал С. П. Данилов, — не под эгидой Союза писателей, но с глубоким пониманием ответственности своего дела, а потому именно в таком русле, в каком направил их Семен Данилов.

Заключение

Рассматривая историю переводческой деятельности в Якутии в период председательства Семена Данилова в Союзе писателей Якутии, мы приходим к следующим выводам. Художественный якутско–русский перевод в советское время выступал арбитром в идеологической борьбе — факт публикации переводов на русском языке в центральных издательствах расценивался как признание на высоком уровне, а комплиментарное сопровождение переводов позволяло взглянуть на эти произведения уже под другим, более позитивным углом зрения. Целенаправленная организация переводов — отбор произведений, подбор составителей подстрочников и литературных переводчиков, решение финансовых и внутриполитических вопросов — систематизировала процессы художественного перевода, способствовала увеличению количества переводов, заставляла задумываться о его качестве. 1960–1970-е годы в Советском Союзе, как мы считаем, наиболее благоприятствовали развитию литератур народов многонациональной страны. Этот исторический шанс не был упущен в Якутии благодаря Семену Данилову — харизматичному руководителю-патриоту, умело сочетавшему рычаги государственного регулирования и корпоративной заинтересованности. Поэтому крупные переводческие проекты, организованные Семеном Даниловым, задали вектор развития современной культуре Якутии на несколько десятилетий вперед — основа всего, чем мы гордимся сегодня, была заложена или укреплена именно в те годы. Стремление Семена Данилова создать переводы на русский язык значимых для якутской культуры произведений литературы и фольклора подтверждает, что художественные переводы — это еще одна форма фиксации духовного богатства того или иного народа, способная интегрировать национальную культуру в мировое культурное и языковое пространство.

Источники

- Данилов, С. П. (1975) Якутский танец. В кн.: *Зимнее солнце*. М.: Советский писатель, с. 87–88.
- Данилов, С. П. (1967) Нууччалыы мин билиим. В кн.: М. Д. Ефимов, И. И. Артамонов, В. М. Новиков (ред.). *Антология якутской поэзии*. Якутск: Якуткнигоиздат, с. 313–315.
- Ольхон, А. С. (1951) *Якутские волшебные сказки о Нюргуне Стремительном Светлом Витязе*. Иркутск: Иркутское областн. гос. изд-во, 92 с.
- Ольхон, А. С. (1963) *Волшебные сказки*. Иркутск: Книжное изд-во, 131 с.
- Полетика, В. В. (1957) *Нюргун Стремительный: Поэма по мотивам якутского народного эпоса*. Благовещенск: Амурское книжн. изд-во, 75 с.
- Штейнберг, А. А. (1960) *Богатырь на гнедом коне: Якутское сказание*. М.: Детгиз, 199 с.

Литература

- Алексеева, И. С. (2010) *Введение в переводоведение*. 4-е изд., стер. М.; СПб.: Академия, 368 с.
- Башарина, З. К., Башарин, К. Г., Башарина, О. К. (2019) С. П. Данилов и Г. П. Башарин: к вопросу о литературном наследии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова*, № 6 (74), с. 46–56. <https://www.doi.org/10.25587/SVFU.2019.74.44568>
- Васильева, А. А. (2006) Саха сиригэр тылбаас үлэтин тэрийии историятыттан. В кн.: Т. И. Петрова (ред.). *Нууччалыы-сахалыы тылбаас. Сахалыы-нууччалыы тылбаас. Научнай ыстатыйа хомуурунньуга. 3-с таһаарыы*. Якутск: Якутский государственный университет, с. 59–61.
- Васильева, А. А. (2010) Принципы и исторические этапы перевода якутского героического эпоса олонхо. В кн.: С. К. Мамбаева (ред.). *Перевод и будущее перевода. Материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Перевод и будущее перевода», Кыргызско-Турецкий Университет Манас, Бишкек, Кыргызстан (16 апреля 2010 г.)*. Бишкек: Текник, с. 124–131.
- Васильева, А. А. (2011) Из истории перевода религиозной литературы с русского на якутский язык. В кн.: Д. И. Черашняя (ред.). *Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: Сборник статей и материалов Международной научной конференции, посвященной 65-летию доктора филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича*. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, с. 451–457.
- Васильева, А. А. (2018) Основные этапы истории перевода общественно-политической литературы на якутский язык. *Мир науки, культуры, образования*, № 6 (73), с. 646–648.
- Васильева, А. А. (2019) К вопросу о периодизации истории переводческой деятельности в Якутии. В кн.: Н. И. Данилова (ред.). *Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, действительного члена АН РС(Я), заслуженного деятеля науки РФ и РС(Я), лауреата Государственной премии РС(Я) в области науки и техники, лауреата Государственной премии РС(Я) имени П. А. Ойунского, заслуженного ветерана Сибирского отделения РАН, главного научного сотрудника отдела якутского языка ИГиПМНС СО РАН Петра Алексеевича Слепцова*. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, с. 115–122. <https://doi.org/10.25693/PAS90.2019>
- Винокуров-Урсун, Н. Е. (сост.). (2018) *Сэмэн Данилов дневнигэ (1951–1978)*. Бэрдьигэстээх: «Үлэ күһнэ» хаһыат редакцията, 303 с.
- Данилов, С. П. (1976) Литература возрожденного народа. В кн.: И. Е. Буркова, Г. Г. Окороков (сост.). *Новые горизонты якутской литературы*. Якутск: Якутское книжное издательство, с. 9–26.
- Дементьев, В. В. (2009) *Наследники Ексекуляха. Интеллигенция Якутии*. М.: ИТРК, 255 с.
- Костикова, О. И. (2011) История перевода и переводческих учений. *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, № 2, с. 3–22.
- Находкина, А. А. (2012) *Основы теории перевода*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 207 с.
- Павлова, В. Н. (сост.). (2019) *Писатели Якутии: биобиблиографический справочник*. Якутск: Бичик, 708 с.
- Руфов, С. Т. (2004) Выступление на III Всесоюзном совещании переводчиков (Москва, 1970). В кн.: *Литература эйгэтигэр: ыстатыйалар, дакылааттар, рец., тыл этиилэр, ахтыылар*. Якутск: Бичик, с. 510–513.
- Слепцов, П. А. (1999) Нууччалыы-сахалыы тылбаас историятыттан. В кн.: Т. И. Петрова (ред.). *Саха тыла — ийэ тыл: Саха тыла — тылбаас тыл буолбатах!* Якутск: ДНЦ СПО МО РС(Я), с. 45–52.
- Слепцов, П. А. (2006) Сахалыы тылбаас (ааспыт анаарыы, билиннитэ, соруктар). В кн.: П. А. Слепцов, Н. И. Иванова, А. А. Васильева, М. Г. Дегтярева (ред.). *Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики. Материалы научно-практической конференции «Практика перевода в РС(Я): проблемы и перспективы», посвященной 300-летию русско-якутского перевода (24 февраля 2005 г.)*. Якутск: ИГи АН РС(Я), с. 3–21.
- Солоухин, В. А. (1983) Как мы переводим. В кн.: *Волшебная палочка*. М.: Московский рабочий, 253 с.
- Солоухин, В. А. (1988) Якутия. Ысыах. В кн.: *Продолжение времени: письма из разных мест*. М.: Советский писатель, с. 26–32. (Роман-газета, № 18 (1096)).

- Урастыров, К. (1976) Искусство и ответственность перевода. В кн.: И. Е. Буркова, Г. Г. Окорочков (сост.). *Новые горизонты якутской литературы*. Якутск: Якутское книжное издательство, с. 219–222.
- Федоров, А. В. (1983) *Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 303 с.
- Шапошникова, А. Е. (2003) Живой отклик в переводе. *Полярная звезда*, № 1, с. 76–79.
- Шапошникова, А. Е. (2019) О роли Литературного института имени А. М. Горького в становлении художественного перевода в Якутии. В кн.: *Перевод в поликультурном языковом пространстве Российской Федерации: потенциал и перспективы: сборник тезисов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Якутск, 12–13 апреля 2019 г.)*. Якутск: Издательский дом СВФУ, с. 25–32.

Sources

- Danilov, S. P. (1975) Yakutskij tanets [Yakut dance]. In: *Zimnee solntse [Winter sun]*. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., pp. 87–88. (In Russian)
- Danilov, S. P. (1967) Nuuchchalyy min biliim [My Russian language]. In: M. D. Efimov, I. I. Artamonov, V. M. Novikov (eds.). *Antologiya yakutskoj poezii [Anthology of Yakut poetry]*. Yakutsk: Yakutknigoizdat Publ., pp. 313–315. (In Yakut)
- Ol'hon, A. S. (1951) *Yakutskie volshebnye skazki o Nyurgune Stremitel'nom Svetlom Vityaze [Yakut fairy tales about Nyurgun the Swift Light Knight]*. Irkutsk: Irkutsk Regional Book Publ., 92 p. (In Russian)
- Ol'hon, A. S. (1963) *Volshebnye skazki [Fairy tales]*. Irkutsk: Book Publishing House, 131 p. (In Russian)
- Poletika, V. V. (1957) *Nyurgun Stremitel'nyj: Poema po motivam yakutskogo narodnogo eposa [Nyurgun the Swift: A poem based on the Yakut folk epic]*. Blagoveshchensk: Amur Publishing House, 75 p. (In Russian)
- Shtejnberg, A. A. (1960) *Bogatyr' na gnedom kone: Yakutskoe skazanie [Warrior on a chestnut horse: Yakutsk legend]*. Moscow: Detgiz Publ., 199 p. (In Russian)

References

- Alekseeva, I. S. (2010) *Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies]*. 4th ed. Moscow; Saint Petersburg: Academia Publ., 368 p. (In Russian)
- Basharina, Z. K., Basharin, K. G., Basharina, O. K. (2019) S. P. Danilov i G. P. Basharin: k voprosu o literaturnom nasledii [S. P. Danilov and G. P. Basharin: On the problem of literary heritage]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova — Vestnik of North-Eastern Federal University*, no. 6 (74), pp. 46–56. <https://www.doi.org/10.25587/SVFU.2019.74.44568> (In Russian)
- Danilov, S. P. (1976) Literatura vozrozhden'nogo naroda [Literature of the revived people]. In: I. E. Burkova, G. G. Okorochkov (comp.). *Novye gorizonty yakutskoj literatury [New horizons of Yakut literature]*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 9–26. (In Russian)
- Dement'ev, V. V. (2009) *Nasledniki Eksekyulyakha. Intelligentsiya Yakutii [Yoksyokyulyakh's heirs: The intelligentsia of Yakutia]*. Moscow: ITRK Publ., 255 p. (In Russian)
- Fedorov, A. V. (1983) *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of general theory of translation (linguistic problems)]*. 4th ed., rev. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 303 p. (In Russian)
- Kostikova, O. I. (2011) Istoriya perevoda i perevodcheskikh uchenij [The history of translation: Subject matter, methodology, place of translation studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 2, pp. 3–22. (In Russian)
- Nakhodkina, A. A. (2012) *Osnovy teorii perevoda [Fundamentals of translation theory]*. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 207 p. (In Russian)
- Pavlova, V. N. (comp.). (2019) *Pisateli Yakutii: biobibliograficheskij spravochnik [Writers of Yakutia: A biobibliographic reference]*. Yakutsk: Bichik Publ., 708p. (In Russian)
- Rufov, S. T. (2004) Vystuplenie na III Vsesoyuznom soveshchanii perevodchikov (Moskva, 1970) [Speech at the III All-Union Conference of Translators (Moscow, 1970)]. In: *Literatura ejgetiger: ystatyjar, dakylaattar, rets., tyl ettiiler, akhtyylar [In the world of literature: Articles, reports, reviews, speeches, recollections]*. Yakutsk: Bichik Publ., pp. 510–513. (In Russian)
- Shaposhnikova, A. E. (2003) Zhivoj otklik v perevode [Striking a chord with translation]. *Polyarnaya zvezda*, no. 1, pp. 76–79. (In Russian)
- Shaposhnikova, A. E. (2019) O roli Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo v stanovlenii khudozhestvennogo perevoda v Yakutii [On the role of the Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing in the formation of literary translation in Yakutia]. In: *Perevod v polikul'turnom yazykovom prostranstve Rossijskoj Federatsii: potentsial i perspektivy: sbornik tezisev po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Yakutsk, 12–13 aprelya 2019 g.) [Translation in the multicultural linguistic space of the Russian Federation: Potential and prospects: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Yakutsk, April 12–13, 2019)]*. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., pp. 25–32. (In Russian)

- Sleptsov, P. A. (1999) Nuuchchalyy-sakhalyy tylbaas istoriyatyttan [Excerpts on the history of Russian-Yakut translation]. In: T. I. Petrova (ed.). *Sakha tyla — ije tyl: Saha tyla — tylbaas tyl buolbatah! [Yakut language is a native language and not a translation language]*. Yakutsk: DNIPO Ministry of Education and Science of the Republic of Sakha (Yakutia) Publ., pp. 45–52. (In Yakut)
- Sleptsov, P. A. (2006) Sakhalyy tylbaas (aaspyty anaaryy, bilingite, soruktar) [Translation in Yakutia (past, present, future)]. In: P. A. Sleptsov, N. I. Ivanova, A. A. Vasil'eva, M. G. Degtyareva (eds.). *Aktual'nye problemy perevoda v svete yazykovoy politiki. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Praktika perevoda v RS(Ya): problemy i perspektivy", posvyashchennoj 300-letiyu russko-yakutskogo perevoda (24 fevralya 2005 g.)* [Current issues of translation in light of language policy. The proceedings of the scientific-practical conference "The Practice of Translation in the Republic of Sakha (Yakutia): Problems and Prospects", dedicated to the 300th anniversary of Russian-Yakut translation (February 24, 2005)]. Yakutsk: IHRISN SB RAS Publ., pp. 3–21. (In Yakut)
- Soloukhin, V. A. (1983) Kak my perevodim [How do we translate]. In: *Volshebnaya palochka [Magic wand]*. Moscow: Moskovskij rabochij Publ., 253 p. (In Russian)
- Soloukhin, V. A. (1988) Yakutiya. Ysyakh [Yakutia. Ysyakh]. In: *Prodolzhenie vremeni: pis'ma iz raznykh mest* [Continuation of time: Letters from different places]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., pp. 26–32 (Roman-gazeta. No. 18 (1096)). (In Russian)
- Urastyrov, K. (1976) Iskustvo i otvetstvennost' perevoda [The art and responsibility of translation]. In: I. E. Burkova, G. G. Okorokov (comp.). *Novye gorizonty yakutskoj literatury [New horizons of Yakut literature]*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., pp. 219–222. (In Russian)
- Vasil'eva, A. A. (2006) Sakha siriger tylbaas uletin terijii istoriyatyttan [Excerpts on the history of organizing translation activities in Yakutia]. In: T. I. Petrova (ed.). *Nuuchchalyy-sakhalyy tylbaas. Sakhalyy-nuuchchalyy tylbaas. Nauchnaj ystatyja khomuurun'uga. 3-s tahaaryy* [Russian-Yakut translation. Yakut-Russian translation. Collection of scientific articles. Vol. 3]. Yakutsk: Yakutsk State University Publ., pp. 59–61. (In Yakut)
- Vasil'eva, A. A. (2011) Iz istorii perevoda religioznoj literatury s russkogo na yakutskij yazyk [Excerpts on the history of translation of religious literature from Russian into the Yakut language]. In: D. I. Cherashnyaya (ed.). *Etnogenez udmurtskogo naroda. Etnos. Yazyk. Kul'tura. Religiya: Sbornik statej i materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 65-letiyu doktora filologicheskikh nauk, uchenogo-filologa, avtora eposa "Tangyra", perevodchika Biblii na udmurtskij yazyk, chlena Soyuza pisatelej Rossii Atamanova Mikhaila Gavrilovicha* [Ethnogenesis of the Udmurt people. Ethnos. Language. Culture. Religion: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 65th anniversary of Doctor of Philology, philologist, author of the epic "Tangyra", translator of the Bible into the Udmurt language, member of the Writers' Union of Russia Mikhail Gavrilovich Atamanov]. Izhevsk: Udmurt State University Publ., pp. 451–457. (In Russian)
- Vasil'eva, A. A. (2010) Printsipy i istoricheskie etapy perevoda yakutskogo geroicheskogo eposa olonkho [Principles and historical stages of translation of the Yakut heroic epic olonkho]. In: S. K. Mambaeva (ed.). *Perevod i budushchee perevoda. Materialy 2-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Perevod i budushchee perevoda", Kyrgyzsko-Turetskij Universitet Manas, Bishkek, Kyrgyzstan (16 aprelya 2010 g.)* [Translation and the future of translation. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference "Translation and the Future of Translation", Kyrgyz-Turkish Manas University (April 16, 2010)]. Bishkek: Teknik Publ., pp. 124–131. (In Russian)
- Vasil'eva, A. A. (2018) Osnovnye etapy istorii perevoda obshchestvenno-politicheskoy literatury na yakutskij yazyk [Main stages of the history of social and political literature translation into the Yakut language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya — The World of Science, Culture and Education*, no. 6 (73), pp. 646–648. (In Russian)
- Vasil'eva, A. A. (2019) K voprosu o periodizatsii istorii perevodcheskoj deyatel'nosti v Yakutii [On the issue of periodization of the history of translation activity in Yakutia]. In: N. I. Danilova (ed.). *Problemy i perspektivy razvitiya natsional'nykh literaturnykh yazykov v Rossii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologicheskikh nauk, professora, dejstvitel'nogo chlena AN RS(Ya), zaslužennogo deyatelya nauki RF i RS(Ya), laureata Gosudarstvennoj premii RS(Ya) v oblasti nauki i tekhniki, laureata Gosudarstvennoj premii RS(Ya) imeni P. A. Ojunsogo, zaslužennogo veterana Sibirskogo otdeleniya RAN, glavnogo nauchnogo sotrudnika otdela yakutskogo yazyka IGLiPMNS SO RAN Petra Alekseevicha Sleptsova* [Problems and prospects for the development of national literary languages in Russia: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Doctor of Philology, Professor, Full Member of the Academy of Sciences of the RS (Y), Honored Scientist of the Russian Federation and RS (Y), Laureate of the State Prize of the RS (Y) in Science and Technology, Laureate of the State Prize of the RS (I) named after P. A. Ojunsy, Honored Veteran of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Yakut Language Department of the IGLiPMNS SB RAS Petr Alekseevich Sleptsov]. Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 115–122. <https://doi.org/10.25693/PAS90.2019> (In Russian)
- Vinokurov-Ursun, N. E. (comp.). (2018) *Semen Danilov dnevnye (1951–1978)* [The diary of Semyon Danilov (1951–1978)]. Berd'igestekh: Editorial staff of the newspaper "Ule kuhe" Publ., 303 p. (In Yakut)

Check for updates

Перевод и переводоведение

УДК 811.161.1

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-197-205>

Прагматическая компетенция: академический дискурс

И. В. Кожухова ¹

¹ Челябинский государственный университет, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129

Сведения об авторе

Ирина Владимировна Кожухова,
SPIN-код: 9069-9160,
Scopus AuthorID: 57215011846,
ResearcherID: AАН-4271-2019,
ORCID: 0000-0002-6842-2184,
e-mail: vinantov@mail.ru

Для цитирования:

Кожухова, И. В.
(2021) Прагматическая
компетенция: академический
дискурс. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 3, № 2, с. 197–205.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-197-205>

Получена 13 февраля 2021;
прошла рецензирование 21 марта
2021; принята 21 марта 2021.

Финансирование: Статья
выполнена при финансовой
поддержке Фонда молодых
ученых Челябинского
государственного университета.

Права: © И. В. Кожухова (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов формирования прагматической компетенции в условиях дистанционного образования в академическом дискурсе. В условиях активизированного письменного общения «преподаватель — обучающийся» обнаруживается, что не все обучающиеся владеют навыками дистанцированного письменного общения, формируемыми в рамках прагматической компетенции. Целью работы является методическая разработка, в ходе работы с которой обучающиеся (1) актуализируют лексику, связанную с основными понятиями теории речевых актов и теории вежливости, (2) смогут сопоставить варианты использования различных лексических и синтаксических единиц, оценить их потенциал с точки зрения угрозы лицу обоих участников коммуникации. Обе цели влекут за собой формирование некоторых аспектов прагматической компетенции в академическом дискурсе. Материалом послужили элементы разработок зарубежных авторов по реализации прагматической компетенции в академическом дискурсе. К методам можно отнести рефлексивный и прагматический анализ, сопоставление языковых особенностей рассматриваемых единиц и конструкций. В связи с этим автором предложены рекомендации по минимизации коммуникативного давления и сохранения позитивного лица обеих сторон академической коммуникации: использование смягчающих модальных глаголов, клише, маркеров вежливости, хеджей-митигаторов, инклюзивного «мы». Примеры приведены на английском языке, однако интерпретация большинства примеров применима как для английского, так и для русского языка. Материалы работы могут быть использованы на практических и теоретических занятиях, например, на практикуме по культуре речевого общения, лингвистике и стилистике текста, теоретической грамматике, когнитивной лингвистике и другим предметам, входящим в стандартный перечень дисциплин по языковым специальностям.

Ключевые слова: прагматическая компетенция, академический дискурс, институционализированное общение, ликоугрожающий речевой акт, митигация, импозитивность, коммуникативное давление, хедж.

Pragmatic competence: Academic discourse

I. V. Kozhukhova✉¹

¹ Chelyabinsk State University, 129 Br. Kashirinykh Str., Chelyabinsk 454001, Russia

Author

Irina V. Kozhukhova,
SPIN-код: 9069-9160,
Scopus AuthorID: 57215011846,
ResearcherID: AAH-4271-2019,
ORCID: 0000-0002-6842-2184,
e-mail: vinantov@mail.ru

For citation:

Kozhukhova, I. V.
(2021) Pragmatic competence:
Academic discourse. *Language
Studies and Modern Humanities*,
vol. 3, no. 2, pp. 197–205.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-197-205>

Received 13 February 2021;
reviewed 21 March 2021;
accepted 21 March 2021.

Funding: This article was performed
with the financial support of the
Foundation for Young Scientists
of the Chelyabinsk State University.

Copyright: © I. V. Kozhukhova
(2021). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article is devoted to the description of some aspects of pragmatic competence formation within the format of online education in academic discourse. In conditions of intensified written communication of the teacher — student type it is discovered that not all students have the skills of written academic communication which is normally formed within the framework of pragmatic competence. The aim of the work is a methodological research, during which students (1) update vocabulary related to the basic concepts of the theory of speech acts and theory of linguistic politeness; (2) they can compare the options for using different lexical and syntactic means, assess pragmatic potential of the constructions used from the point of view of threatening a person. Both goals entail the formation of certain aspects of pragmatic competence in academic discourse. The data was elements of foreign authors on pragmatic competence. Methods used are reflective and pragmatic analysis, comparison of linguistic units of the considered units and constructions. The basic recommendations proposed by the author are to minimize communicative pressure and preserve the positive face of both sides of communication: the use of softening modal verbs, cliches, politeness markers, hedge mitigators, and an inclusive «we». The examples are in English, but the interpretation of most examples is applicable to both English and Russian.

Keywords: pragmatic competence, academic discourse, institutionalized communication, face threatening speech act, mitigation, imposition, communication pressure, hedging.

Вопросы формирования прагматической компетенции относятся к актуальным вопросам педагогики и лингвистики. Владение прагматической компетенцией как родного, так и иностранного языка помогает оптимизировать процесс коммуникации; в случае языковых специальностей прагматическая компетенция характеризуется и владением обучающимися профессиональными навыками, т. н. *hard skills*. Сформированная прагматическая компетенция также непосредственным образом влияет на реализацию многих «мягких навыков» (англ. *soft skills*), в сферу которых входят навыки эффективного и/или адекватного поведения в коллективе с различных позиций (начальник, подчиненный, член команды).

Прагматическая компетенция относится к тем сферам языка, которые нередко игнорируются в родном языке: предполагается, что носитель языка чувствует уместность употребления различных высказываний, имеет или может получить коммуникативный опыт, достаточный для ситуативного и адекватного ситуации использования языковых формул.

При изучении иностранного языка прагматическая компетенция также нередко уходит на второй план, освобождая место совершенствованию грамматики и расширению словарного запаса. В связи с активным применением коммуникативных методик формирование прагматической компетенции может происходить в результате непосредственного общения. У обучающихся языковым специальностям есть преимущество: кроме непосредственного общения они могут целенаправленно использовать разнообразные языковые конструкции для достижения максимального коммуникативного эффекта в конкретной ситуации общения.

Анализ публикационной активности на рассматриваемую тему говорит о стабильном интересе к ней: анализ публикаций РИНЦ в период с 2015 г. по декабрь 2020 г. предлагает 55 публикаций с ключевым словом «прагматическая компетенция». С одной стороны, можно сказать, что количество публикаций невысоко, с другой, если мы проанализируем смежные ключевые слова за тот же период, то увидим следующую картину. Частные проявления

прагматической компетенции — речеактовая и речеганровая — имеют единичные случаи упоминания. В то же время смежные понятия к анализируемой компетенции — коммуникативная и социокультурная — упоминаются в разы чаще. Так, на долю коммуникативной компетенции приходится 6893 ключевых слова за последние пять лет, социокультурная компетенция упоминалась в 1189 публикациях. Очевидно, что при трактовке всех ключевых слов «коммуникативная компетенция» является более общим понятием, которое активно используется как в педагогике и филологии, так и в других науках. Остальные же ключевые слова являются знаками подвидов коммуникативной компетенции и их употребление и толкование зависят от применяемых исследователем подходов. Коммуникативная компетенция традиционно трактуется в русле определения Д. Хаймса как «внутреннее знание ситуационной уместности языка» (Hymes 1972, 285).

Релевантными для данного исследования можно считать следующие работы, затрагивающие вопросы формирования прагматической компетенции: в статье «Прагматическая компетенция на практикуме по иностранному языку» (Кожухова 2015) была обоснована актуальность формирования прагматической компетенции у обучающихся языковых специальностей. В работах «Проблема формирования прагматической компетенции на уроках родного языка» (Кожухова, Редькина 2019) и «Прагматическая компетенция: in vivo и in vitro» (Кожухова, Редькина 2018) описана важность формирования прагматической компетенции для носителей языка, для изучающих иностранный язык как неродной в стране, где на этом языке не говорят (т. е. in vitro, например, английский язык в России — EFL, English Foreign Language) и для изучающих иностранный язык как второй иностранный (т. е. in vivo, непосредственно в стране изучаемого языка — ESL, English Second Language). Безусловной перспективой исследования является формирование прагматической компетенции в условиях использования английского языка для международного общения (EIC, English for international communication).

В рамках нашего исследования под понятием «прагматическая компетенция» мы понимаем формулирование высказывания с учетом ситуации, т. е. ситуативного контекста, и использование соответствующих типов речевых актов для достижения коммуникативных интенций. Прагматическая компетенция является частью коммуникативной компетенции наравне с лингвистической и социолингвистической

компетенциями (The CEFR illustrative descriptor scales 2001).

Особенностью обучения на факультетах филологии и иностранных языков является тот факт, что оно нацелено на более пристальную работу с языком, его многоаспектное осмысление. Языковые факультеты как никакие другие могут как имплицитно, так и эксплицитно обращать внимание на функционирование языка на уровне прагматики, научить ситуативно-приемлемому употреблению языковых средств.

Переход на дистанционное обучение обнажил ряд нюансов в реализации прагматической компетенции. Так, в связи с увеличением общения «преподаватель — обучающийся» по электронной почте, в чатах и на форумах оказалось, что обучающиеся не в полной мере владеют культурой субординационного общения. Данный факт подтверждается результатами исследования Л. Бакингема, который выделил основные трудности академического письма (обучающиеся — преподаватель), характерные для изучающих иностранный язык: (а) недостаточная митигация сообщений; (б) недостаточное использование академического метаязыка; (в) прямое выражение угрожающих лицу речевых актов (более широкое использование Я-сообщений, выдвижение требований и временных ограничений); (г) импозитивный характер повествования (Buckingham 2015, 45).

В условиях дистанционного обучения при регулярном решении обучающимися текущих вопросов особенности официально-делового стиля общения не соблюдаются, навык их использования достаточно быстро нивелируется. И если при общении на русском языке с носителями русского языка достаточно дать определенные разъяснения по результатам анализа письменной коммуникации, то при общении на иностранном языке подобных разъяснений может быть недостаточно. В этой связи появляется необходимость в разработке специального комплекса упражнений для формирования прагматической компетенции в академическом дискурсе в условиях дистанционного обучения.

Нередко понимание употребительности той или иной конструкции приходит в результате контрастивного сопоставления различных конструкций, прагматическая сила которых воспринимается на интуитивном уровне. Контрастивный анализ позволяет выявить тенденции в формулировках различных речевых актов. Заметим, что все аспекты прагматической компетенции, актуальные при изучении иностранного языка, полностью применимы и к академическому дискурсу (Cohen 2018, 7):

- использование угрожающих лицу речевых актов (просьбы, извинения и др.);
- понимание связи грамматической структуры и прагматической функции;
- выражение вежливости и невежливости;
- участие в беседе;
- подбор языковых единиц, соответствующих ситуации общения и собеседнику;
- использование языковых средств для выражения различных социальных ролей.

Отметим также, что прагматическая компетенция в академическом дискурсе имеет ряд особенностей, связанных с использованием академического языка обучающимися, работой с когнитивной базой и прагматическим характером сообщений (Molle, Sato, Boals, Hedgspeth 2015, 234).

В основе предлагаемой нами в данном исследовании разработки по формированию прагматической компетенции обучающихся в академическом дискурсе лежат исследования Д. Визенфорта (Weasenforth 2021) и А. Кейса (Case 2015).

В работе Д. Визенфорта рассматриваются различные варианты репрезентации в англоязычной академической среде угрожающего лицу речевого акта «просьба» (на примере просьбы предоставить обратную связь на сочинение).

В нашем исследовании под «ликоугрожающим речевым актом» мы понимаем такие речевые акты, в которых говорящий побуждает собеседника к действию, ограничивающему свободу коммуниканта. Угрожающие лицу речевые акты национально-специфичны, тем не менее, можно выделить ряд речевых актов, в которых угроза

лицу видна наиболее ярко: просьба, предложение, совет.

Угроза лицу при разностатусном общении налагает определенные ограничения на использование лексических единиц и синтаксических конструкций. В рамках нашей работы с обучающимися предлагается рассмотреть предложенные варианты просьб и обсудить их узуальность и употребимость с двух ракурсов — комментарии носителей языка по поводу предложенных конструкций и комментарии для обучающихся, для которых английский язык является иностранным. Подобное обсуждение не только актуализирует продуктивные формулы просьбы в академическом дискурсе, но и знакомит с метаязыком прагматики. В целом ход анализа сопоставим с процедурой, предложенной в работе «Levels of pragmatic competence in an EFL academic context», в рамках которой авторы выделяют прагматическую осведомленность (pragmatic awareness), металингвистическую компетенцию (metalinguistic competence), метапрагматическую компетенцию (metapragmatic competence), языковую компетенцию (linguistic competence) (Ifantidou, Tzanne 2012).

Ниже мы приводим фрагмент учебной разработки по формированию прагматической компетенции в академическом дискурсе с использованием примеров фраз на иностранном языке, составленных обучающимися, их интерпретацией носителями языка, а также пояснениями на русском языке (табл. 1).

Обсуждение подобного рода высказываний позволяет раскрыть прагматические

Табл. 1. Прагматический анализ речевого поведения обучающихся (на примере конситуации «просьба»)

Примеры фраз на английском языке и комментарии носителей языка	Комментарии на русском языке
<i>Your thoughts on this?</i> «В целом, конструкция подходящая, но звучит слишком обыденно».	Наличие субординативных отношений преподаватель — обучающийся подразумевает использование конструкций и лексем с идентификатором негативной вежливости. Так, импозитивность и разговорность можно смягчить, добавив маркер вежливой просьбы <i>Would you...?</i>
<i>I do need to get your feedback on this.</i> «Неподходящая конструкция».	Импозитивность речевого акта реализуется за счет эмфатического глагола <i>do</i> , усиливающего коммуникативное давление. Вариант допустимой формулировки может включать наличие модального глагола (напр., <i>would</i>) и объяснение причины необходимости отзыва о работе.

Табл. 1. Продолжение

<i>I'm looking forward to any feedback you can provide.</i> «Однозначно подходящая конструкция».	В данном примере соблюдается коммуникативная дистанция за счет использования клише (<i>I'm looking forward</i>), позитивное лицо реципиента не подвергается угрозе: инициатор общения не ограничивает обратную связь в качестве и количестве (<i>any, can</i>).
<i>Please notify me, hopefully before the weekend is over, on what I should do.</i> «Неподходящая конструкция».	Импозитивность речевого акта не позволяет интерпретировать его как вежливый или нейтральный. Наличие срока сдачи работы является угрозой позитивному лицу, что недопустимо для разностатусной коммуникации. В данном случае возможны два варианта: а) удаление информации о сроке сдаче сделает просьбу нейтральной, либо б) пояснение срока сдачи работы может снизить импозицию, однако причина должна быть оправданной.
<i>I need your advice.</i> «В целом, подходящая конструкция».	Глагол <i>need</i> является полумодальным. Основное значение может быть причиной угрозы позитивному лицу реципиента, т. к. говорящий акцентирует внимание на своих нуждах и приоритетах. В данном случае глагол <i>need</i> контрастирует с глаголом <i>want</i> ; имея примерно одинаковое значение, они будут контекстуально различимы: <i>want</i> не будет использоваться в вежливых просьбах.
<i>Please help me.</i> «В целом, подходящая конструкция».	Определенные нюансы в интерпретации данной формулировки могут возникнуть в результате использования глагола <i>help</i> , который может показаться импозитивным за счет семантики — бенефициант действия своей просьбой ограничивает коммуникативную свободу реципиента.
<i>If possible, please review the draft and reply me through e-mail tonight or early next morning.</i> «Неподходящая конструкция».	Возможность выбора действия, подкрепленная маркером вежливости, имеет, в целом ликосохраняющую и неимпозитивную формулировку, однако информация о крайнем сроке сдачи работы минимизирует все формулы вежливости, которые употреблялись в первой части.
<i>Here is my essay. pls. help me to check it.</i> «В целом, подходящая конструкция».	В данном случае просьба нейтральная, семантика глагола <i>help</i> нейтрализуется за счет использования маркера вежливости.
<i>I sent my research paper for you to put your comments on last Friday. Up to today, I do not receive any from you.</i> «Однозначно неподходящая конструкция».	Я-ориентация сообщения, отсутствие маркеров, смягчающих угрозу лицу, ограничение даты сдачи работы и общая импозиция формулировки не позволяет использовать данный вариант в разностатусном общении. Вариант использования: равностатусное общение, коллеги, работающие над одним проектом. Даже в этом случае очевидно общее недовольство и угроза лицу.
<i>I want to know the results of final exam so please let me know as soon as possible.</i> «Неподходящая конструкция».	Недопустимое использование глагола <i>want</i> в просьбах, временное ограничение <i>as soon as possible</i> недопустимо при субординативных отношениях.

детерминанты: импозитивность высказывания, невозможность ставить временные ограничения при субординативных отношениях, распознавание угрозы лицу в лексике и синтаксических конструкциях. Работа с неподходящими для конситуации высказываниями также помогает объективизировать подходящие речевые конструкции.

Подобный анализ ликоугрожающих речевых актов позволяет сформировать прагматическую компетенцию в академическом иноязычном дискурсе. Параллельно можно рассмотреть конструкции, которые используются обучающимися при переписке на родном (русском) языке и аналогичным образом проанализировать употребляемые конструкции, что будет, несомненно, способствовать формированию или дальнейшему развитию у обучающихся т. н. «мягких навыков».

В работе А. Кейса, которая также лежит в основе нашей разработки по формированию прагматической компетенции в академическом дискурсе, предлагается обсуждение некоторых фраз, якобы произнесенных преподавателями (Case 2015). Если в работе Д. Визенфорта предполагалось обсуждать ответы обучающихся, то в данном случае критическому разбору подвергаются реплики преподавателей.

Общей рекомендацией А. Кейса является включение хеджей-митигаторов, т. е. средств выражения нечеткости, минимизирующих категоричность высказывания и снижающих

коммуникативное давление на участников коммуникации. К таким хеджам автор относит, в том числе *a bit, probably, a moment, at least, at this stage, attempts, better, can, could, don't know, excuse, guess, not completely, hopefully, I'd like, some, might, most, much, no real* и многие другие. Чаще всего хеджами-митигаторами становятся модальные глаголы, аппроксиматоры, эпистемические глаголы и др. (Case 2015).

По мнению Ф. Алькураши, наиболее оптимальными хеджами-митигаторами для академического общения можно считать *maybe, possibly, perhaps*. Именно эти три митигатора наиболее реальны и используются практически на всех уровнях владения иностранным языком (Alqurashi 2019).

В предлагаемой нами разработке формирования прагматической компетенции в академическом дискурсе прагматический анализ также идет по пути сопоставления. В нижеприведенном примере (табл. 2) обучающимся предлагается сравнить конструкции, использованные в репликах преподавателей, и обсудить их корректность с точки зрения прагматических категорий.

В заключении отметим, что использование подобного рода обсуждений возможно на занятиях по теоретической и практической грамматике, практикуму по культуре речевого общения на английском языке, так как помогает на практическом материале актуализировать теоретические понятия прагматической лингвистики, выделить основные способы,

Табл. 2. Прагматический анализ речевого поведения преподавателей в академическом дискурсе

Исходные / желательные варианты реплик преподавателей	Комментарий
Реплики перед началом занятия	
The others are late but it's time to start. / Well, there are still a few people missing but I guess we should start.	Глагол <i>be late</i> ('опаздывать') может включать имплицитную импозицию, которую можно заменить на вариант в русском языке «пока остальные подходят», или, как в приведенном примере <i>a few are missing</i> ('некоторых еще нет'), тем самым делая свое выражение коммуникативно-нейтральным.
Реплики во время занятия	
Today you have to talk about.../ The topic of today's session is... We're going to talk about... What I'd like to discuss is...	Импозитивность и угроза позитивному лицу слушающих реализуется за счет использования местоимения <i>you</i> . Более нейтральным будет считаться вариант с инклюзивным «мы», либо же вариант в неопределенно-личной форме.

Табл. 2. Продолжение

<i>As every idiot knows.</i> <i>As you should all know... /</i> <i>As you might already be aware...</i> <i>I guess at least most of you already know...</i>	Имея в словаре помету «грубое» (offensive), лексема эксплицитно содержит угрозу позитивному лицу. Учитывая то, что данная фраза может быть произнесена в разностатусном институционализированном общении, необходимо исключить варианты грубых языковых форм, номинирующих собеседника. Вариант с использованием абсолютизирующей конструкции <i>you should all know</i> хотя не является оскорбительным, тем не менее, ограничивающе-абсолютизирующее местоимение <i>all</i> традиционно не считается подходящим для выражения подобных значений.
<i>Everyone knows that old people... /</i> <i>It is commonly thought that the majority of people over retirement age...</i>	Неопределенно-личное местоимение, распространяющее свое действие на всех присутствующих, необходимо заменить хеджем-митигатором, который меняет значение конструкции с абсолютной на относительную.
<i>You're probably wondering why you have to do this. /</i> <i>The reason I want to discuss this is to...</i> <i>Through this discussion I hope you can...</i>	Институциональный дискурс предусматривает нейтральные конструкции, сохранение субординации и позитивного лица говорящего в данных примерах производится за счет Я-конструкций.
<i>Tell us what you decided. /</i> <i>Could you tell us what your group decided?</i> <i>Can you report back on your decision?</i>	Традиционно считается, что глагол в императивной форме без модификаторов не подходит для выражения просьб в английском языке.
Реплики для установления / получения обратной связи	
<i>You didn't contribute enough. /</i> <i>You could have contributed a bit more.</i>	Митигация смысла происходит за счет смещения акцента с негативной информации на «перспективную».
<i>Your PowerPoint was a mess. /</i> <i>You could work on your PowerPoint a bit more.</i>	Как и в предыдущем примере, желательно минимизировать коммуникативное воздействие и степень импозитивности, не используя угрожающие позитивному лицу лексемы (напр., <i>mess</i>).
<i>Next time, you have to... /</i> <i>Next time, make sure that you...</i> <i>Please make an effort to...</i> <i>Make a note to...</i> <i>You should consider...</i> <i>I would recommend...</i>	Модальный глагол <i>have to</i> показывает на внешнюю облигаторность действия. Рекомендуются замена модального глагола на менее категоричный (напр., <i>should, would</i>), использование описательных нейтральных конструкций и маркеров, смягчающих силу иллокутивного воздействия.
<i>Wasn't as bad as last week. /</i> <i>You'd really improved...</i>	Лексема <i>bad</i> заменяется на лексему с позитивной семантикой <i>improve</i>, формируя ситуацию успеха.
Реплики для того, чтобы задать домашнее задание	
<i>Write a summary and email it asap. /</i> <i>Please write a summary of your position and email to me by midday on Friday.</i>	Использование императива и неопределенно-срочное ограничение по времени заменяется использованием императива с маркером вежливости, неопределенные временные рамки переформулируются в более точные, с указанием дня недели и времени.

Табл. 2. Продолжение

<i>You can find out if you passed or failed tomorrow. /</i> Your marks will be posted on the noticeboard outside my office.	Лексику, акцентирующую внимание на ситуации проигрыша (т. е. угрожающую позитивному лицу), желательно заменить на лексику с нейтральной семантикой.
Реплики в конце занятия	
Time's up. / We seem to have run out of time, so we'll have to leave the discussion there	Вместо констатации фактов (напр., <i>time's up</i> 'время вышло'), авторы предлагают использовать более развернутые фразы с благожеланиями. Использование развернутых конструкций сохраняет позитивное лицо обеих сторон коммуникации.
<i>Thanks for coming. /</i> Thanks for all your great contributions today.	

сохраняющие позитивное лицо обеих сторон коммуникации за счет использования модальных глаголов, лексем с позитивной семантикой, маркеров вежливости и митигаторов.

Предлагаемый автором исследования подход, основанный на рефлексивном и прагматическом

анализе речевого поведения участников академической коммуникации в дистанционной форме, несомненно, способствуют формированию у обучающихся на языковых направлениях подготовки отдельных аспектов прагматической компетенции.

Литература

- Кожухова, И. В. (2015) Прагматическая компетенция на практикуме по иностранному языку. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 27 (382), с. 96–100.
- Кожухова, И. В., Редькина, О. Ю. (2018) Прагматическая компетенция: in vivo и in vitro. В кн.: *Образование. Язык. Межкультурная коммуникация: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, с. 59–63.
- Кожухова, И. В., Редькина, О. Ю. (2019) Проблема формирования прагматической компетенции на уроках родного языка. В кн.: *Художественное произведение в современной культуре: творчество — исполнительство — гуманитарное знание: сборник статей и материалов*. Челябинск: Изд-во ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, с. 189–192.
- Alqurashi, F. (2019) Pragmatic competence for L2 learners: The case of *maybe*, *perhaps*, and *possibly* as hedging terms. *Theory and Practice of Language Studies*, vol. 9, no. 6, pp. 637–644. <https://www.doi.org/10.17507/tpls.0906.05>
- Buckingham, L. (2015) *Doing a research project in English studies*. London: Routledge Publ., 204 p. <https://doi.org/10.4324/9781315720852>
- Case, A. (2015) Leading seminars / Discussions politeness competition game. *UsingEnglish.com*. [Online]. Available at: <https://www.usingenglish.com/teachers/lesson-plans/view-leading-seminars-discussions-politeness-competition-game/> (accessed 10.02.2021).
- Cohen, A. D. (2018) *Learning pragmatics from native and nonnative language teachers (Second Language Acquisition)*. Clevedon: Multilingual Matters Publ., 312 p. <https://www.doi.org/10.21832/COHEN9924>
- Hymes, D. H. (1972) On communicative competence. In: J. B. Pride, J. Holmes (eds.). *Sociolinguistics. Selected readings*. Harmondsworth: Penguin Publ., pp. 269–293.
- Ifantidou, E., Tzanne, A. (2012) Levels of pragmatic competence in an EFL academic context: A tool for assessment. *Intercultural Pragmatics*, vol. 9, no. 1, pp. 47–70. <https://www.doi.org/10.1515/ip-2012-0003>
- Molle, D., Sato, E., Boals, Th., Hedgpeth, C. A. (eds.). (2015) *Multilingual learners and academic literacies: Sociocultural contexts of literacy development in adolescents*. New York; London: Routledge Publ., 332 p. <https://doi.org/10.4324/9781315727479>
- The CEFR illustrative descriptor scales: Communicative language competences. (2001) *CEFR*. [Online]. Available at: <https://rm.coe.int/0900001680a084c3> (accessed 17.03.2021).

Weasenforth, D. (2021) *What do you think? Requesting responses from professors*. [Online]. Available at: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/weasenforth.pdf (accessed 10.02.2021).

References

- Alqurashi, F. (2019) Pragmatic competence for L2 learners: The case of *maybe*, *perhaps*, and *possibly* as hedging terms. *Theory and Practice of Language Studies*, vol. 9, no. 6, pp. 637–644. <https://www.doi.org/10.17507/tpls.0906.05> (In English)
- Buckingham, L. (2015) *Doing a research project in English studies*. London: Routledge Publ., 204 p. <https://doi.org/10.4324/9781315720852> (In English)
- Case, A. (2015) Leading seminars / Discussions politeness competition game. *UsingEnglish.com*. [Online]. Available at: <https://www.usingenglish.com/teachers/lesson-plans/view-leading-seminars-discussions-politeness-competition-game/> (accessed 10.02.2021). (In English)
- Cohen, A. D. (2018) *Learning pragmatics from native and nonnative language teachers (Second Language Acquisition)*. Clevedon: Multilingual Matters Publ., 312 p. <https://www.doi.org/10.21832/COHEN9924> (In English)
- Hymes, D. H. (1972) On communicative competence. In: J. B. Pride, J. Holmes (eds.). *Sociolinguistics. Selected readings*. Harmondsworth: Penguin Publ., pp. 269–293. (In English)
- Ifantidou, E., Tzanne, A. (2012) Levels of pragmatic competence in an EFL academic context: A tool for assessment. *Intercultural Pragmatics*, vol. 9, no. 1, pp. 47–70. <https://www.doi.org/10.1515/ip-2012-0003> (In English)
- Kozhukhova, A. V. (2015) Pragmaticheskaya kompetentsiya na praktikume po inostrannomu yazyku [Pragmatic competence in L2 acquisition]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 27 (382), pp. 96–100. (In Russian)
- Kozhukhova, A. V., Redkina, O. Yu. (2018) Pragmaticheskaya kompetentsiya: in vivo i in vitro [Pragmatic competence: In vivo and in vitro]. In: *Obrazovanie. Yazyk. Mezhdunarodnaya kommunikatsiya: sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Education. Language. Intercultural Communication: Proceedings of All-Russian conference]*. Perm: Perm State University Publ., pp. 59–63. (In Russian)
- Kozhukhova, A. V., Redkina, O. Yu. (2019) Problema formirovaniya pragmaticheskoy kompetentsii na urokakh rodnogo yazyka [Problem of formation of pragmatical competence at lessons of the native language]. In: *Khudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoj kul'ture: tvorchestvo — ispolnitel'stvo — gumanitarnoe znanie: sbornik statej i materialov [Work of art and modern culture: Creativity — performance — humanitarian knowledge: Proceedings of All-Russian conference]*. Chelyabinsk: South-Ural States Institute of Arts the name after P. I. Tchaikovsky Publ., pp. 189–192. (In Russian)
- Molle, D., Sato, E., Boals, Th., Hedgpeth, C. A. (eds.). (2015) *Multilingual learners and academic literacies: Sociocultural contexts of literacy development in adolescents*. New York; London: Routledge Publ., 332 p. <https://doi.org/10.4324/9781315727479> (In English)
- The CEFR illustrative descriptor scales: Communicative language competences. (2001) *CEFR*. [Online]. Available at: <https://rm.coe.int/0900001680a084c3> (accessed 17.03.2021).
- Weasenforth, D. (2021) *What do you think? Requesting responses from professors*. [Online]. Available at: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/weasenforth.pdf (accessed 10.02.2021). (In English)